

Владимир Масляев

С ОСЕНИ ДО ВЕСНЫ

Роман

Курган – 2012

Масляев Владимир Борисович.

С осени до весны. Роман в трех частях.

– Курган. – Центр «Отклик». – 2012. – с.

* * *

Герои романа – наши современники, связанные общей судьбой в 80-е, а затем и в 90-е годы XX века. Менялась жизнь – менялись и люди: каждый из них прокладывает свою дорогу, ищет свой выход из различных жизненных ситуаций.

* * *

Масляев Владимир Борисович – курганский писатель и историк. Автор более тридцати статей по социально-политическим вопросам, отечественной и военной истории, а также книг «Излом» (Стихи, 1994), «Мост» (Стихи, поэмы, повести, рассказы, 2000), «Россия: значение побед, уроки поражений» (2010), «И.И. Неплюев: жизнь и деятельность» (2010), «Ожидание Маргариты» (повести и рассказы, 2011).

* * *

Заказ № 1238. Подписано в печать 12.07.2012.

Изготовлено и отпечатано в центре «Отклик».
г. Курган, ул. 4-я Больничная 8-16, тел. 54-20-53.

Часть первая

ТОРНЫЙ ПУТЬ

Глава первая

УТРО

В тот год осень была теплая и сухая, а зима не спешила. В день Октябрьской годовщины холодный северный ветер гнал по улицам тучи пыли, люди чертыхались и терли глаза. Снег посыпался с неба колючей крупой в конце дня. Земля давно уж промерзла, и ветер закружил по асфальту поземку вместе с пылью и жухлой листвой.

Такой же студеной и хмурой была поздняя осень сорок первого, когда тревожно гудящие эшелоны домчали в Ярск оборудование и людей эвакуированного из Белоруссии механического завода. Станки выгружали в тупике, вблизи каменных зерноскладов, которые стали цехами. Завод давал фронту мины, гранаты. К станкам встали молоденькие девчонки, подростки и старики. Они, как и вся тыловая Россия, работали по двенадцать и по четырнадцать часов, после смен спали у «буржук» вповалку, чтобы не идти в холодный барак, ждали четыре года Победу и в сорок пятом ее дождались. Обветшавшим от времени складам тоже памятен тот майский день. Сейчас они теснятся поодаль, в тени новых заводских корпусов, как бы признавая свою второстепенность, свой малый вес в масштабах современного производства. Но любой новичок не пройдет мимо старых цехов, а прикоснется к истории: миновав тарный участок, другие мелкие службы, он придет сюда для вводного инструктажа по технике безопасности.

После войны разросся Ярск, некогда захолустный и грязный, как большая деревня. Старожилы еще держали в памяти времена, когда здесь гоняли на выпас коров, а на улицах не было ни метра асфальта. Рассказывали, как в начале пятидесятых в центре города, на улице Красина, сел «на брюхо» в непролазной грязи мощный «ЗИМ» «железного» сталинского наркома Лаза-

ря Кагановича, ехавшего от вокзала в обком. «ЗИМ» вызволил Т-34 из учебного танкового полка, а Каганович под впечатлением своего приключения взялся помочь городу в выделении средств на благоустройство.

До середины семидесятых Ярск выгодно отличался от соседних областных центров по продовольственному снабжению населения. В магазинах было все, кроме икры и птичьего молока. И в преддверии визита в Ярск председателя Совета Министров РСФСР Геннадия Воронова областное начальство не ударило в грязь лицом: прилавки ломились от разнообразной снеди, будто сошедшей со страниц бесподобной книги «О вкусной и здоровой пище». Ошалевшие жители города кинулись скупать деликатесы, а Воронов, обозрев это изобилие, сделал свой вывод. «Вы тут неплохо устроились, – будто бы изрек предсовмина на встрече с активом, – а трудящиеся индустриальных центров Урала сухие корки мочат в слезах – тем и сыты». И распорядился урезать фонды Ярской области по скоромному вдвое. Через год история повторилась один к одному: на очковтирательство местных властей Воронов вновь ответил злой и коварной шуткой. Вскоре областной центр сел на продовольственные талоны, и о былом изобилии торгова остались туманные воспоминания.

Однако голодающих не было. На рынке и в кооперативной торговле было все, что могла просить душа, и цены не очень кусались. Многие горожане имели продовольственную опору в деревне – сельская родня исправно снабжала «своих» мясом, салом, сметаной. За нехватку масла и колбасы бранили начальство, которое из кожи вон лезло, навеливая «братскую помощь» лукавым «друзьям» – индонезийцам, египтянам, афганцам.

Промышленное строительство в городе сильно опережало жилищное. Расширялись образованные в военное лихолетье заводы, строились новые предприятия. Рекордными темпами росла численность населения. Львиную долю новояиспеченных горожан составили вчерашние сельчане, и потому областной центр сильно отдавал сибирской деревней: народ здесь жил работающий, но неотесанный, грубоватый. В семидесятые годы механическому заводу сосватали приборостроительный и нарекли Ярским приборо-механическим объединением. Хотя механический сделался первой площадкой объединения, старожилы продолжали именовать ее трехзначным номером, носи-

мым заводом в годы войны.

В восьмидесятые годы на предприятии трудилось третье поколение заводчан. Внуки «детей войны», вставших некогда за станки ради Победы, с удивлением взирали на консервативные заводские порядки.

Железная необходимость выполнения производственных планов, заданий, поддержание жесткой трудовой дисциплины (за минутное опоздание работник лишался части премиальных), – все это перекочевало из военного лихолетья сороковых в эпоху «развитого социализма». Праздничные демонстрации, массовые спортивные мероприятия и субботники служили для дедов и отцов развлечениями; молодежь принимала это как данность. Порядок казался незыблемым, установившемся «все-речь и надолго».

С того дня, как Вера Воронова пришла на завод, минуло больше четырех лет. Еще свежо было в памяти, как их, выпускниц ПТУ, «мариновали» в отделе кадров. Уговаривали работать на первой площадке объединения. Девчонки знали, что «первая площадка» – почти сплошь механическое производство и упирались как могли: в училище они выучились на радиомонтажниц, а изменять специальности не было никакого резона. Седой жилистый кадровик исчерпал все доводы, растратил улыбки и комплименты – девчонки продолжали упрямо стоять на своем. Кадровик устало потер глаза:

– Давайте закругляться. Работать будете в восемнадцатом механическом. Год обязаны отработать, хотите вы того или нет. Так что с понедельника можете приступать. До свидания!

Из десяти Вериных однокашниц через год в цехе осталось шестеро. Они и составили ядро комсомольско-молодежной бригады важнейшего по всей площадке двадцать шестого изделия. Веру выбрали бригадиром.

Двадцать шестое изделие – втулка из нержавейки с тремя пазами на торце и наружной резьбой. Ряд технологических операций выполнял автоматом-механический цех, а остальные, наиболее сложные, доделывал участок Достовалова – четыре бригады токарей-операционниц – и Верина в их числе. Часть деталей давал Достовалову единственный в восемнадцатом цехе автоматный участок Кожина.

В цех Вера приходила одной из первых. Шла к зеркалу,

привычным движением заправляла темно-русые локоны под белоснежный чепец. Щурясь от света неоновых ламп, глядела на выкрашенные в зеленый цвет ряды станков, витую решетку, что отгораживала бюро технического контроля, стеклянные перегородки кладовых и служб. Тихонько шипел сжатый воздух, бил крыльями голубь в полете, за окнами только-только занимался рассвет. Цех был средней величины: не было роботов и автоматических линий, не прогибали рельсов тяжелые краны. Работало здесь не больше трехсот человек. У станков и в проходах была чистота. Веселили глаз кадки с цветами. За культуру производства строго взыскивал сам генеральный директор объединения.

Вера хмурилась, читая запись в журнале: во вторую смену вышел из строя фрезерный агрегатный станок. Заместитель начальника цеха Соломин подходил мягкой неслышной походкой, приветливо щурил близко поставленные прозрачной воды глаза.

– Что, опять ваш фрезерный заартачился? Сейчас его мужики подшаманят.

Вера смотрела на его морщинистый лоб, зачесанные на темя редкие волосы, скользила взглядом по неизменному синему галстуку и тщательно отглаженному воротничку.

– Вы бы, Николай Терентьич, лучше приняли в цех еще хоть парочку слесарей, – в больших черных глазах ее загорелись гневные огоньки, – чтоб было кому во вторую смену «шаманить». Уже в очередях перед слесаркой стоим! А механику это все – до лампы...

Соломин дружелюбно усмехался, трогал худое Верино запястье теплой сухой рукой.

– Слесаря, Верочка, в наши дни дефицит. А механик скоро уходит от нас.

Вера нервно вздрогнула уголком губ.

– Вот радость-то! У нас ему, видно, больше нечем разжиться.

Соломин морщился как от горькой пилюли, шел в слесарку. Поговаривали, что механик Норкин подпольно снабжает соседнюю автоколонну инструментом и запчастями, а благодарные автомобилисты выплачивают ему за это оклад кочегара. (Кочегаром будто был фиктивно оформлен его, Норкина, тесть.) Поймать Норкина не могли, но известию о его переходе в ремонтный цех все были рады.

За четверть часа до начала смены явился сам Норкин – дородный мужчина тридцати пяти лет с властным взором и здоровым цветом лица. Он не спеша обносил тучный живот вокруг токарных автоматов – проверял качество уборки станков. Норкин предвидел, что мастера автоматного участка схлестнутся с ним на планерке за простой семи машин и потому загодя готовил «крючки». Цеховую службу механика он почти развалил: уволились старые слесаря, качество ремонта упало. Неквалифицированные новички разбирали и собирали один станок по нескольку раз, прежде чем находили истинную причину поломки. Цех лихорадило от каждодневных простоев.

Восемь двадцать – пятиминутка. Половина работниц окружила мастеров, ожидая расстановки по операциям, несколько человек толпилось возле кладовой.

– Опять деталей с гулькин нос, – со вздохом сказала цеховой комсорг Галя Карпова. – Не раскачались еще мужички.

– К тридцать первому числу раскочегарят, – прогудела пышнотелая бойкая Римма Колотыгина. – В последний день родят тысяч сто корпусов, а мы их доделаем... тридцать второго!

– Все барахло свое спихнут под шумок, – с досадой поморщилась Галя, – дожимайте, девочки, у нас-то план – в кармане.

Зло блестя глазами, пошли к мастерам. Рядом с плечистой Риммой Галя казалась хрупким подростком, хотя была отнюдь не мелка.

Старший мастер Достовалов прекрасно знал о нехватке деталей, поэтому распустил вожжи: расспрашивал, как отгуляли октябрьские, как успехи мужей и здоровье детей; улыбался просительно и виновато. Вера помалкивала до поры. Достовалов то и дело косился на нее и на Римму. Понял, что скандала не избежать, втянул голову в плечи.

– Отдохнули, девочки, теперь за работу. Дневное задание начальника производства – сорок пять тысяч деталей. Давайте все по местам.

– Начальник производства большой фантазер, – сквозь зубы бросила Вера. – А когда, Анатолий Николаич, детали нам будут по-человечески подавать? Автоматный цех не в состоянии ритмично работать, а с доделки каждый день по сорок пять тысяч

трясут! Привычку взяли – спрашивать все с хвоста. А голова, значит, для украшения?

Работницы одобрительно зашумели. Достовалов кисло скривился.

– Вот ты об этом сама начальнику цеха скажи.

Вера дернула плечом, поджала нервные губы.

– Я скажу. В октябре план завалили. Это смешно – пятнадцать тыщ не добрали, а пахали аж все субботы. Псу под хвост наша работа! Не сегодня – завтра начальство опять обхаживать нас начнет. Опять посулы, опять штурмовщина. Уж лучше сейчас сыр-бор запалить, пока не поздно.

У Достовалова бросилась кровь клицу. Проговорил, заикаясь:

– Приходи на планерку. Там ты п-получишь такую возможность – с-сказать.

Тем, кто работал на соцпроизводстве, или отбывал там положенные молодому специалисту три года, хорошо известны понятия утренняя и вечерняя оперативка, а также кого и за что там каждодневно «едят».

Поспешно бросая недокурные сигареты, заходят а «предбанник» замы, механик, начальники участков и служб, мастера. Покидают «чистилище» с разным настроем. Одни спокойно приступают к работе, другие, хлопнув дверью, шарят в карманах дрожащей рукой, достают «адово зелье». Курением облегчают душу: сигаретный дым дробит и выносит засевшую в сердце обиду. Улеглась обида – просыпается злость: на работу, на начальство, на тех, «из-за кого»... Чтобы выполнить дневное задание, не жалеют ни других, ни себя: впереди еще вечерняя оперативка.

Начальник цеха Николай Федорович Козякин отдал заводу не год и не два. Поздно – в тридцать пять лет – окончил институт и лишь в сорок шесть получил под команду большое и сложное цеховое хозяйство. Как производственник старой закалки, был он довольно прямолинейным, но работу тянул как вол, не жалея ни здоровья, ни сил. Особо чтит субординацию и дисциплину, не терпел лодырей и прожектеров. В разряд последних у него нередко попадали и те, кто меньше всего заслуживал этого. Не годы – недели и месяцы – прибавляли ему седины, а молодое более

удачливое начальство не раз грозило оторвать эту уже наполовину сивую голову.

Пока кабинет начальника цеха – комната с двумя составленными перпендикулярно друг другу столами, длинными рядами стульев вдоль стен и двумя телефонными аппаратами (белым и черным) – заполнялся народом, Козякин молча шуршал бумагами. Был он в поношенном синем костюме, старомодных очках. Только твердый внимательный взор да глубокая складка у переносья выдавали в нем человека, привыкшего повелевать. Оперативное совещание Козякин начал спокойно: огласил итога работы подразделений по первой декаде, зачитал последний приказ генерального директора объединения, именуемого во всех директивных бумагах с краткой весомостью – ГДО. Вера слушала его негромкий, чуть хриповатый голос, глядела на разглаженные лобные складки и вновь задавалась вопросом: отчего начальника все так боятся? Козякин быстро решил несколько вопросов по цеховым службам и перешел к мастерам.

– Начнем с двадцать шестого изделия, – стальные зубы Козякина зловеще блеснули. – Сколько будет сегодня сдано ОТК, Достовалов?

– Не знаю, – пряча тучное тело за долговязой фигурой Соломина, затравленно вымолвил старший мастер.

Козякин забросил очки на лоб, вытянул шею. Прищуренные глаза его занозисто ощупывали маскирующегося наглеца. Достовалов принял позу обиженного:

– Сначала пусть Норкин скажет, когда сделают первый фрезер. Там две банки во вторую смену накрылись.

– К обеду фрезерный будет отремонтирован, – невозмутимо парировал выпад Достовалова Норкин. – Банки уже устанавливают.

Козякин водрузил на горбину мясистого носа очки, победно воззрился на Достовалова.

– Слышал? Чтобы сорок восемь тысяч деталей сегодня было сдано. – Вздохнул и – будто отрывая от сердца: – Пятьдесят уж я у тебя не прошу.

– К-какие сорок восемь? – от негодования Достовалов стал заикаться. – У меня в потоке тридцать тысяч всего!

– Ну и что? Скоро еще привезут.

– Когда – скоро?

– Тебе лучше знать, – Козякин ухмыльнулся злорадно. – Возьми тележку, прогуляйся к смежникам в шестнадцатый цех. Нечего ждать у моря погоды.

Достовалов даже высунулся из-за Соломина – до того его разобрало. Ощерились пожелтевшие от курения зубы, задрожало налитое гневом лицо.

– Я не ишак телегу таскать! Пускай они детали вовремя подают.

– Они подадут, не переживай, – Козякин безжалостно топтался на наболевшем. – А не пойдешь в шестнадцатый, твои же работницы тебя и съедят.

– Мы его есть не будем, – резко вмешалась Вера. – Мы лучше спросим у вас, Николай Федорович: когда станки будут вовремя ремонтировать, когда деталями обеспечат? – Лицо Веры сделалось злым, привлекательность как будто пропала: хищно раздулись ноздри тонкого носа, изогнулись к переносице брови, льдисто блестели в холодном прищуре глаза. – Люди приходят сюда работать, а не за слесарями ходить, не в телегу впрягаться. Вы об этом не знали?

Только тут Козякин заметил Веру. Вспомнил, как на прошлой неделе объявил бригадирам: «Будут неотложные вопросы – пожалуйста на оперативку». Поморщился: в присутствии бригадира не следовало так разделять старшего мастера.

– А ты, Вера Васильевна, не драматизируй, – перекричал враз загалдевшее общество Козякин. – Будут у вас детали!

Но чинная атмосфера была рассеяна, разгорелись дебаты.

– Николай Федорович, ведь ихний участок вконец уж замордовали! – выходила из себя дородная предцехкома Леонтьева. – Народ обозлился, того и гляди, жаловаться будут на нас!

– Повторяю еще раз, – уже будто с усталым безразличием проговорил Козякин, – начальник автоматного цеха обещал генеральному, что отставание будет ликвидировано на этой неделе.

– Ликвиди-ируют, жди, – язвительно протянул Достовалов. – У них обеспеченность кадрами семьдесят процентов, половина станочного парка в ремонте.

– Это твоя, что ли, забота?! – взбеленился Козякин. – Ты будь добр доделывать что тебе подают. А на чужие грехи нечего здесь пальцем тыкать.

– Ну, тогда и нечего меня с телегой туда посылать.

– До чужих грехов нам и впрямь дела нет. А наши-то мужички на автоматном участке когда раскочаются? – Взгромоздилась на своего любимого «конька» Леонтьева.

Предвкушая великую «баню», все как по команде воззрились на мастеров-«автоматчиков». Вся продукция их участка шла на доделку, которой занимался почти весь цех. Удовлетворить ежедневные потребности многих участков было совсем нелегко, а ждать конца месяца никто не хотел. Мастера доделки нередко маскировали собственную нерасторопность за изрядно избытым, но испытанным лозунгом: «Нам поздно подали детали!» Начальник цеха обычно принимал их сторону – чтобы «автоматчики не расслаблялись». Ежедневные разборки Козякина с руководством участка-пасынка для доделки были почти дармовым развлечением.

Старший мастер участка Евгений Степанович Кожин был молодым специалистом, работал в цехе лишь второй год. Несмотря на малый свой стаж, он смело вступал в единоборство с Козякиным, а перед прочими и подавно не пасовал. Многие имели на него «зуб» и ждали удобного случая, чтоб «подколоть».

На этот раз Кожин не кипятился, не раздувал ноздри, доказывая свою правоту. Вина за срыв октябрьского плана по двадцать шестому изделию лежала только на нем, и все отлично знали об этом. Сидел, потупясь, украшал обложку блокнота виньеткой.

– А им что, – Козякин подперся рукой, обиженно заморгал. – Чужое горе их совсем не волнует. В прошлом месяце по двадцать шестому изделию график сорвали и в ноябре тридцать первого собираются отдать свое барахло. Кто там и как его будет доделывать, им начхать. – Презрительно скривил толстые губы, вперил в слушников испепеляющий взор. – Молодцы-ы. Ничего не скажешь.

– Да чем они там вообще занимаются?! – вознегодовала Леонтьева. – Вам-то хоть они что говорят?

– А черт их знает, чем. На днях сразу трех человек в отпуск спровадили, – Козякин развел руками, ухмыльнулся недобро, – теперь, говорят, людей у них нет. Я уже за это их лишил прогрессивки. На тридцать процентов.

– А надо – на сто! – полное лицо Леонтьевой покраснелось. – Всю работу там завалили. А еще с высшим образованием!

– Вам, гляжу, мой диплом уже плешь проел! – не выдержал Кожин. – Жаль, вас не спросили, выдавать мне его или нет.

Покуда Леонтьева терзала свой бедный ум, готовя ответ, Козякин возобновил наступление.

– Ты мне кончай тут... выпендриваться! Когда по двадцать шестому изделию войдешь в график?

Кожин устало прикрыл ладонью глаза.

– Когда людей дадите, десятый раз говорю.

Козякина будто кто ткнул из-под стула: пихнул локтем бумажную баррикаду, загремел гневно:

– Людей?! Ишь, чего захотел! Надо людей – ступай по домам, уговаривай своих отпускников выходить на работу. – И, уже спокойно, с вкрадчивой задушевностью, прошелестел: – Объясни так: надо, ребята. Сверхурочные им оплатим, отпуска потом догуляют. Проведи работу с народом, ты же руководитель участка.

Кожин криво усмехался, прятал глаза. Начальник порой еще забывал, что перед ним не лопух, не щенок с «поплавком» на ошейнике. Для Кожина уже миновали те времена, когда он борзо строчил на рабочих проекты «убойных» приказов и отбирал домино. Слишком скоро в этих «штрафниках» возникала нужда, и он, тогда еще сменный мастер, шел на поклон, смиренно склонял перед «обиженным» гордую голову. Тут-то и приходилось выслушивать все, что работяги думают о стиле его работы, да и нем самом. После подобных дебатов у руководителя маленького подразделения пропала охота претворять в жизнь призывы начальника «наказывать не стесняясь», появилась потребность разобраться в существе проступка и кое-что взвесить, прежде чем наказать. Для Кожина вживание в коллектив не затянулось надолго. Этого и не учитывал Козякин, продолжавший подбрасывать ему задачки «для лопухов».

Старший мастер выдержал длинную паузу. Проговорил тихо, но твердо:

– Пока не будет людей, ничего обещать не могу... Кстати, у меня один автомат шестишпindelный встал.

Крик Козякина проник в соседние этажи, лаборантки за стеной содрогнулись.

– Кому об этом сказал?!

– Механик знает, – Кожин отвечал нарочито негромко, с

безразлично-скучающим видом.

– Почему я не в курсе?!

– Станок встал перед самой планеркой! – напряг голосовые связки старший мастер.

Начальник в сердцах захлопнул свой ежедневник.

– Ну, работнички!.. С вами как в анекдоте: сперва собака на сгоревшей конюшне конины объелась, а потом выплывает причина пожара – комиссар закурил из-за того, что полковое знамя похитили. Что с вами делать, ума не приложу. И выгнать нельзя: как-никак, молодые специалисты.

– У меня предложение, – подала голос Вера. – Завтра открытое партийное собрание. Давайте заслушаем руководство автоматного участка по двадцать шестому изделию. Вместе решим, как выходить из прорыва.

Козякин поверх очков насмешливо глянул на Веру, многозначительно закрихтел.

– Что ж, я не против. Парторг?

– Я – за, – ответил секретарь партбюро цеха Андронов.

– Хорошо. Кожин, у вас на участке, кажется, два коммуниста и кандидат? Посмотрим, что они скажут. Поговорите с наладчиками, какие у них претензии к оборудованию, инструменту. Доложите ваши соображения по ликвидации «узких мест». – Пристально посмотрел на Веру, потом скосил глаза на часы. Спихватился: – Все. Двадцать шестое свободно. – Раскрыл ежедневник, крикнул вдогонку Вере и Достовалову: – Анатолий Николаевич, с тебя сорок восемь тысяч втулки! Имей в виду!

Четверть часа Вера и Достовалов пробыли в техбюро: знакомились с чертежами внедренного недавно манипулятора к фрезерному станку. В коридоре громыхал голос Козякина: это «получал вливание» механик Норкин.

– Ваньку мне не валяй! Ты зачем пришел-то сюда? Я тебе, кажется, говорил: или работай как все люди, или другое место ищи! Говорил?.. Что-о?! Когда отремонтируешь шестишпindelный автомат?!

Вера засмеялась, забавно наморщила нос.

– Ух, у начальника голосок! Прямо труба иерихонская. Не завидую Норкину.

Достовалов полез за сигаретами, вздрогнул багровой щекой.

– Это еще цветочки. Посмотрела бы, как он ему вечером вломит.

Глава вторая

ЗАБОТЫ СТАРШЕГО МАСТЕРА КОЖИНА

День для Вальки Медведева начался неудачно. Из шести его станков два не шли: с первого сняли в ремонт верхний суппорт, на другом барахлил фрикцион. Валька давно уверовал в такую примету: если с утра не заладится дело – вся смена насмарку. Так и случилось. Фрезы для нарезки наружной резьбы давали рваную нитку, и Вальке дважды пришлось их менять. Не помогло. Проверил суппорты, замерил биение – все было в норме. Отчего рваная нитка? Парень нервничал, злился. После обеда стало известно, что вся партия фрез изготовлена с браком. Валька плюнул и остановил еще два станка.

Делать было нечего. В курилку не пошел. На днях Вера сказала, что не выносит запаха табака, и он решил «для начала» хоть как-то себя ограничивать. Прислонился к батарее, устало щурился на работающие автоматы.

Вот резцы и сверла в рабочей зоне подрезали, проточили, просверлили желтый металл, и тут же сверху, подобно ножу гильотины, падал резец, обрубал горячую головку прутка. Поливаемая янтарной струей сульфозрезола деталь валилась в колоду, а в узеньком отверстии цанги уже золотисто поблескивал кончик другой заготовки. Тело прутка надежно держал зажим; хвост, будто агонизируя, бешено колотился в трубе. Оттого и грохот здесь стоял невообразимый.

Подошел Кожин. Руки – по локоть в масле. Тыльной стороной ладони отбросил со лба непослушную прядь.

– Валентин, ты Боровских не видал?

Валька пожал плечами, полез в разбухший от масла ботинок – жутко зудела нога.

– Зайди к предцехкома. Может, он там.

– Был уже, – Кожин беспокойно озирался, большие его ладони нервно тискали ветошь. – Надо срочно налаживать сто вторую, а его черт куда-то унес.

– А кто ее крутить будет? – встревоженно спросил Валька. Подумал: «Не всучили бы мне этот хлам. На сфере шестой класс обработки – попробуй получи его на нашем-то оборудовании!»

Сто вторую втулку участку передали из соседнего цеха. Там

с нею горя не знали, а здесь деталь не пошла: сначала мыкались с обработкой, потом досаждал брак по скобам. На немалые суммы наделали браку, прежде чем удалось скомплектовать одну несчастную партию. Долго потом костерили рабочие технологов и начальство; соседей, избавивших себя от хлопот; контролеров, что враз повалили к ним с актами...

– Кто будет крутить? – не без ехидства переспросил Кожин.
– Лучшу спреси, какую машину наладим. Вот эту, в углу. Твой станок?

– Мой, – насупился Валька. – Вторую неделю стоит.

– Твой! – обрадовано заключил старший мастер, будто отродясь не догадывался, чей это «индекс». – Тебе и карты в руки. Налаживай и валяй, крути на здоровье.

Вальку заело: «Подсунул дерьмо, да еще изгаляется...» Скрестил на груди руки, устремил взор в пространство. Скучающе протянул:

– Не-е. Пускай инструктор налаживает эту «халтуру». Мы люди темные, неученые. Изделие новое. Це трэба разжуваты!

Серые глаза Кожина сузились как у рыси. Укоризненно покачал головой.

– Неученый! Весной у тебя – диплом.

– Ну и что? – холодно процедил Валька и посмотрел начальству прямо в зрачки.

Кожин выдержал этот взгляд.

– Ничего. Вон Боровских идет. Сейчас займется наладкой.

Придерживая тяжелый пухлый блокнот в кармане выдавшего виды халата, «старшой» поспешил навстречу инструктору.

Инструктор-наладчик Семен Владимирович Боровских был известен тем, что всего себя отдавал искоренению бытующих недостатков. Известность передовика он обрел как участник движения скоростников – станочников, добивавшихся скоростной обработки металла. «Ох, и хитрован, – рассказывал о трудовых подвигах Боровских старый рабочий дядя Леша. – Ему главное что? Разок-другой начальству потрафить, а потом весь век жар загребать. В соревнование он включился, ничего не скажешь, – отчаянно. С полгода поработал этак ударно – и в партию заявление. А там: в партком, местком – дорога торная... Зараз ему для трудовых свершений условия обеспечили: станок новейший, инструмент классный. Заготовки к станку как по рас-

писанию доставляют. Сломалось что – все слесаря на подхвате. А мы-то, его соперники, беспартийные все... Форы нам никакой! Там, глядь, поместили портрет Семена в газете. Потом – грамоты, орден. Ключи от новой квартиры. Теперь ему рот не заткнешь!»

Мишенью беспощадной критики Боровских становились, как правило, технологи и мастера. По словам Боровских выходило так: технологи, вместо того, чтобы двигать технологический процесс, почитывают в рабочее время журналы или «чифирят до беспамятства», мастера ради плана покрывают прогульщиков, пьяниц, а «производство стоит!» Доставалось от Боровских и Козьякину – «за слабую воспитательную работу среди рабочих и ИТР». И начальник цеха терпеливо глотал «пилюли»: Боровских продолжал работать, выйдя на пенсию (он имел «вредный» стаж), был ветераном труда объединения. К тому же в своих обличениях Боровских почти всегда формально был прав. Не все замечали, однако, что гнев обрушивал он отнюдь не на того, кто в первую голову заслуживал порицания. Боровских испытывал непобедимую идиосинкразию к тем, кто «дюже грамотный» и кого «все хвалят». Это ослепляло его, толкало порой против течения. Всем врезалась в память история с наладчиком Пашкой Колотыгиным.

Жена Пашки, Римма, держала благоверного в кулаке. Дома он не мог позволить себе «расслабиться и от-дыхнуть». Ради «отдыха» Пашка чаще других оставался на сверхурочную «халтуру». В ночную смену, предоставленный сам себе, он «баловался» добытым в гальванике спиртом. «Баловство» вскоре открылось – «отдохнувшего» Пашку «тормознули» на проходной. На цехкоме он молча мял свою ковбойскую шляпу, часто моргал белесыми ресницами, когда Леонтьева, как прокурор, гневно извергала хулу. Члены цехкома единодушно осуждали Пашку, а предложение о переводе любителя зелья на месяц в подсобники было встречено с одобрением. Вот тут и поднялся во весь рост Семен Владимирович Боровских, рубанул широкой ладонью спертый воздух бытовки.

– Прорабатывать, разбирать мы можем. А вникнуть в причину, до сути дойти, считается вроде бы ни к чему. – Повернулся к мастерам крупным телом, выставил толстый палец: – Вы за ним ходили, упрашивали до утра поработать. А ведь знали, что он закладывает! План вытягивали, а человека топили!

– Что предлагаешь, Семен Владимирович? – нетерпеливо спросил Козякин.

– Наказать его, конечно, надо, – приосанился Боровских, – а в подсобники переводить ни к чему. Общественной работой следует заинтересовать. И еще. Хотя у Павла и пятый разряд, и работает он давненько, не худо к нему наставника прикрепить. Чтобы помог ему в самом себе разобраться. Место в жизни найти.

– Семен Владимирович! – язвительно усмехнулась Вера. – В наставники лучше вашей кандидатуры нам не найти.

На том и порешили. Пашку перевели в одну с Боровских смену. Пусть внимает уважаемому человеку да мотает на ус! Но неблагодарный Пашка не пожелал долго внимать. Через неделю он повис на Кожине, умоляя вернуть его в родную смену, ограждать «от этого дятла». Он клятвенно обещал больше не пить на работе и потом долго держался: сама возможность нового общения с Боровских страшила его.

– Пусть лучше дома баба испилит, чем здесь нытье его слушать, – жаловался приятелям Пашка. – Все у него дармоеды, алкаши, раздолбаи. А попросишь помочь – вот и ноет, вот и конит! Заколебал, п...бол!

– Послал бы его! – советовали мужики.

– Такого пошлешь! Вызовут на цехком, навалятся гамузом... – Пашка зло давил ногою окурок, с тоскою вздыхал: – Лучше молчать.

С той поры имя Боровских стало вроде хорошей дубины. Мастера стращали ослушников: «Направим к Боровских на перевоспитание!» Рабочие посмеивались, но мало кого прельщала подобная перспектива. «Трепло, – говорили о Боровских мужики. – Сделает на копейку, а вони на весь участок».

...Слушая Кожина, Боровских недобро щурил маленькие, кофейного цвета глаза. Зевнул, посмотрел на часы. До конца смены оставалось уже не так много. Как только Кожин заговорил о срочности работы, инструктор набычился, раздул ноздри.

– Жареный петух клюнул? Говорил я вам, еще когда первую партию мы рожали: закажите оснастку, просите другой инструмент. Забыл, сколько тогда было браку? – Плешь Боровских в неоновом свете ламп блестела зловеще. – Эх, вы-и. Хоть кол на башке теши. – Развел руками, выставил тучный живот и, будто

учитель, утомленный непонятливостью ученика, закричал: – Нету оснастки, вообще нет ни хрена! Понимаешь ты это?!

Кожин оказался в невыгодной позиции успокаивающего. Немалого труда ему стоило привести возмущенного инструктора в инструментальную кладовую. Там он вытащил из стеллажей на свет новенькую оснастку, разложил перед Боровских на столе. Недоставало лишь кулачка продольного суппорта. Боровских завелся по-новой. На исходе был уже третий час пополудни, когда он начал делать разбивку и устанавливать инструмент. Обеспокоенный Кожин вертелся поблизости. Наладчики сновали с ведрами по участку: выгребали стружку, смазывали станки. Кожин налетел на одного, как слепой, залил себе брюки фрезолом.

– Опять с Женьки стружку сдерут, – посочувствовал один из рабочих. – Без кулачка станок не наладишь.

– А в прошлом месяце на каком кулачке эту втулку крутили? – спросил Валька.

– На девятнадцатом изделии почти такой же. Можно его на втулку забить, но Боровских ведь не даст. Разинет варешку: не по техпроцессу, дойдет до заказчиков, головы нам отвернут!

– Слушай, – осенило вдруг Вальку, – ведь в четырнадцатом цехе делали эту деталь! У них должен быть такой кулачок.

– А это мастера наши мышей не ловят. Другой на их месте давно бы туда слетал. Зеленые они еще, вот что.

Боровских смыл под душем масло и грязь. В раздевалке долго, до красноты растирал себя полотенцем. Потянулся было к чистой рубашке – кто-то шлепнул по рыхлой спине. Оглянулся – Кожин. Руки прячет за спину, во взоре – тоска.

– Семен Владимирович, кулачок надо установить. Работы-то на двадцать минут, зато мы во вторую смену с тыщонку втулки накрутим.

После омовения Боровских источал благодущие, желая лаяться не имел.

– Евгений, волокни кулачок, я воткну его хоть сейчас. Только кулачок надо добрый, какой в техпроцессе забит, еще раз тебе говорю.

– Ловлю на слове! – торжествующий Кожин протянул инструктору кулачок. – Смотри. Тот самый?

– Он, как будто, – Боровских повертел железяку, кисло скривился. – Слушай, давай – завтра. Я уж помылся.

Из-за длинного ряда металлических шкафов выглянула ухмыляющаяся Валькина голова. Он спешил в душ (пробежал за кулачком). Шлепая по затоптанной плитке, выкрикнул бесшабашно: – Не-е, Владимырич, тебе на попятную просто низ-зя. Что на собраниях повторял? «Давши слово – держись!..»

Глава третья

СОБРАНИЕ

Студенты технических вузов, проектируя механический цех, порой усердно переносили из устаревшего справочника мифических шорников, а то и отводили в планировке солидную площадь под «красный уголок». На защите за этот так называемый «уголок» приходилось досыта испить сраму. «Какой еще «уголок»?! – содрав запотевшие очки, рычал профессор или доцент. – Сейчас, слава Богу, не тридцатые годы, в цехах общественные комнаты, а не «уголки». Пора бы знать, молодой человек, вы же практику проходили».

Вера училась в Ярском политехническом институте. Предостережения «обжегшихся на молоке» старшекурсников она вспоминала всякий раз, как только бралась за ручку двери с большущей табличкой – «Красный уголок цеха 18». Поэтому на собраниях и прочих ответственных мероприятиях она появлялась с неизменной улыбкой.

Козякин сверлил ее недобрый взглядом через очки. Как-то раз он шепнул секретарю партбюро Андронову:

– У девчонки сквозняк в голове! Рановато мы ее в бригады.

Секретарь усмехался, окидывал начальника критическим взглядом.

– Не любите вы молодежь, Николай Федорович. Сами-то е годы в монашестве провели?

Козякин хмурился, недовольно кряхтел.

– Не в монашестве, а в труде. В послевоенные годы не до смеху нам было.

– Так ведь и ей не до смеха. Наломается за день, вечером в институт. В комитет комсомола избрали, есть партийное поручение. В работе тоже подгонять не надо. – Андронов раскрывал

блокнот, где записывал показатели Вериных девчат и соревнующейся с ними бригады намотчиц из радиоцеха. Козякин сравнивал обе колонки, задорно прищелкивал языком.

– Ты смотри! Эдак они и впрямь пятилетку в четыре года отбарабанят! Парторг, где наглядная агитация? Давно пора эти цифры на стенд.

На открытое партсобрание пришло около сорока человек. Наряду с коммунистами были здесь рабочие смежных участков Кожина и Достовалова, технологи, контрольные мастера. Начальник цеха с замами и Достоваловым сидели в первом ряду; за их спинами расположились Кожин, Боровских, мужики с автоматного.

Андронов прошел на сцену – к столу под зеленым сукном. Вера с подругами – Риммой Колотыгиной и Галей Карповой – тихонько шептались в углу. Тут же пристроился Валька. Толстуху Римму он рассмешил анекдотом, в сторону Веры взглядывал жадно, но не без робости.

– ... Вы знаете, товарищи, какое тяжелое положение сложилось у нас с двадцать шестым изделием. – Козякин ссутулился как под невидимым грузом, сложил по привычке руки на животе. – Работаем очень плохо. В меньшей степени это относится к участку старшего мастера Достовалова: там нет деталей. А «помогают» Достовалову валить государственный план и график производственного отдела шестнадцатый цех и наш автоматный участок, – Козякин поднял голову, повысил голос, – на работе которого я хотел бы остановиться особо. Что мешает им делать двести тысяч корпусов втулки ежемесячно, как требует этого график? – Развел руками, сощурил колючие глазки. – Я, как начальник цеха, оправданий плохой работы автоматчиков не нахожу. А работают они из рук вон... – Распрямил дотоле согбенную спину, загремел гневно: – План прошлого месяца завалили, причем только по их вине цех объем не набрал! (Кожин встрепнулся: это было нешуточное обвинение.) В этом месяце тоже спят, никак раскататься не могут. А я не могу добиться от мастеров участка ответа: что мешает им войти в график, когда, наконец, будут детали. Может, здесь они членораздельно все разъяснят?

Мрачный Козякин занял место в зале. Дали слово Кожину. Тот с ходу «пошел на таран».

– Вот вы, Николай Федорович, сказали, что цех из-за нас в октябре не сделал объем, – Кожин раздул крылья длинного носа, фыркнул, как норовистый конь. – Ерунда! До плана мы недодали шесть с половиной тысяч, а шестнадцатый цех – более двадцати. Так что благодарите его, а не нас. Мы сделали все что могли.

– Чтобы план завалить! – с места крикнула Римма. – Ты, голуба, за чужие спины не прячься, отвечай за себя.

– Товарищ Колотыгина! – осадил Римму Андронов. – У вас будет возможность выступить. А вы, Евгений Степанович, говорите по существу.

– Я и так по существу. Обидно, Евгений Романыч: всю дорогу мы как козлы отпущения.

– Обидели детинушку, отняли копеечку! – с издевкой пропела Леонтьева.

Кожин сжал кулаки, но даже не взглянул в ее сторону. Понял: хаем здесь не возьмешь. Унял закипавшую кровь, заговорил бесстрастно и сухо.

– Короче, для нормальной, ритмичной работы нам надо еще хотя бы двух человек. Восемь машин в ремонте. Просим службу механика отремонтировать шесть из них за три дня.

– Как у него все просто, – горько проговорил Козякин.

После Кожина взял слово Андронов.

– Напоминать о важности нашей продукции я не буду. Государственный план, график начальника производства объединения мы должны неукоснительно выполнять, это тоже все знают. Хочу кое-что сказать вам, Евгений Степанович. Вот вы бурно спорите с руководством, пытаетесь доказать свою правоту. А дело – ни с места. Вы подумайте хорошенько: ведь если сдвинется дело, это и будет лучшим доказательством вашей правоты. – Повел плечами, будто ему стал тесен пиджак. – Старшему мастеру пора становиться хозяином на участке. Не плясать под чужую дудку, не подлаживаться под капризы некоторых работников. Инженер должен мыслить и действовать широко. Как реагировал ваш коллектив на срыв плана по двадцать шестому изделию? Какие меры предпринимает руководство участка, чтобы ликвидировать нынешнее отставание? Вот какого доклада ждало от вас собрание, Евгений Степанович. Но ваша речь была выдержана в совсем ином духе... Семен Владимирович, вы что хотели сказать?

Перед глазами сидящих выросла широкая спина Боровских. Он промокнул платком жирные складки на затылке, кашлянул в горсть. По рядам прошел шепоток: «Сейчас Семен буровить начнет». – «Ну, этого не переслушаешь!» – «Кому пора за детишками в садик, уж отпускали бы по домам...»

– Партийный секретарь тут верно сказал: нету у нас хозяина на участке. Мастера смотрят на все вот так, – растопырил перед глазами волосатую пятерню, – а народ-то вконец распустился! Вчера, к примеру: обед давно кончился, а мужики знай «козла» забивают. Двадцать шестое изделие никто не хочет крутить. Почему, спрашивается? Нахватали по пять, по шесть автоматов, набросились на халтуру. А дефицитную продукцию – побокку. Тут ведь станки налаживать надо, не просто металл вставлять. Вы закрепите двадцать шестую втулку за конкретными исполнителями, чтобы они только ей одной занимались. А то одни уговоры: покрути, родимый, «питтлера» пару деньков, будет тебе за это то-то и то-то. Не производство – ей-ей детский сад! – Повернул мясистое лицо в сторону начальника техбюро, свинцово прищурился: – Теперь хочу я спросить: где наши технологи? Третий месяц бьемся над новым триста десятым изделием – хоть бы кто почесался. Ни оснастки, ни инструмента путевого, вообще ни черта...

– Семен Владимирович! – остановил оратора заместитель начальника цеха Соломин.

– Да?

– Вот вы старый, опытный рабочий. Что можете предложить еще по двадцать шестому корпусу? Нам надо выправить положение в ближайшие дни.

Боровских надулся важностью, засопел. Выдержав паузу, с апломбом отрезал:

– Наказывать надо почаще всех разгильдяев, всех бракоделов. Строже спрашивать с мастеров. Да если каждый из нас будет хотя бы свой оклад отрабатывать, горы можно свернуть!

Грузно плюхнулся в кресло, забарабанил короткими пальцами по колену.

– Больше не будет никаких предложений? – медленно поднялся Андронов. – Напишем приказ, накажем виновных. Станки быстрее завертятся, выдадут кучу годных деталей. Вмиг все проблемы решим.

Зал неловко молчал. Андронов собрал складки у рта, сказал жестко:

– Ну, коли так, перейдем ко второму вопросу.

– Разрешите, Евгений Романыч!

Вера быстро прошла к столу, заговорила взволнованно, с хрипотцой.

– Мы сейчас без деталей стоим. От автоматчиков наших нет ничего, шестнадцатый цех тоже не раскачался. Кожин просил у начальника двух человек – возьмите из нашей бригады. Все равно девчонки кинут без дела.

Рабочие охнули. Вертели головами, шептались:

– Оба-на! Вот это струя! Кто же это из них к нам пойдет?

Козякин безнадежно махнул рукой.

– Все это чушь. Шестишпиндельные автоматы им не осилить. Вмешался Соломин:

– Подождите, Николай Федорович. Причем шестишпиндельные? Пусть крутят на одношпиндельных девятнадцатое изделие, прочую мелочь. Там, если внимательно, без брака только так можно работать. Высвободим двух мужиков, бросим на двадцать шестое.

Козякин кивнул.

– Хорошо. Кто из девчат согласен поработать на автоматном участке?

– Галя Карпова и Римма Колотыгина, – твердо ответила Вера.

– Но им надо помочь с подналадкой.

– Может, закрепить за ними Семена Владимировича? – Кожин явно заскучал по новой порции «шишек». – Он ведь у нас прирожденный наставник.

Присутствующие заулыбались. У Боровских побагровели щеки и плешь.

– У меня своей работы по горло! Каждый день по машине налаживаю. Теперь еще возись с этими...

– Ничего другого мы от вас и не ждали! – вспыхнула Вера. – В ногах валяться не будем. Вот Валентин, другие ребята помогут...

Глава четвертая

ДЕВЧОНКИ

Все же дело затевалось неслыханное: автоматный участок испокон веку считался сугубо мужским, и работа там действительно требовала немалых физических сил и мужской хватки. Многим наладчикам было досадно, что кто-то посягнул на их, казалось бы, незыблемую прерогативу. В курилке они зло осмеливали Верины инициативы.

– А чё? Так можно работать: девки по паре машин возьмут и будут себе металл вставлять да скобы прикладывать. На девятнадцатом изделии и браку-то почти не бывает, крути – не хочу. Станок не пошел – инструктор наладит. Средний заработок им Козякин заплатит. Не жизнь – малина. А нас – по карману!

– Робить надо было, а не воздух пинать, – подливал масла в огонь один из слесарей. – Не послали бы их на подмогу.

– Чья бы корова мычала! Доцент с мозолью на ж... Мы уже рычаги подач ремками привязываем: отключаются на ходу. Сегодня опять у меня две машины стоят. Что за дела? Давай топай, меняй мне подшипник.

Слесарь, враз потеряв свою бесшабашную насмешливость, полез на обидчика грудью.

– Ага, щас! За свои две с полтиной сотни рогом упрусь, пахать буду без перекуров. Полтора слесаря на весь цех, а от нас всем каку-то холеру надо. На вашем участке полпарка надо под пресс, а мы ремонтуем... Рухлядь довоенная!.. В гробу я такую работу видал!

Тушил слюной недокуренную сигарету, шел на участок. Рабочие по одному уходили за ним. Кто-то вздыхал:

– Нет, ребята, все не так!..

Другой бодро потрепал приятеля по плечу.

– А ты что хотел? Конец года! Еще с месяцок покувыркаемся, а там – утрясется.

* * *

Первый день на автоматном участке для Риммы и Гали начался чуть не за полчаса до начала смены. Цех был еще пуст. Только ковырялся в станке Афанасьич, хромой угрюмый наладчик (он

жил неподалеку от проходной и на работу приходил раньше других), да электрик, приняв смену, зажигал общее освещение. Подруги уселись за истертый локтями и костяшками домино стол, стали ждать мастеров.

– Что, боязно? – притворно зевнув, прогудела беспечная с виду Римма.

– Нет, весело, – Галя затравленно озиралась. – Мне вчера уши все прожужжали: съедят, дескать, вас мужики.

– Ну, тебя, ледащую, может, съедят, – Римма насмешливо подмигнула, – а уж мной точно подавятся!

Пришли мужики. Впереди развинченно вышагивал Пашка Колотыгин, супруг своенравной непокладистой Риммы. Он не одобрял последнюю затею жены, но в открытую выступить не решился. Присутствие друзей его раззадорило. Можно было и поблажить. Пашка пригладил жидкий слипшийся чуб, вытащил из-за спины невесть где подобранный небольшой бумажный веночек.

– С почином вас, девоньки, – колупнул из венка пыльный цветок на проволочном стебельке, протянул Гале. – Чтоб, значит, памятник вам огоревать за трудовой героизм. – Ухмыльнулся. – А веночек возложу попозже.

Римма грубо оттолкнула его.

– Уйди, клоун. (Увидела Кожина.) Евгений Степаныч! Какие нам машины крутить?

Они взяли по три одношпindelных автомата. Сами получали металл и вставляли прутки, а проверять съём их не было нужды заставлять: весь день, как волчки, крутились между машин, не выпуская из рук инструмента. Чуть что не так – бежали к инструктору или к Вальке. Поэтому брака у них практически не было. Покуда девчата управлялись со своими изделиями, Валька и Пашка всю «раскошегарили» двадцать шестое изделие.

Доделка стала насыщаться деталями, враз «пошли» барахлившие доселе станки, и к концу второй декады ноября Кожин приободрился. Будто свалился камень с души, легче, веселее стало работать. Теперь в его руках была грозная «дубина» на всех нерадивых. Одному из бракоделов он пригрозил: «Отберу машины, на которых ты браку нагнал, отдам девчонкам». Мужики всполошились. Лучше стали налаживать оборудование и контролировать съём, старались ладить с привередливыми контролерами.

Наведываясь на автоматный, Вера присматривалась к подругам, замечала, что Римма не отходит от станков, а Галя в свободную минуту не прочь прошвырнуться по цеху, посудачить с друзьями.

В углу, возвышаясь над прочею мелкотой, гудели мощные шестишпиндельные автоматы. Эти станки принадлежали некогда шестнадцатому автоматному цеху, куда кому-то из вышестоящих не пришло в голову передать их кожинскому участку. Сперва поговаривали, что-де это все временно – пока не будет преодолен кризис в шестнадцатом цехе, где был некомплект рабочих. Но время шло, а в шестнадцатом рабочих рук не прибавилось. Кожину пришлось в ударном порядке переучивать двух наладчиков работе на новых машинах. И стоило одному уйти в отпуск, а другому уволиться, дело сразу забуксовало.

Вера подолгу стояла в проходе между «питтлерами», смотрела через стекло. Там, за задвинутой дверцей, янтарными потоками лилось масло из многочисленных трубок, ползли серебряные змейки стружки, дымился натруженный инструмент. Вера видела, как под воспаленным светом ламп согласно двигались суппорты, легко поворачивался большой барабан с зажатými в нем концами прутков. Выползала из чрева машины черная глыба продольного суппорта, клыками сверл и зенкеров вгрызалась в металл. Станок содрогался, невольно жмурилась Вера. В эти минуты ей вспоминалось то, еще недавнее время, когда неведомая сила этих чудовищ-машин вызывала в ней робость.

Подходили Римма и Валька. Валька останавливал автомат, выбивал из подающей трубы обрезок прутка. Быстро и ловко обтирал новый пруток. Вгоняя металл в трубу, напрягал большую шейную жилу. (На оголенных по локоть руках вздувались синие вены.) Откатывал дверцу, трогал сверла, резцы – объяснял что-то Римме. Толстуха наваливалась грудью ему на плечо, лезла в рабочую зону. Масло стекало на ее изжелта-белую шевелюру.

– Вот, Веруня, осваиваю смежную специальность, – обтирая ветошью короткие пальцы, весело говорила она. – Учусь с Валькой в паре работать – на случай, если опять Пашка закеросинит. – И – с шельмоватой усмешкой: – Ты-то как, не возражаешь?

Вера прищурилась, нервно пожала плечами. Слабая краска показалась на ее щеках. Крутанулась на каблуках, пошла по проходу. Валька видел издалека, как бился о ее худые быстрые ноги просторный синий халат.

Глава пятая

ОЛЬГА

Ольга Лисовская, подруга Веры, каждый день поджидала на проходной.

Они знали друг друга несколько лет – с того самого дня, когда их, новоиспеченных радиомонтажниц, направили в механический цех. Бок о бок с Верой Ольга проработала ровно год, аккуратно отбыв положенный срок отработки. Теперь она подвизалась в радиоцехе: «зашибала» не меньше Веры и, главное, была «на чистой работе». Подруги одним автобусом ездили на завод, учились в одной группе политехнического института.

У Ольги были роскошные белые волосы, подвижные тонкие брови и весьма острый язык. Вера не без труда сходилась с людьми; Ольга от недостатка общительности не страдала. Она была «из хорошей семьи» (отец – начальник крупного СМУ, мать – кандидат медицинских наук), но с родителями жила в постоянном разладе: отца раздражали ее рассуждения о «свободе нравов», ее беспорядочные знакомства. Отцовское детство пришлось на голодное военное время. К современной молодежи он испытывал мало симпатий, считая молодых «лоботрясами» и «потребленцами». К тому же он был скуповат. Это побудило Ольгу после неудачного поступлений в институт бытового обслуживания пойти на завод, дабы обрести материальную независимость.

В житейском плане Вера также не могла тягаться с подругой. Ольге через поклонников и знакомых известны были и средние барахольные цены на дефицит, и то, когда «выбросят» в ЦУМе джинсы, кроссовки и «кожаны», и те, кто может раздобыть билеты на концерты модных рок-групп. «Дефицит будет всегда, – уверяла Ольга. – Пусть даже будет всеобщее изобилие, найдутся такие, которые дефицит искусственно создадут». Ее знали бармены в коктейль-баре, администраторы филармонии, диск-жокеи. В плоской металлической фляге она бесстрашно таскала с завода ректификат: надо было как-то оплачивать услуги своих не всегда бескорыстных знакомых. Словом, Ольге ведомы были каналы, о существовании которых Вере не дано было знать. Вера не догадывалась о многом: у Ольги хватало ума, чтобы не пробол-

таться про вынесенный спирт или поведать о деяниях знаменитого в Ярске фарцовщика Джека Кириченко и других торгашей-подпольщиков, с которыми она была на короткой ноге.

Связывала Ольгу с Верой учеба. И здесь Ольга была «на коне». На память пожаловаться она не могла, а пользоваться «закорсажным конспектом» и строить преподам глазки так никто не умел. Проворачивая дела и делишки, Ольга проявляла изворотливость и железную хватку. «Леопардовая Клеопатра», – так окрестил ее один зловязкий сокурсник. Ее курсовые работы нередко выполняли знакомые молодые специалисты; когда уж совсем «подпирало» – шла за помощью к «лучшей подруге». «Молодость коротка, – вещала Ольга. – Надо успеть вкусить прелести жизни». Вера тоже везде успевала: и забежать в гастроном, и забрать сестренку из садика, и «спихнуть» вовремя контрольные и зачеты, – но эти ее успехи мало кого восхищали.

Ускользал в сумерки короткий ноябрьский день. С серого неба повалил мокрый снег. Фонари влажно блестели сквозь туманную хмарь. Скользили ноги по обледенелому насту. Подруги то и дело спотыкались, поддерживали друг друга. Вера начала было рассказывать о трудностях с двадцать шестым изданием – Ольга быстро оборвала:

– Ну тебя к черту с твоим производством.

Вера прикусила язык: производственные проблемы, равно как и «комсомольскую бестолковщину», Ольга вообще не считала темами для разговора. Подле Ольги Вера казалась самой себе закомплексованной, несовременной, малоопытной в житейских вопросах. Подруга обезоруживала знанием той жизни, которая была для Веры айсбергом, на три четверти скрытым от глаз. На студенческих вечерах ей доводилось лицезреть Ольгиных приятелей и знакомых – цинически-насмешливых парней с цепкой хваткой. Понимала, что с разговором о заводе и комсомольской работе к таким не подъедешь: вылупятся как на ископаемое, засмеют. Производству и «комсомольским бирюлькам», по словам подруги, место только на заводе и в цехе. За проходной течет иная, непонятная сознанию Веры жизнь.

Поначалу Вера мало слушала Ольгу. «Каждому свое», – рассуждала она. Но подруга верно судила о людях, и это заставляло Веру прислушиваться к ее суждениям. Как-то раз подруги заговорили о начальнике бюро технического контроля Семенцовой.

Семенцова импонировала Вере тем, что, несмотря на свои пятьдесят четыре еще крепко «держала вожжи» – сумела так поставить себя, что с ней все считались, а кое-кто трепетал. «Посмотри на нее, – восхищалась Вера, – сорок лет на заводе, а выглядит не хуже Людмилы Гурченко. Все перед ней по струнке. Вот это – руководитель!»

Ольга высмеяла меркантильную восторженность Веры. «Все, что Семенцова сделала, как руководитель, – безапелляционно говорила она, – это подобрала себе кадры. Все подчиненные ей мастера – без специального образования, но с большим стажем. За места держатся мертвой хваткой. Семенцова мастеров шпыняет, а те – контролеров. Вот так она поставила дело – и почитывает журнальчики в кабинете. Бракоделов на совещаниях облицает. А против нее не попрешь: накажет не за качество, так за культуру производства. Надо будет – вообще остановит приемку. С чего ей стареть! Пусть старятся и лысеют другие. Все она устроила о́кей и свое кресло еще долго никому не отдаст».

Присмотревшись к стилю работы начальника БТК, Вера внутренне согласилась с подругой. А контролеры с сорокалетним стажем рассказали о начале возвышения Семенцовой – как она, шестнадцатилетняя девчонка, в конце войны «влюбилась» в себя Моисея Марковича, немолодого начальника цеха. Тот сделал ее мастером – и пошло...

...На остановке Ольга долго, будто впервые, разглядывала притихшую Веру – щурила сине-стальные глаза. Покачав голову, спросила:

– Ты лучше скажи, сколько рэ сейчас зашибаешь.

Вера удивленно вскинула брови.

– В пределах трехсот.

Ольга устремила в пространство бесстрастно-скупающий взор.

– И на что тратишь?

Вера потупилась, смущенно пожала плечами.

– Понятно, – насмешливо отрезала Ольга. Подтолкнула Веру к автобусу: – Вся в производстве, в комсомольских порывах... На себя посмотри! – Она наседали, не смущаясь присутствия пассажира. – Знаешь, на кого ты похожа? Колхоз!.. – Вера втянула голову, сдвинула брови. Ольга продолжала нотацию оглушительным шепотом: – Да с твоими данными знаешь, каких мужи-

ков можно снять?! А ты одеваешься чёрт-те как... – Со вздохом отвернулась к окну. Потом улыбнулась сочными большими губами, заворковала миролюбиво: – Ну, извини, не обижайся уж на меня. Ведь больно смотреть... Тебе и расчет предкам можно не отдавать! Заколачивают они хорошо?.. Купи дубленку, сапоги приличные вместо этих позорных... Подумай, Веерка, ты о себе. Нам стобой по двадцать с «хвостом». Еще два-три года – и трудно будет «ячейку» создать. Джинсы, дубленки – не самоцель. Но мужика без них приличного не оболтаешь! Вот смейся не смейся, мне именно нужен приличный. А не мальчик в джинсах и помочах, у которого сроду ногти не чищены.

Автобус притормозил. Вера попятилась к выходу. На тротуаре Ольга догнала ее, пошла рядом. При расставании опять улыбнулась.

– Кончай дуться! Я ж любя. Не забудь: встречаемся полседьмого. – Запрокинула красивую голову, глаза заблестели лукаво: – Там тебя кое с кем познакомлю...

Уязвленно морщась, Вера смотрела ей вслед.

Ольга была без жирка, но с крутыми бедрами и широковата в кости. Ноги, впрочем, достаточно длинны и стройны. В австрийских сапогах и финской дубленке смотрелась она изумительно.

Глава шестая

ВЕЧЕР

Вере не раз вспоминалось, как в конце шестидесятых заложили фундамент этого огромного здания и как быстро его возвели.

Фасад дворца – из стекла и металла, так что внутри, как в аквариуме, видны посетители; в крыльях размещались библиотека, спортзалы, различные секции и кружки. На левом крыле – во всю стену – мозаичное изображение группы мужчин с обнаженными торсами и женщины с огненной чашей в руке. Дворец опоясывала серая, под гранит, эстакада. Большой зал был рассчитан на девятьсот без малого мест.

Для такого города, как Ярск, Дворец машиностроителей являлся сооружением почти грандиозным. Преисполненные гордостью жители с благоговением взирали на величественное тво-

рение, пока не стало ясно, что есть здесь и оборотная сторона.

Будто пытаюсь соперничать в архитектуре и блеске с Дворцом, поднялись как грибы в разных концах Ярска дворцы и дома культуры поменьше: ни один приличный завод, отстаивая новое веяние, не захотел ударить в грязь лицом. А заводов в городе было много. Еще достраивался и отделялся последний, второй по величине «храм культуры», когда заговорили, что вряд ли нужно было это все начинать...

В городе еще не было ни хорошего дворца спорта, ни современного стадиона, ни крытой хоккейной площадки. Филармония помещалась в здании бывшей женской гимназии, построенном в 1903 году, а строительство концертного зала шло с большим скрипом. Многочисленные же дворцы не окупали себя: для самостоятельности они были слишком масштабны, для профессиональных артистов – малы. «Хоть бы концертным залом скорей разродились, – предавалась мечтаньям Ольга, – может, Алла Борисовна к нам приедет... Но его, наверно, закончат, когда она станет старухой!» Вера возражала: обком обязал руководство ряда заводов помочь строительству, и зал обещали закончить в текущем году. «Дай-то Бог», – вздыхала подруга.

Ольга и Вера спешили во Дворец на вечер молодых специалистов, организованный комитетом комсомола объединения. Такие события Ольга не пропускала. «С живой тебя, Верка, не слезу, пока не положу в карман пригласительный, – задолго до вечера предупредила она. – Доставай в комитете... Как – не получится? На кой тогда там заседаешь?»

Подруги появились в зале, когда все усаживались за столы. Копошились с аппаратурой «фирменные» ребята (вечер был задуман по образцу дискотеки), в конце зала за длинным столом занимали места почетные гости и комитетчики. Навстречу подругам поднялся Кожин, замахал призывно рукой. «Дамы» пошли к нему через зал. Как любила такие мгновения Ольга! Она гордо несла свою прекрасно посаженную головку, не смотрела по сторонам, но оценивающие взгляды многих парней и мужчин ощущала, казалось, каждою клеткой. Впрочем, ее большие глаза остро смотрели из-под приспущенных длинных ресниц. И то, что она увидела, повергло в смятение, заставило опустить очи долу.

Рядом с Кожиным сидел технолог из инструментального цеха, о котором Ольга уже наводила справки третьего дня. Светлово-

лосый, рослый, с холеным подвижным лицом, он не сводил с нее больших карих глаз. Ольге стало не по себе. Вспомнилось, что подумала, увидев его первый раз: «Внешне он устроит меня. Узнать бы, каково содержание». Теперь ей казалось – внимательный его взгляд прочел эти мысли.

За столом Ольга овладела собой. Кожин пялился на ее шелковый в стиле «диско» комбинезон, рассыпал неуклюжие комплименты. Ольга слушала, приподняв тонкие нити бровей. Терпеливо ждала, когда Кожин представит ей друга. Но технарь Кожин был не в ладах с этикетом. Ольге пришлось его осадить.

– Кто-то обещал забить нам место в углу, – негромко, но с холодком проговорила она. И, не внемля оправданиям, повернулась к спутнику Кожина: – Нет ничего лучше места в углу. Весь «свет» перед тобою как на ладони.

Кареглазый в этот момент беззастенчиво разглядывал Веру. Оторвал от нее цепкий взгляд, кивнул, соглашаясь:

– В углу откажутся есть разве Господь Бог да святые угодники. Им сверху и так все видать.

На нем ловко сидел светло-коричневый костюм из вельвета («Как Лео Сойер», – мелькнуло в Ольгиной голове), выщипанные светлые волосы зачесаны назад, лоб – высокий и чистый, нос – тонкий, с горбинкой. Разговаривал он уверенно, держался непринужденно. Все это нравилось Ольге. Она понимала: на фоне семнадцатилетних девчонок, которые лепились вокруг ее разодетых в «adidas» и «wrgangler» друзей она смотрится, пожалуй, уже не очень свежо... Нужно было браться за дело всерьез.

– Мы с Вадимом в одной группе учились, – Кожин разлил по стаканам «тархун». – Давайте вздрогнем. За знакомство, ребята! Сегодня наш день.

На столе были яблоки, пирожные и конфеты. Подруги ни к чему не притрунулись. С нетерпением ждали танцев, но вместо этого пришлось выслушивать из президиума длинные речи, обращенные к виновникам торжества. Наконец, официальная часть завершилась. Спотыкаясь о провода и колонки, пробрался к микрофону рыжебородый упитанный диск-жокей. Пел Челентано, но на круг никто не спешил: первый танец, как водится, пропускали. Ольга указала друзьям на долговязого очкастого парня, который привлекал внимание чудаковатым рассеянным видом. Парень, казалось, не замечал своих оживленно споря-

щих спутников, лишь озирался с мрачною миной.

– Это Митька Рогов, – пояснил с усмешкой Вадим. – У него красный диплом, он женоненавистник. Попробуйте к нему подкатить – шарахнется как от чумы.

В словах Вадима Вера прочла недобрые нотки. Он перехватил ее пристальный взгляд, деланно рассмеялся.

– Эх, зачем я вас отговариваю? Он теперь у нас первый парень. Женька, глянь, «поплавок» нацепил. От девок отбою не будет.

К эстраде потянулись первые пары. Кожин несмело протянул руку Ольге, Вадим мягко взял Веру под локоть. Несмотря на кажущуюся тяжеловесность, он сносно чувствовал ритм. Вера не всегда попевала за ним в быстром танго.

– У тебя знойная подруга, – весело шепнул он. – Я ее где-то видел.

– Может быть, в радиоцехе? – спросила Вера.

– Радиомонтажница? – вдруг настожился Вадим.

– Конечно.

– Учится где-нибудь?

– Со мной в одной группе.

Вадим расслабился, вздохнул с облегчением. Удивленная Вера тщетно ловила в полутьме его взгляд.

Ольга и Кожин тем временем вошли во вкус, предались упоению танца. Когда партнер отпускал Ольгу от себя, она с необыкновенной легкостью делала «змейку». Девчонки, что были рядом, повизгивали от восторга, пытались ей подражать. В разноцветном мигании цветомузыки отливали золотом Ольгины волосы. У Вадима (Вере удалось, наконец, перехватить его взгляд) двумя большими топазами холодновато мерцали глаза.

За столом Ольга мрачно и странно взглядывала на Вадима. Вадим этого будто не замечал, заговаривал с Верой. Настроение Ольги упало, она обиженно отвернулась.

Хотя на столах была лишь газировка, по залу уже шаталось несколько «жареных»: кое-кто исхитрился пронести спиртное с собой. У дальней колонны застыл осмеянный Вадимом мученик с «поплавком». Он скрестил на впалой груди длинные руки, сверлил пронзительным взором колышущуюся в танце толпу. Ему ничего больше не оставалось: никто не разговаривал с ним, не зазывал в свой круг. Сам же он не смел ни к кому подойти.

Ольга с Вадимом принялись костерить чудака, а Вере вдруг жаль его. Она подумала, как одинок, должно быть, этот нескладный парень, как нелегко ему в безжалостно-стремительной жизни. Она смотрела на веселые лица танцующих, на фальшиво-беззаботную Ольгу. Во взгляде подруги ворочалась та же тоска, что и в глазах чудака с «поплавком». Вера наскоро попрощалась со всеми, пошла в вестибюль. Застегивая пальто, выбежала на улицу.

На дне черной бездны тускло мерцали бусинки звезд. Осколок луны разрезал рваную мякоть облаков и повис, окруженный алмазным сиянием. Прозрачные дымчатые облака, гонимые ветром, словно легкое покрывало, силились закутать луну, но та, спрятав одну свою четвертушку за какое-то более надежное укрытие, проглядывала сквозь эту фату. Редкие прохожие волокли за собою короткие черные тени, которые кривлялись и прыгали по тротуару и стенам домов. У домов были свои тени, у столбов и деревьев – свои. Свет луны, казалось, запутался меж черных теней, оседая на землю мертвенно-бледным туманом. Только фонарь на углу отбрасывал желтый луч на истоптанный наст. Вере стало не по себе от этих зловещих теней, от призрачного колыхания лунного света.

– Верка, стой! – раздался за спиной Ольгин голос. – Куда ты одна?

Вера оглянулась. Кожин, Вадим и Ольга быстро догоняли ее. Вадим оттопырил локоть, Вера взяла его под руку, царапнув рукав дубленки жесткой перчаткой.

Ее увлекли в сторону – туда, где царствовали черные тени и разливался безжизненный лунный свет.

* * *

Был еще непоздний час, но на многих улицах фонари не горели: электроснабжение производилось по соответствующему режиму. Два квартала четверка шла в темноте. Кожин с Вадимом вновь заспорили о чудеке Рогове.

– Мы вот с тобой смеемся над ним, – угрюмо бурчал Кожин, – а он уже на категорию сдал.

У Вадима вздрогнули плечи; замедлил шаги, заговорил раздраженно:

– Знаешь, как в песне: «Но если туп, как дерево, родишься баобабом...» Слышал? Он будет баобабом тыщу лет, пока помрет. С ним все ясно!

Ольга манерно захохотала.

Подгулявшая компания на другой стороне улицы надрывно выводила припев «Старинных часов». Над городом распростер ледяные объятия холодный циклон. Становилось морозно. Все четверо прибавили шагу. Наст визжал под ногами.

– Выходит, вам полтора годка еще маяться? – спросил вдруг с ехидцей Вадим.

Вера удивленно скосила глаза.

– Маяться?..

Вадим притворно вздохнул.

– Да нет, маяться вам куда больше. Как только закончите вуз, так сразу.

– Почему?

Вадим заговорил наставительно, с едким сарказмом.

– Хотя и говорят там о повышении престижа инженера, нынче наш брат совсем не в почете. Вот сталкиваетесь вы с мастерами...

– Да уж сталкиваемся, – со смехом вмешалась Ольга. – Лбы трещат каждый день!

– У мастера что за жизнь? Он как под прессом: снизу гегемон, а сверху начальство. Так или нет? Женьке один горлохват как-то «польстил»: «Разве ты человек? Ты же мастер!» Хороша шуточка!

– Вадим говорил громко, с запалом. По всему было видно – взнуздал своего «конька». – Рабочим смешно: мы пять лет мозги сушили, а зарабатываем меньше их. В цехах глупее мастера или технолога никто себя не считает!

– На заводе есть такие, у которых мастерам поучиться не грех, – возразила Вера.

Вадим взглянул на нее с кривою усмешкой.

– Да нас, Верочка, не на заводе – в институте надо учить людски. Сколько я бился над сопроматом, над вышкой... Думаешь, пригодилось? Черта с два! Это тебе и в НИИ не понадобится. Сколько вдалбливают всякой муры! Иной исчахнет за красные корки, а придет на завод – дурак дураком. Теперь оклад. Мастеру – полторы сотни, технологу, конструктору – по сто тридцать. Нищета дипломированная. А почему? Отдачи нет. В отделах всех уровней засилье женщин – матриархат, одним словом.

Перерабатывают, перечерчивают. Перекладывают бумажки. Мужики с опытом волокут всю работу. (Вера дернула плечом, фыркнула зло.) А остальные зачем? Да просто девать их некуда. Перепроизводство инженерных кадров. Стало быть, сиди, зевай, лясы точки, но и получай соответственно. Короче, в отделах платят мизер потому что, дескать, мала отдача. А почему отдача мала? Потому что оклады там с гулькин нос. В инженеры сейчас калачом не заманишь. Дураков нет. Идут в товароведы, в рубщики мяса. Садятся на дефицит. Сейчас лучше на базе сидеть при картошке, чем на заводе при ГПС. Захожу как-то в родной институт, а там – объявление: абитуриенты, получившие «неуды» на вступительных, могут подавать документы на вечернее и заочное отделения. Такой вот теперь престиж... – Он перевел дух, опустил очи долу. – В МВТУ нынче и то недобор. Обидно, ребята.

– Просекла, Верка, какого мы дурака сваяляли? – хихикнула Ольга. – В торговлю надо было, в торговлю.

– Я тебя не держу, – резко бросила Вера. – Хоть завтра отваливай в кулинарный технарь.

Вадим ткнул Ольгу в бок:

– Ты на что уважаемого человека толкаешь? Комсомолка, бригадир, активистка... Не ей завидовать торгашам! – Кашлянул громко и – с напускною серьезностью: – Да, Оля, военное производство – это тебе не фрикадельки лепить, не гамбургеры! По броне, по стволам мы все НАТО обставили, это уж точно. Да только фрикцион али трак не укусишь, солярой закусь адскую не запьешь. – Мечтательно возвел глаза к небу. – А я бы от гамбургера не отказался, ей-ей! Срубал бы штук дцать за милую душу...

Вера освободила руку, свернула во двор.

– Спасибо что проводили. Пока.

Немного погодя она обернулась. Вадим, держа Ольгу под руку, блестел глазами ей вслед.

Глава седьмая

НА «ТОЛПЕ»

Отца у Веры не стало одиннадцать лет назад: пьяный водитель груженого «КрАЗа» столкнул в кювет его старенький «ЗИЛ». Василий Воронов скончался, не приходя в сознание, тридцати трех лет отроду.

Без отца жили трудно: мать работала сменным мастером на кирпичном заводе, и окладу ее никто не завидовал. Зато весь поселок знал депутата горсовета Клавдию Кузьминичну Воронову, а на верхней полке буфета копились многочисленные грамоты и медали. Детство свое – с четвертого класса – Вера вспоминать не любила, но почему-то видела часто во сне: сумрак в маленькой комнате, зимний вечер в окне. Вьюжный ветер гремит листьями железа на крыше, сотрясает некогда добротный купеческий дом. Вера штопает чулки или гладит белье, со страхом слушает доносящуюся из-за перегородки пьяную ругань соседей. Случалось, сосед барабанил в их дверь, прося «Клаву одолжить до полочки». Тогда Вера выбегала в прихожую, долго стояла на сквозняке, придерживая прыгающий крючок. Мать редко возвращалась с работы раньше семи...

Вера уже окончила школу, когда мать вышла замуж за овдовевшего железнодорожника. Его шустрая трехлетняя дочка Юлька стала Вере сводной сестрой. Отчим – сорокапятилетний мужчина с печально-усталым взглядом – в поездках только и думал о Юльке. Со станции он сломя голову мчался домой и всякий раз привозил маленькой грудку гостинцев. Он загодя закупил дочке азбуку и школьные принадлежности, а Юлька их рвала и ломала. К Вере отчим относился сдержанно, почти равнодушно. Он редко заговаривал с падчерицей. Вера догадывалась, что он просто не знает, о чем, кроме работы, можно с ней говорить.

* * *

У Веры не выходил из ума разговор с Ольгой в автобусе; все стоял перед глазами Вадим.

В субботу она стирала, потом перешла к окну, где был разложен почти готовый ее курсовой проект. Но все валилось из рук.

В мозгу въедливо копошилась мысль: «Двадцать второй год разменяла, а все как пионерка. Ольга в уши дует: «Твой комсомольский душок мужиков за версту отгоняет». И мама права: парням куда легче. Что не по нем – уговоров не жди. Другую найдет, ноу проблем. А ты у разбитого корыта кукуй». Всю ночь Вера терзала себя упреками, что она «не такая, как надо», а утром достала из томика Ахматовой свои сбережения, быстро оделась и неслышно выскользнула за дверь. Она, наконец, решилась посетить барахолку.

Вере нужны были джинсы. Она их никогда не имела, по госцене купить не рассчитывала. Дефицитный товар выбрасывался в конце месяца, а Вера в эти дни допоздна вкалывала на заводе. Обычно ревнивая к чужим данным, Ольга брякнула как-то раз: «Фигура, Верка, у тебя клеевая, ничего не скажешь. – Спихватилась, что расточает комплименты в ущерб собственному престижу, мрачновато уронила довесок: – Штатовские штанишки тебе – весь город бы закачался». Сама Ольга постоянно владела парой отличных «штанов» и ежеквартально брала отгулы, чтобы добыть новые в ЦУМе, а старые перепродать. Вере их она по понятным причинам не предлагала.

По дамбе Вера перешла окованную льдом реку, свернула к покосившимся древним домишкам на взгорке. Там, в проулке, топталась пестрая густая толпа. По дороге, что, петляя, ввела к садам, двумя потоками валили навстречу друг другу покупатели, зеваки; торгующие разложили товар вдоль обочин. Клубился на морозе пар от дыхания, вился дым сигарет; визжал под ногами истоптанный наст; обнажались головы и мерились шапки; почти на глазок прикидывались размеры дубленок, курток и шуб. В ноябре на зимние вещи был особенный спрос.

Вере пришлось изрядно померзнуть, прежде чем она поняла, что на земле у обочин продаются давно вышедшие из моды вещи: платки и шали, кофты и платья, туфли и даже сапоги-чулки. Дефицит же «толкали» из-под полы ушлые ребята, которые в целях конспирации норовили работать челночно, глубоко затесавшись в толпу. Вере было известно, что еще не так давно американские джинсы «шли» здесь за сто восемьдесят – двести рублей, прочие – подешевле. Сейчас будто бы цены на «штаны» упали, но намного или совсем незначительно, Вера не знала. Во всяком случае, она решила, что больше двухсот пятидесяти ни за

какой товар не отдаст. В кармане было двести семьдесят пять. Этого по всем расчетам хватало.

Наконец, Вера увидела то, что искала. Усатый (а la Стас Намин) долговязый парень держал новые джинсы с золотыми жгутами на задних карманах. Был он в куцей потертой дубленке, шапке собачьего меха, загнутых старых пимах. Вязаный оранжевый шарф плотно облегал покрытую трехдневной щетиною шею. Парень то и дело облизывал пересохшие губы: явно был «с бодуна». Пред ним стояла невзрачная женщина лет тридцати, искательно улыбаясь, о чем-то просила. Парень ответил двумя словами: не повернул головы, углы губ опустились брезгливо, оттянув усы книзу. Женщина с укором покачала головой, отошла. Вера во все глаза разглядывала «штаны». Коттон не был потертым, строчка как будто прямая. Вере не раз приходилось слышать, что будто бы нужно елозить спичкою по изнанке, дабы проверить, как трутся «штаны», что на «аукционе» можно сглупа урвать «самопал» и – будто проглотила язык, не зная, на что решиться. Как только парень уставил на Веру рыбы глаза, у нее вдруг мелькнула мысль, что та женщина вряд ли стала так долго просить продать ей туфту. Это немного утешила Веру, и она как можно спокойней спросила:

– Почем ваши джинсы?

Она решила как можно меньше говорить, чтобы не обнаружить свое дилетантство. Ответ парня привел ее в еще большее смятение:

– Восемнадцать.

И он упер в нее безжизненный взор, собираясь неуступчиво торговаться. Вера сжалась, как кролик перед удавом. Косяком неслись нелепые мысли: «Он что, алкоголик? За бесценок распродает нажитое? Или все-таки – «самопал»? Парень молчал, не опуская гнетущего взгляда. Она почти бессознательно достала двадцатипятирублевый билет, протянула парню бумажку. Во все глаза разглядывала покупку, не в силах обнаружить подвох. Подняла глаза – будто бритвой полоснуло по нервам: глаза парня сузились, заблестели свинцово.

– Да ты в уме ли, чувиха? – выдернул джинсы из ее ватных рук, грязно ругнулся: – Иди отсюда, и не просто иди!..

Угреватый детина (он околачивался рядом – прикрывал тылы рыбаглазого) хохотнул, придурковато загыгыкал ей вслед.

Ноги быстро уносили Веру от этого места; в горле застрял, не давая вздохнуть, колючий комок.

... – Ты, Веруня, и впрямь не от мира сего, – Ольга втайне радовалась позору подруги. – Да сейчас любой пенсионер просекает, что форцовщики счет ведут на червонцы. А тут ты со своей четвертной... Я тащусь!.. Ладно, кончай глазами сверкать – дырку прожжешь. Давай двадцать, штаны я достану.

Глава восьмая

ХАНДРА

Они очень похожи, эти нанизанные стальным ожерельем на великую Транссибирскую магистраль большие промышленные города. Они похожи друг на друга, особенно в зимнюю пору.

Вадим побывал на практике в Челябинске, ездил по делам службы в Омск и Новосибирск. Из окон карабкавшихся на мосты и виадуки автобусов он везде видел одно: закопченные трубы разных калибров, стеклянные фонари производственных корпусов, до отказа забитые техникой и ржавеющим металлом заводские дворы. То же самое было и в Ярске. Жгучий сибирский мороз и хмурый рассвет, каждодневная давка в промерзшем троллейбусе, бывало, и рвотная тяжесть похмелья, а главное, одна и та же картина, что открывалась из окна в эти часы, – все угнетало Вадима.

И на работе изо дня в день было всё то же: осточертевшие чертежи, извещения, техпроцессы; бесконечные звонки с участка, где вечно что-нибудь да «не шло». На лица сослуживцев он старался уже не глядеть... Иногда вдруг появлялось желание работать, разбираться, вникать. Он бежал в цех, копался в станке, исследовал приспособление, инструмент. Как-то раз даже обнаружил причину брака. Но эти благие порывы имели свойство неожиданно затихать. Тогда приходилось создавать видимость напряженной работы. На сей счет у Вадима имелась своя, отработанная и отлаженная система. Она основывалась на бытующем в производстве мнении: цеховой технолог работает, если его нет на месте, отдельский – если неотрывно торчит за столом.

Во время бесцельного шатания по заводу Вадим нередко мучился мыслью: что побудило его избрать эту не сулящую ни лавров, ни больших денег итээровскую карьеру? В школе Вадим не обнаруживал в себе каких-либо технических наклонностей, в медицину и гуманитарную сферу его также не влекло. Два одноклассника решили поступать в военно-политическое училище, и он «за компанию» увязался за ними. Конкурс в тот год был не очень большим. Вадим имел реальные шансы, но утратил их из-за лишения, муштры, «двадцатипятилетней ляжки». Перед последним экзаменом он подал рапорт. Потом – тревога, как бы по осени «не загреметь в ряды СА» (она тогда заслонила многое, если не все), звонки родителей «нужным людям», изнурительный вступительный марафон и, как итог, – его, Вадима, фамилия в списках студентов ноль-пятьсот первой специальности, о которой он, подобно многим прочим абитуриентам, никакого представления не имел.

Теперь-то он понимал, что тот счастливый для других августовский день стал для него прологом горьких разочарований. Точные науки, технические дисциплины давались ему тяжело. Вадим в муках «спихивал» контрольные, «лабы» и курсовые, с великим скрипом перелезал с курса на курс. Но самым убийственным было то, что титанические усилия не окупились, овчинка не стоила выделки. Если армия и военная служба представлялись Вадиму кошмаром, то работа инженера-машиностроителя была тоже не сахар. В мастера, где больше платили, он по понятным причинам идти не захотел. Поэтому ему «отвалилась» должность цехового технолога с окладом сто тридцать пять рублей. Сама мысль, что надобно «упираться» за столь незначительное вознаграждение, казалась ему кощунством. Оставалось одно: зевать, глубокомысленно усмехаться и всю неделю ждать благословенную пятницу.

В пятницу Вадима поджидали в баре друзья-сокурсники. Под пиво с креветками делились впечатлениями о производстве, ругали начальство, строили планы. Вначале собирались частенько, потом... Этот женился и с головой окунулся в семейные хлопоты; другого повысили в должности, он теперь старший мастер – днюет и ночует в цехе; третий стал счастливым папашей – вовсе конченный для компании человек. Бывали дни, когда Вадим «мочил усы» в пиве один-одинешенек. Шевелилась тревожная

мысль: а что дальше? Друзья как-то устраивают жизнь, а у него все на нуле. Оклад с гулькин нос, перспектив – никаких. Родительскими сбережениями не разживешься, связями не воспользуешься. Отец, главный инженер проекта одного из местных КБ, слеплен из послевоенного теста: диплом вырвал у жизни зубами, пока учился, голодал и недосыпал все пять лет. Узнав, что сын попросился в технологи, побагровел: «Что, ищешь где потеплее? Нашел тепленькое болото? Ну, ну. Гляди, всю жизнь проспичь». С того дня он будто перестал замечать Вадима. А тому хотелось жить не хуже других, иметь «хату», дачу, авто. Старший приятель Вадима Шурик Лысков как-то сказал: «С твоими данными, Вадик, можно удачно жениться. Зачем твоей избраннице красота? В карман ее не положишь, дубленку и сапоги не сошьешь. А надобно тебе, Вадик, пусть крокодилистую, но с приданым: профессорскую али полковничью дочь. Что, я не прав? Подумай, подумай...» Он прохиндейски блестел глазами-щелками, ухмылялся бесовски. Вадим думал о словах Лыскова и ему порой в самом деле казалось, что это – его единственный шанс.

Глава девятая

ВАЛЬКИНА НЕУДАЧА

Намечался зимний турслёт. Заводской комитет комсомола решил провести его месяцем раньше обычного: удалось договориться о размещении участников на первоклассной турбазе машиностроительного завода, а она лишь в начале зимы не была занята.

Цеховые бюро комсомола получили строжайшее указание выставить на слет команды. Секретарь комитета на совещании даже не выслушал тех, кто обычно ныл, что-де людей не собрать: опустил с размаху на стол большую ладонь, заговорил простуженным басом.

– Все. Точка. Больше можно, меньше – нельзя. Не для того нам помогали с базой генеральный директор, партком. Где хотите берите людей, а чтоб от каждого цеха по шесть человек было. – Собрал в папку бумаги, улыбнулся: – Хоть родню приводите.

– Может, детей привести? – съязвил кто-то.

– Детей до семнадцати лет не надо.

Вера, как член комитета, должна была проследить за подготовкой к турслету. За свой восемнадцатый цех она беспокоилась мало, в последние годы он ни разу не подводил, а вот в шестнадцатом автоматном были такие ребята, которым ничего не стоило забрать назад свои обещания. На прошлом турслете автоматчики выступали лишь вчетвером, заняли предпоследнее место. Это было настоящим позором для коллектива, который насчитывал более четырехсот человек.

Вера помогла активу цеха с подбором нового состава команды. На прощанье сказала парням.

– Рассчитывайте только на себя. И друг на друга, конечно. Если в субботу кто-нибудь из вас не придет, другие зазря поедут...

Вроде дошло. Напоследок заглянула в инструментальный. Здесь было все «на мази». Комсорг отдала Вере список команды. Первым в списке был заявлен Вадим.

* * *

Там, где кончался высокий грейдер, автобусы остановились. За ночь дорогу перемело и километр до базы предстояло пройти пешком.

Впереди прокладывали дорогу рослые ребята в унтах и пижах, за ними шла группа заводского ВИА, потом все девчонки. Покачивались на ходу угловатые верхи адидасовских шапок, колыхались над головами лыжи и грифы зачехленных гитар. Был легкий морозец, рассыпало слепящие искры по новым сугробам холодное сибирское солнце – подступила вплотную зима. Кто-то врубил «Аэлиту» и над белоснежной равниной, над бором зазвучал любимый всею российскою молодежью хриповатый голос барда Таганки:

Я спросил: «Зачем идете в гору вы?..»

Визжал под ногами снег, поднимался пар от дыхания, звенели шутки и смех.

Валька Медведев был с утра настроен по-боевому. Команду собрали на страх врагам: комсорг Галя Карпова, Кожин, Вера, Пашка Колотыгин, цеховой технолог биатлонистка Тамара и он, Валька. Из всей шестерки не внушал полного доверия только Пашка, но он клятвенно обещался «не злоупотреблять». В автобусе Валька без умолку тараторил о слете, хлопал себя по коле-

ням, предвкушая победу.

– А что? – убеждал он необычно тихого Пашку. – В прошлом году взяли второе место, а нынче на первое замахнем. У Кожина с Тамарой вон какие маховики. В эстафете, в стрельбе на колем всех только так... Что там еще? Футбол на снегу? Тут мы с тобой, Паша, примем удар. Должны инструментальщиков отгрузить! А иначе на кой туда едем?

Пашка вяло кивал: соглашался.

Расположились в кирпичном двухэтажном корпусе группами по четыре-шесть человек. Отопление включили перед приездом, в комнатах было свежо. Это, впрочем, никого не смущало: сиднем никто не сидел. Расчистили две футбольных площадки, проложили в сугробах лыжню, привели в порядок захламленный танцзал. Потом было общее построение, краткая речь секретаря комсомольского комитета и – закрутилось колесо состязаний.

Спортивные страсти кипели, пока не стемнело. Тамара и Кожин неплохо отстрелялись из мелкашки, Вера заняла второе место в турнире шашисток. Футболисты в каждой встрече играли два тайма по десять минут. Пашка творил чудеса с мячом, Валька надежно закупорил «рамку». После трех побед вышли в финал. Назавтра предстояла решающая встреча – с инструментальщиками.

После ужина все повалили на танцы. Подражая группе Намина, всюю старался ВИА; в разноцветных сполохах цветомузыки мелькали мастерки, свитеры и ковбойки, трещал под подошвами лыжных ботинок дубовый паркет.

Вадим дважды приглашал Веру на танго. Валька угрюмо смотрел на них из угла. Вера уже догадывалась о природе Валькиных вздохов, даже о том, что и на слет он поехал ради нее. Она решила оставить ему «белый танец», но он вдруг куда-то исчез. Тщетно Вера вглядывалась в полутьму: Валька не появлялся. Кожин с Вадимом настойчиво зазывали в свой номер. Она рассеянно согласилась. Друзья, спотыкаясь, побежали к себе – готовиться к сабантюю. Вера не спеша шла за ними.

В коридоре слышалось брэнчанье гитары, кто-то негромко, с щемящею грустью пел. Вера замерла перед дверью, прислушалась.

*Соглашайся хотя бы на рай в шалаше,
Если терем с дворцом кто-то занял.*

Чудные звуки, рождавшиеся из теплоты умных рук и упруго-холодного металла струн, были похожи то на смех, то на плач, от которого замирало и трепетало тревожно сердце. Пел Валька. И голос его, молодой и сильный, дрожал и срывался на высокой ноте, звенел подобно натянутой до предела струне.

У придвинутой к окну тумбочки лепилась компания – Пашка и двое незнакомых Вере парней. Тумбочку украшал натюрморт: маринованные огурцы, буханка серого хлеба, банка сайры. Спиртным распорядился раскрасневшийся Пашка. Единственный граненый стакан он наполнял строго по метке, хороня початую бутылку за тумбочкой. Это он зазвал Вальку, чтобы пролить бальзам на разбитое сердце приятеля. Завидя Веру, Валька в смущении принялся крутить барашек на грифе. Вера хотела было позвать его в коридор, но Пашка отставил порожний «пузыр»», растянул в ухмылке толстые губы.

– Ты гляди: Верка! – ткнул безмолвного Вальку стаканом. – Сама к нам на огонек прилетела. А ты, дурик, переживаешь. – Обратил смеющийся взгляд на своих «корешей», подмигнул хитрым глазом: – Витек, тащи ее к столу, чё сидишь как чурбан.

Витек – белобрысый безбровый парень семнадцати-восемнадцати лет – медленно поднялся с кровати, качнул макушкой лампочку под потолком. Был он в линялых джинсах, при часах с длинной цепочкой. На полудетском лице застыла липкая улыбка самца, которому уже хотелось запретного. Приблизился к Вере, протянул задрожавшую руку. Вера перед его носом захлопнула дверь.

* * *

В комнате Вадима и Кожина – полумрак, динамики магнитолы выплескивали голоса «итальянцев». Ребята над чем-то смеялись, Ольга курила, покачивая носком дутого сапога. Улыбку Ольги портили кривоватые зубы, поэтому она старалась улыбаться одними глазами.

– Над чем смеетесь? – полюбопытствовала Вера.

– О производстве дебаты, – сквозь смех ответил Вадим. – Евгений Степаных другой тематики не признает... Да ты садись!

Вера присела на край Вадимовой кровати. Подруга полоснула неласковым взглядом из-под остроконечных ресниц.

– Ну, давайте о производстве, – нарушила молчание Вера. –

Что, по-вашему, здесь смешного?

– Вспоминали, как Женя еще в начале карьеры посадил Козьякина голым гузном... – пояснил Вадим. – Он только вторую неделю работал, не знал еще ни черта. А Козьякин в конце смены прибежал на участок: «Сколько девятого изделия сегодня сдаешь?» – «Так ведь девять тысяч с утра обещали». Козьякин ногами затопал: «За каким мне твои девять?! Чтобы двенадцать тыщ было сегодня!» Ему, жупелу, и десяти за глаза бы хватило, ан нет – захотел поучить молодого. Тут наш Женя руками развел: «Креста на вас нет, Николай Федорович. Где же я вам их возьму?!» У Козьякина – челюсть до пола. К такому разговору он не привык. В Бога душу и крестителя мать – понятное дело. А тут – нехристь ты, дескать, начальник. Так и не сказал в ответ ничего. Но запомнил надолго.

– А горлохваты отживают свое, – раздумчиво молвил Кожин. – Глоткой сейчас народ не проймешь. Подход нужен, знание характеров, настроений. Психология! А у Козьякина один прикол: в понедельник и четверг спускать лайку. Орет, орет с утра до вечера – «чтоб не заснули». Считает, что делает нужное дело. Я понимаю, на сачка надо орать. А если кто и так старается изо всех сил? При плохом настроении, между прочим, производительность на тридцать процентов снижается.

– Бомбы в царей кидали, на каторгу шли, – губы Вадима ядовито кривились, – а кончилось тем, что хам воцарился. В романах дореволюционная любовь – эталон, эмигрантов вон уже обеляют. Как ни крути, у старой интеллигенции были устои. У нынешней – никаких.

– А мне кажется, руководитель вообще не имеет права кричать, – проговорила взволнованно Вера. – Я вот никому не позволю орать на себя.

Кожин скептически усмехнулся.

– Идеализм. Вы, женщины, мечтаете о несбыточном, а простых вещей не поймете. Начальник – он тоже человек. Чтобы он не орал, надо всем вышестоящим глотки заткнуть. Ему-то от них ой как достается! С головы рыба гниет, с головы.

– Эх, когда все же не будет этого хамства и мата? – с притворным вздохом пропела Ольга.

– А когда на заводе плана не будет, – рассмеялся Кожин. – Так что на наш век хватит.

Вадим тем временем откупорил бутылочку «цинандали». (Дефицит выпросил у вернувшегося из столичной командировки отца.) Разлил по стаканам, подмигнул притихшим подругам.

– Дары солнечной Грузии. Как сказано в божественной книге: много – во вред, а по малости – оно на радость. Мои коллеги по команде сейчас водку жрут, так что стакан сухого нашей форме не повредит.

– Хочу сказать тост, – проговорил не без волнения Кожин.

Все шумно выразили одобрение.

– Ехали по горной дороге два римских центуриона, – Кожин стеснительно прятал глаза, – и столкнулись нос к носу на узкой тропе. Слева скала, справа – обрыв. С лошадей не слезть, не разъехаться. Что делать? Оба в одном чине, оба ровесники. Кинули жребий, кому с конем расставаться. Проигравший схватился за куст на скале, подтянулся. Другой центурион меч достал, чтобы чужого коня прикончить. А лошадь-то все поняла! Заржала прощально и прыгнула в пропасть. – Кожин медленно встал, обвел чуть насмешливым взглядом недоуменные лица ребят: – вспомните трудягу Козякина. поймете тогда, почему я хочу предложить: так выпьем за старых, заезженных лошадей!

Ольга с присущей ей экспансивностью плеснула в ладоши, толкнула Вадима плечом. Вера вспомнила «теплую» компанию Пашки, пьяное Валькино безволие и ощутила липкую дрожь. Мысленно выругала себя за «дурацкие комплексы». Сглупа потащила к Вальке – заговорило, видите ли, некое чувство вины! Она всегда считала, что напиться с горя может лишь тот, кто слаб и негоден для настоящего дела. Да и что – Валька? Плотный, скуластый, рост – невелик. Вряд ли он имеет какие-то особые душевные свойства, если подпал под влияние Пашки. Иное дело – Вадим. О таком парне можно только мечтать. Вере нравилось в нем все. Правда, то «все» заключалось покуда в манерах Вадима, мелодии его голоса: – смысл фраз она улавливала не всегда. Вера мало слушала, смотрела – во все глаза. Отчего же тогда говорят, что женщины любят ушами? Впрочем, заговори он вдруг с ней, она уж не пропустила б ни слова.

Вадим уже разлил по второму.

– Ну что ж, как говорят у нас в Уэльсе, ду-айте выпьем, – беспечно сказала Ольга и вмиг осушила стакан.

Вера, поколебавшись, сделала два робких глотка. Ольга по-

рывисто поднялась, сменила в магнитоле кассету и на мгновение картинно замерла у окна. Казалось, она сошла с обложек модных журналов: великолепный вязаный шарф с серебряными кистями небрежно обматывал шею, новейшие «техасы» аккуратно заправлены в сапоги. На слет Ольга ехала демонстрировать свои блестящие данные, а также для того, чтобы вплотную заняться Вадимом. Она знала себе цену, а Веру не считала за конкурентку. Но Вадим почему-то все больше заглядывался на Веру и все меньше внимания уделял ей. Ольга же была слишком самоуверенна, чтобы ее решимость так быстро поколебалась. Вскинула подбородок, смеясь голубыми льдинками глаз.

– А вы опасные мальчишки. Вам палец в рот не клади. Начнем с глоточка сухого и дружеских вздохов, а чем к утру кончим – бог весть.

Кожин сосредоточенно тер ладонями коттон на коленях. Вадим без смущения пристукнул по тумбочке коньячной посудой.

– Автор одного школьного сочинения нацарапал: «Счастье – то когда тебя понимают». Выпьем за понимание. Оно пробьет дорогу светлым и радостным чувствам, которые мы скоро будем друг к другу питать.

Кожин сдавленно рассмеялся, закрутил головой:

– Да ты поэт!

Как только Вадим приступил к извлечению пробки, Вера попятилась к выходу. Ольга энергично обмоталась шарфом:

– Как говориться, хорошего помаленьку. Вадик, конечно, поэт, но он пока не Есенин, чтобы ему так просто все обломилось.

* * *

Наутро лагерь пришел в движение. Равняли и чистили футбольное поле (ночью снегу еще подвалило), на трассу лыжно-туристической эстафеты снова вышли ребята-здоровяки.

Состоялся футбольный финал. Матч получился упорным и складывался не в пользу восемнадцатого механического: инструментальщики почти всю игру вели в счете, приходилось их догонять. Пашке и Вальке мешал похмельный синдром, Кожин в середине матча серьезно ушиб колено. Основное время закончилось вничью, и судья назначил пенальти. Отовсюду сбежались болельщики, собралась большая толпа. На зимних турслетах инструментальщики побеждали четыре года подряд, поэтому за

них почти никто не болел. Желали успеха их менее именитым соперникам, подбадривали Пашку, который был многим знаком.

– Паша, ты, главное, по мячу попади!

– Не мешайте сосредоточиться чуваку: не видите, руки-ноги дрожат.

– Ох, влепит вам судило «баранку» за «допинг»!

Когда-то давно, в счастливую трезвую пору, Павел Колотыгин играл за сборную области. Это в честь его, лучшего бомбардира, болельщики горланили речевку: «Колотыгин Паша – артиллерия наша!» Пробил он сильно и точно – в левый верхний угол ворот. Минуту спустя Кожин отразил удар лучшего нападающего инструментальщиков. Болельщики ликовали.

– Хоть раз да обули двадцать восьмой! Мо-лод-цы!

Теперь все должна была решить лыжная эстафета. Пашка и Валька для бодрости обтерлись снегом. Вера металась от одного к другому, повторяла как заклинание:

– Ребята, мы должны победить, ребята...

Вадим, настроенный с утра мрачновато, указал Кожину на нее:

– Гляди, сколько эмоций, – нехорошо усмехнулся, покачал головой. – Ее бы на узкоколейку, на пару с неистовым Павкой.

Участникам предстояло пробежать километр. Трасса сначала ныряла под гору, змеилась по льду реки; дальше следовал подъем на высокий правый берег и, наконец, – ровный четырехсотметровый участок до финиша. Биатлонистка Тамара прошла дистанцию лучше всех и передала эстафету Пашке. Тот «спекся» уже на второй пятисотке, к промежуточному финишу приполз лишь четвертым. Без сил повалился в сугроб, жадно ловил ртом воздух:

– Подвела... дышалка... Щас... кони брошу... Теперь двадцать восьмой... на коне... Мы – в ауте.

Вера не слышала его вздохов. Дрожа от азарта, она впиалась взглядом в спины Вадима и Вальки. Повинуясь неведомой логике, загадала: если Вадим придет вторым – у нее с ним «будет все хорошо».

Валька знал, что вслед ему смотрит Вера. Летел как на крыльях. На подъеме он обошел сразу двух конкурентов. Впереди маячил Вадим. Валька отчаянно отталкивал палками смерзшийся наст, хрипел, но постепенно сокращал разрыв. Вадим шел раз-

меренно, четко: далеко выбрасывал длинные ноги, без устали работал руками. Он не притронулся к вчерашнему коньяку, похмелья не было, и кросс стал ему пробежкой ради здоровья. Валька – ниже ростом, пожиже. Вчерашние четыреста грамм изрядно навредили ему: легкие раздирало студеным воздухом, сердце ломилось вон из груди. Догнал... Вот он, сбоку. Сейчас... Все, первый!.. А где финиш? Где соперник? Озираясь, разодрал заиндевевшие веки. Финиш был позади: в запале Валька проскочил мимо колышка с красным флажком и мимо судьи. Ребята сбрасывали тяжелые рюкзаки, поздравляли с победой Вадима...

На ваточных ногах Валька поплелся к базе. Петлей давила горло обида. За весь путь он не поднял виновато опущенной головы и едва не опоздал на автобус.

Глава десятая

ДЯДЯ ЛЕША

Что представлял механический цех в конце года? На первый взгляд – полнейшая неразбериха, психоз, беготня. Начальник с утра берет за грудки мастеров – вымогает, грозит, бранит. Его можно понять: в течение года не раз приходилось давать обещания руководству, что уж в следующем месяце... А в следующем месяце и квартале тоже было не все гладко и коллектив, наконец, подошел к той последней черте, кода отступить стало некуда, когда надо было в ударном порядке засучить рукава. И вот производственные мастера виснут на контролерах, как корабейники на все лады расхваливая товар; бригадиры извлекают наладчиков и слесарей из курилки; контора и техбюро готовятся к последнему, ночному штурму двадцать девятого – тридцатого декабря; сущее безумие – оставить на тридцать первое недодел. При этом все как один костерят привередливых косных заказчиков.

Семнадцатого декабря на доске красовалось уже объявление о выполнении цехом годового объема. Работницы при виде издерганных, замотанных ИТР вздыхали, выразительно крутили пальцами у виска. Им, как беспечным счастливицам, было неведомо, что существуют еще – на беду руководства – реализация,

план поставок и, наконец, график начальника производства завода, который рисовался куда толще плана.

Производственно-диспетчерский отдел не обошел своим неослабным вниманием и комсомольско-молодежный коллектив Веры Вороновой. Соседний цех затянул освоение двух дорогостоящих новых позиций, остановил сборку. Чтобы заткнуть эту прореху, наскрести объем по заводу, начальник производства накинул участку Достовалова еще сорок тысконок деталей. Достовалов охрип от ругани на планерке, у него подскочило кровяное давление. Уставшие от авралов бригады роптали.

– Ты на двести процентов план делай – им все мало, – ворчала нервная Римма. – Хоть докуда: «давай»!..

Избавление пришло откуда не ждали. В середине месяца «пошли» все доселе барахлившие фрезера, конструкторско-технологическое бюро мобилизовало на выручку полдюжины своих инженеров. Но и они бы, верно, не помогли, если бы не Козякин. Звонил, выслушивая ругань и мат, снова доказывал и умолял, нажимал невидимые пружины. Добился-таки своего: пятнадцать тысяч цеху скостили. Теперь на бригаду Вороновой падало не тринадцать дополнительных тысяч, а восемь. Это все-ляло надежду.

На автоматном участке Кожина все складывалось на редкость благополучно. Станки «молотили» исправно, инструмент тоже не подводил. Коллектив около месяца уверенно греб по раздутому руслу графика. Валька крутил шесть машин. Автоматы жадно жевали прутки, и в начале смены, когда требовалась их подналадка, работы было хоть отбавляй. К обеду, если не случалось ЧП, Валька, как правило, добивался четкого ритма. Тогда он уже по времени знал, сколько моно позволить себе покурить и когда нужно идти к автоматам. Не у всех выходило так гладко. Поэтому широкую скамейку в курилке Валька делил обычно с Алексеем Федоровичем – дядей Лешей, как величала его молодежь.

Дядя Леша был строгим и знающим мужиком. Медлительный с виду, он попусту не суетился и не кричал, но когда было нужно, мог любого поставить на место. Не терпел, когда по незнанию или просто по разгильдяйству загоняли в брак дорогую цветнику, когда ремонтировали и налаживали спустя рукава. Тут от него доставалось всем, невзирая на лица. Мало кто помнил тот день, когда дядя Леша впервые появился на автоматном. Работал

наладчиком, мастером, а за шесть лет до пенсии махнул на хлопотную должность рукой: «Пускай молодые, образованные руководят». У Алексея Федоровича была большая лысеющая голова, неповоротливый торс и чуть коротковатые руки. Но руки эти делали для цеха такое, что удивленные соседи не раз разводили руками. Дивился Соломин: «Федорыч, да ты ас». На это дядя Леша шутливо трепал заместителя начальника по плечу, говорил с назиданием: «Мало ты, Коля, наладчиком поработал. Вот если бы еще лет с пяток – тогда бы толк был». Начальство с тоской думало о том дне, когда инструктор-наладчик уйдет «на заслуженный». День этот был уже не за горами.

В курилке Валька с дядей Лешей больше молчали. Инструктор грыз семечки, щурился на громыхающие станки. Валька задумывался, уйдя в себя; забывал про потухшую сигарету.

Все заслонили мысли о Вере. Он приходил в цех пораньше, чтоб побыстрее увидеть ее. Увидя, маялся еще больше. Она была рассеянно-приветлива; разговаривая с Валькой, глядела куда-то вдаль; когда была одна за станком – улыбалась мечтательно и неопределенно. Валька догадывался, кто предмет ее вздохомечтаний и – ныло сердце, болела душа, все валилось из рук. Старался не думать о Вере, забыть в работе, но нет-нет да тянуло пройти там, где было бело от чепчиков и воротничков, где мелькали проворные руки девчонок

– Что, Валюха, нос повесил? – толкнул вальку в бок дядя Леша.
– Держи хвост пистолетом, начальником будешь.

Валька, не понимая, уставился на него.

– Ты это... о чем?

Глаза дяди Леша насмешливо заблестели. Пригладил на темени жидкую прядь, ухмыльнулся.

– Намедни на ОТК я сидел. Слышу, Соломин Козякину говорит: «На будущий год Медведев диплом защитит – можно его в мастера». А Козякин кивнул. Так что жди повышения, дырку готовь под звезду.

Валька сделал протестующий жест, фыркнул, конфузясь.

– Ты плечом-то не дергай, – забеспокоился вдруг дядя Леша.
– Попробовать тебе надо. Я чувствую, будет толк!

– Орать не умею. Не выйдет у меня ничего.

Валька проговорил это задумчиво, как бы нехотя. Густые брови дяди Леша поползли вверх, морщина высокий выпуклый лоб:

– А зачем – орать?

У Вальки вертелся на языке контрвопрос, но тут в его поле зрения попали Соломин и Пашка. Соломин быстро шел по проходу. Маленький полнеющий Пашка семенил сбоку, тряс перед лицом зама грязной масляной пятерней. Короткие Пашкины пальцы сжимали латунную деталюшку, которую он тщился наладить уже второй день.

– Полсмены я бился! – с надрывом выкрикивал Пашка. – Чё тут напраслину городить? Слесарям вломить надо: шпиндель бьет на этом станке.

У Соломина задержались тонкие губы, зло заблестели глаза. Но кричать по-козякински он не умел: захлебывался, заикался.

– Причем т-тут станок? Станок вчера п-проверяли. Ты на слесарей не вали! Инструмент перетачивать надо, резец канавочный выставлять по уму.

Не оглядываясь, уплыл по проходу.

– Да ладно, Терентьич, на инструмент-то грешить, – пробормотал вслед ему недвижимый Пашка. Согнул по-журавлиному ногу, будто собираясь вышагнуть из штанов: копировал соломинскую походку. Потом отшвырнул злополучную деталь, оцетинился зло:

– Чтоб ты сдох, хрен долговязый!..

Продолжая бубнить, нехотя поплелся в слесарку. Валька решил продолжить прерванный разговор.

– Зачем орать, говоришь? Да хотя бы чтоб не быть таким, как Соломин.

Дядя Леша запрокинул большую голову, приоткрыл рот удивленно. К нижней губе прилипла подсолнечная шелуха.

– А что за беда на Терентьича походить?

Валька зажег новую сигарету. Выпустил дым из ноздрей, прерительно скривил губы.

– Да он тюфяк. Никто с ним не считается, хоть он и в технике волокет. Козякин, по крайней мере, внушает...

– Глотку-то легче драть, чем мозгой шевелить.

– И дело он знает, не только глотку дерет.

Дядя Леша выплюнул шелуху, насмешливо задвигал густыми бровями:

– Кто – «дело знает»? Это Козякин-то? Да он в подметки Терентьичу не годится.

– За что тогда Соломина из начальников турнули, если он такой выдающийся? – Вальку явно заело.

Инструктор вдруг вскочил со скамьи, резво зашагал на участок. (Валька удивленно вытянул шею.) Один Пашкин станок задымил: не работало охлаждение, горел инструмент. Инструктор заслонился от раскаленной стружки рукой, выждав момент, рванул к себе ручку подачи. Прибежал запыхавшийся Пашка. Дядя Леша за локоть подтащил его к автомату, ткнул в исковерканный инструмент. В углы губ врубилась брезгливые складки. Пашка понуро выслушал нелестные словеса.

В курилку инструктор вернулся уже не спеша. Кряхтя опустился на лавку, потер поясницу.

– Э-эх, спина... Старость – не радость. Вот ты говоришь – Соломин. – Помолчал, ворочая в большом голом черепе мысли. – Как дело-то было? Работал я тогда на двадцать шестом изделии. Недолго, с полгода, наверно. Начальником цеха был тогда Сапожков.

– Нынешний замначальника производства?

– Ну да. А главным инженером – Поспелов. Он в Москве, в главке сейчас. Мы тогда двадцать шестого изделия делали тысячу триста, не больше. Привозят как-то новые полуавтоматы на зенкерование: наладить к концу квартала! На раскочку – два месяца с гаком, стал я настраивать их не спеша. Проходит недели две-три, не больше. Приезжает главный, Сапожкова – за жабры: почему до сих пор не наладил станки? Сапожков ему: так и так, не успели, мол, но время-то еще есть. А главный: «Три дня сроку даю! Чтоб через три дня давали продукцию!» Командовать-то легко, а поди сделай. В три дня мы, конечно, не уложились. На третий день Сапожков говорит: «Завтра комиссия приезжает из главка. Как только появятся в цехе – врубай станки. Кровь из носу, а чтоб все три полуавтомата крутились!» Что тут делать? Приходит комиссия: двое мужиков, одна женщина. Я оборудование запустил, детали в лотки толкаю. Подошли они, видят: бункера вибрируют, оператор – пшик-пшик – туда-сюда ходит, детали в рабочую зону ползут... И не заметил никто, что инструмента-то нет! Пшик производим... А главный, Поспелов, соловьем заливается: так, мол, и так, ваши благородия, освоили мы новое оборудование в рекордные сроки, премного этими станками довольны и готовы к выполнению новых сложных заданий.

Так и подмывало меня им сказать: начальнички дорогие, не туда смотрите вы!.. Но как большое начальство учить? Да и то помнить надо, что обычно стрелочник во всем виноват... И главный с огнем играть не стал, увел их скорей от греха. Уф-ф, тогда отлегло... Кончилось все к общему удовольствию.

У Вальки задорно блестели глаза.

– И никто ничего не просек? – хлопнул себя по коленкам, закрутил головой. – Лихо ты их наколол!

Дядя Леша саркастически усмехнулся.

– А на другой месяц спускают нам план: миллион. Это после трехсот-то тыщ! Ратуйте, ребята, коль живете богато. Кто кого объегорил? А-а, вот и подумай, если ты не верблюд. Пospelов акkurat с повышением в Москву укатил, Сапожков в пом-замы запрыгнул. А Соломин эту кашу расхлебывал. С полгода он цехом командовал и полгода не было у нас плана. Цена деталишки – девять копеек. Чем ее перекрыть? Терентьича заклевали. Сапожков на планерке кричит: «Мы до тебя, Соломин, не один год работали, и план всегда был! Где у тебя голова?» Другой бы плюнул на все да ногою растер. А этот бился как рыба об лед, можно сказать, в цеху ночевал. Станки эти чертовы долго наладить мы не могли, браку напороли – горы. А только стали дела поправляться – Соломина сняли. Не повезло мужику. Теперь его в начальники калачом не заманишь. Да он и на своем месте кум королю. Вон агрегатный недавно из Армении получили. Кто его настроил? Соломин. Башка у него варит. С наладчиков начинал! Козякин порой решенья не примет: у Терентьича надо спросить. – Повернулся к Вальке своим крупным телом, победоносно взглянул из-под широких бровей: – Начальника, парень, за голову, а не за глотку надо ценить.

– Это на производстве – добреньким быть?! – Валька упрямо стоял на своем. – Те же слесаря на шею сядут, если Козякин в понедельник им клизму не вставит.

– А он сейчас знает, на кого можно орать, на кого – нельзя. Научили. А если забудет, опять на место поставим. – Инструктор положил на Валькино колено чуть влажную руку, откашлянул хрипотцу. – Ты вот скоро технарь свой закончишь, мастером, начальником будешь. Орать, клизмой орудовать – этому учиться не надо. Жизнь, как говорится, научит. Ты людей старайся понять. Кто чем дышит, кто чем живет. Для начала к нашим мужикам

присмотрись. Кто на что горазд, пораскинь. Вот это тебе пригодится.

Валька скovyрнул надфильком стружку в подметке, прибормотал без прежней уверенности:

– Так оно... Это и так ясно.

В курилку ввалился весело оскаленный Пашка. Наскоро обер ветошью худые цепкие руки, торопливо выбил «астру» из пачки.

– Мужики, отгадайте загадку. Как зовут собаку Рейгана?

– А я почему знаю? – отмахнулся Валька.

– Рональд! – Пашка торжествовал. – Неужто не догадались? Дядя Леша залился громким скрипучим смехом:

– Так его! Правильно! Собака и есть! – Помолчал, нахмурясь; без всякого перехода сказал: – Брешет как кобель цепной, а того не поймет, что двужильные мы. Измором взять захотел! Да мы, если надо, на одной картошке продержимся... Своих-то слабо – на наше довольствие посадить?

– Они зараз плакатики на шею навесят, – поддержал Пашка, – бузить выйдут. Кишка тонка с нами тягаться! – Примостился на край скамейки, выпустил пару дымных колец. – Ценная идея здесь вот сидит. – Постучал грязным пальцем по смуглому лбу.

– Это какая идея, Паша? – ласково спросил дядя Леша.

Пашка приосанился.

– Царица Аляску сбaгрила Штатам? Было дело. А продавала-то на сто лет! Срок вроде уже истекает... Но Рейган ее подобра не вернет. Так? Так. А мы у него и просить не будем. Подарим китайцам. Берите, братки, раз у вас пространства нехватка.

– Как они его добудут, пространство, если у них с Америкой и границы-то нет? – сохраняя напускную серьезность, спросил дядя Леша.

– А мы мильон хунвэйбинов через Чукотку пропустим. А в зиму Берингов пролив застывает...

Дядя Леша затрясся от смеха, раскачиваясь на скамье.

– Рисковый ты, Паша, мужик! Тактик заправский!

– Голь на выдумки хитра! – резюмировал Пашка. – Мы – ребята хвачки, семеро одного не боячки. – Встал, притопнул разбитым ботинком:

Бей Чапаева хоть с пушки,

Не утонет он в реке.

Ох!.. Поцелуй меня в макушку:

Я сижу на чердаке!

Глава девятая

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Вадим ловил себя на мысли, что слишком уж много стал думать о Вере. День ото дня она нравилась ему больше и больше. Влюбленность вспыхнула неожиданно, ослепив как бенгальский огонь.

В Вере нравилось ему все: ясный приветливый взор, точеный профиль, гибкая талия осы и даже порою – он сам удивлялся себе – ее удивительная доверчивость, неискушенность в «житейских делах», где как рыба в воде пребывала вездесущая Ольга. Вадим догадывался, что он импонирует Вере. Это радовало и опьяняло его. Но сладостные картины, рисуемые воспаленным воображением, не раз сменялись одной тревожной мыслью: а вдруг Вера из породы «тех недоделанных», которым «в кайф» разбор персональных дел на нудных томительных заседаниях? Член комитета комсомола, член цехкома, бригадир – это и льстило Вадиму и пугало его.

Вот потому-то на первых порах Вадим был осторожен предельно. Он водил Веру в кинотеатр на американский фильм, где были жестокость и холодный расчет, и секс, нещадно урезанный цензурой, и благородные порывы, благодаря которым состоялся благодостный happy end. После сеанса Вадим затеял разведку боем.

- Зря мы пошли на этот боевичок, – зевок и скучающий вздох.
- Между прочим, в «розовом» зале индийскую ленту крутили.
- На индийские я не хожу, – Вера усмехнулась краешком рта.
- А здесь: злодейства, измены, кровища. Голова кругом. Вот живут!
- Им, наверно, так нравится.

Нельзя сказать, что этот маленький диалог совершенно рассеял сомненья Вадима, но после него он сильно продвинулся в догадке, что Вера – не «вечная пионерка» и что комсомольская работа – не самоцель для нее, а скорее средство сделать карьеру. Это устраивало Вадима, более того – преисполнило уважения к Вериной практической сметке.

Новым этапом их зарождавшейся дружбы стало двадцатичетырехлетие Вадима. День рождения отмечался в субботу, за полторы недели до Нового года. Приглашено было всего шесть

человек, но одна пара прийти не смогла: не на кого было оставить годовалого «короеда».

Первым пожаловал на именины Лысков: принес несколько редких дисков, кассету с записями «одесситов». Приятели поковырялись в аппаратуре; когда все было отлажено, перешли в кресла, завели разговор. Вадим почитал приятеля за весьма неглупого человека и потому в полушутливом тоне выложил ему свои сомнения насчет Веры.

– Внешне, Саша, у нее все на месте. Ты знаешь мой идеал: жгучая брюнетка с тонким станом. Короче, с нарвидом у нее все о'кей. Боюсь только, все ли в порядке вот здесь, – постучал длинным ногтем по красивому лбу.

– Что такое? – насторожился Лысков.

– Как бы перевоспитывать не начала: комсомольский секретарь, как-никак.

– Знаем мы этих комсомолок, – Лысков подмигнул шельмовато. – Они, Вадик, всему отдаются с энтузиазмом – и воспитанию, и любви. Когда дают, комсомольский значок на грудь прикалывают.

Вадим с интересом разглядывал собеседника. Он был не из тех, кто может нравиться женщинам: лоб низкий, нос небольшой, но мясистый, лицо – скуластое, со следами заживших прыщей. Маленькие медвежьи глазки смотрят внимательно и остро из-под сведенных у переносья бровей. Их взгляд двумя буравчиками вонзался в Вадима, и как он ни старался, не мог выдержать этот всепроникающий взор: Лысков был психиатром, работал в психушке. Вопросы пола, ввиду малопривлекательной внешности, всегда являлись большим местом Лыскова. Поэтому с юных лет он не мог говорить «о дамах» без едкой иронии и цинизма.

– Редкий случай: две симпатичных подруги. Что может их связывать, ума не приложу. – Голень толстой короткой ноги Лыскова покоилась на колене другой, цепочка карманных часов змеилась по отросшему животу. Развалился в кресле, он задумчиво пускал сигаретный дым в потолок. – Хотя ты не любишь пышных блондинок, а Ольга больше тебе подойдет. Деловая деваха! И предки у ней с положением. Тебе, Вадик, двадцать пятый годок пошел. Советую почаще думать про семейный очаг. Мы не графья, не киноартисты, чтобы до сорока лет порхать. Ушами прохлопаешь – в «Веселую горницу» загремишь. Ольга-то знает, что ты комсомолку в кино таскал?

– Не-ет, – руки Вадима заметались по полированному узору столешницы. – Странно мне от тебя это слышать. – Хрустя пальцами, задумался на секунду. (Лысков насмешливо смотрел изпод приспущенных век.) – Вообще-то я уже думал об этом.

– Ага, раскололся! – Лысков радостно оскалится, показав скверные зубы. – Ладно, хоть не стал заливать. – Покровительственно потрепал колено Вадима. – Скромность украшает человека, только украшение это слишком тускло блестит.

Забренчал мелодичный звонок. В прихожую враз ввалились все, кого ожидали. Ольга и Кожин едва не оторвали имениннику уши, Вера вела себя скованно, озиралась с опаской. Вадим ловко помог Ольге расстаться с ее оригинальной упаковкой, Лысков был менее расторопен. Подруги приступили к длительному ритуалу с массажами у трюмо.

– Интересно, а его родители – где? – шепнула подруге Вера.

– Ну чего шушукаетесь? – просунулся в дверь Лысков. – Водка киснет, а вам бы все языки чесать. Заходите, не бойтесь. Я, например, не кусаюсь.

Девы, сконфуженно улыбаясь, двинулись в гостиную. На Ольге был так приглянувшийся всем шелковый комбинезон, отчасти скрывавший некоторую ее полноту; на Вере – темное платье с белым воротничком и жабо, пояс перехватывал ее тонкую талию. Это недорогое платье так ловко сидело на Вере, что ребята не смогли скрыть восхищения.

– Да не трепещите вы! Родичи раньше одиннадцати не придут. – Обнадежил Вадим. – Падайте на диван. Сейчас маг врублю.

Попятился в угол, повернул рукоятку. В комнату ворвался свист и рев бесновавшейся в безудержном экстазе толпы, зазвучали подобные грохоту камнепада ритмы тяжелого рока. Воспаленные глаза цветомузыки удрученно перемигивались над паркетом. Вадим отключил верхний свет и торжественно утопил кнопку торшера. Лысков тем временем разливал водку по рюмкам. Вера, к всеобщей досаде, попросила сухого.

– От всего сердца хочу поздравить старинного друга Вадима с днем рождения, – Лысков, вставая, задрал животом клеенку. Фужеры и рюмки жалобно звякнули. – Хочу в этот радостный день сказать тост в назидание малопьющим. – Скосил быстрые глазки на Веру, кашлянул со значением. – Жили-были орел да

ворон. Слышали эту притчу? Все вы помните, какой у орла был наболевший вопрос: «Почему ты, птица-Ворон, живешь триста лет, а я, царь-Орел, тридцать лет и три года?» Ворон и присоветовал орлу долголетия ради есть мертвечину. Орел попробовал – клюнул раз, клюнул другой и говорит: «Нет, брат Ворон, уж лучше прожить тридцать лет и три года, да хоть раз живой крови напиться, чем три столетия подряд клевать падаль!» Мораль сей притчи такова: уж лучше жить столько, сколько прожил орел, но пить водку, чем прозябать триста лет и не пить ничего!

Застолица рассмеялась. Кавалеры скинули пиджаки и принялись подкладывать девчонкам салаты. Ольга болтала со всеми враз, Вера прятала под стол правую руку, стыдясь изрезанных стружкой, изъеденных эмульсией пальцев. Дивилась на разложенные перед ней десертные ложки, вилки, ножи. После четвертой Лысков захмелел: глаза замаслились, губа отвалилась.

– Вот смотрю я на Веру, – брякнул громко, с усмешкой, – и дивлюсь: ну какой из нее бригадир?!

Заинтригованные гости притихли.

– Как ты работягами командуешь, не пойму, – Лысков подпер подбородок, прикрыл короткими пальцами рот. – Ты на себя посмотри. Каким ты местом на бригадира похожа? (Ольга хихикнула, Вадим удивленно приподнял красивую бровь). Бригадиром должен быть мужик с луженым хайлом или баба с чреслами тяжеловеса. – Отвалился на спинку дивана, следя за произведенным впечатлением. – Помню, как в стройотряде я столовую строил. А рядом с нами вкалывали отделочницы – прожженный бабец. Вот у них была бригадирша! – Молитвенно закатил глаза, сложил на груди короткие руки. – О-о! Медея в ватных штанах. Матом крыла по-пролетарски, не вынимая «беломор» изо рта... Скажи, Вера, тебе это – зачем?

– Саша, у нас ведь не стройка, – одернул Лыскова насупленный Кожин.

– Погоди!.. О чем это я? А! Согласитесь: всем уже надоели эмансипация, распущенность нравов. Женственность – вот что сейчас дефицит. Я это к тому, Вера, что – честь твоим производственным способностям и хвала – но предназначение твое вовсе не в этом. – Потянулся через стол, потрепал Веру за локоть. – Уж ты мне поверь.

Вера вскинула подбородок, упрямо поджала губы.

– А в чем?

Лысков развел руками, заулыбался медово:

– Ну как это – в чем? С твоими-то данными! Институт заканчивай, составляй удачную партию. Живи себе и другим на радость! Работать можно как все нормальные люди – в отделе. А со слесарями собачиться – это, извини, не для тебя. Пускай те пупы рвут, кому карьера нужна. А залог твоей карьеры – внешность твоя.

Вера не сводила с Лыскова расширенных глаз. Ловила его ускользающий исполненный шельмоватой иронии взгляд и не могла понять: смеется ли он над ней или толкует серьезно.

Чтобы рассеять общее замешательство, Кожин метнулся к аппаратуре.

– Танцевать мы будем сегодня? Девочки, давайте сюда! Этого «психа» не переслушаешь.

Лысков обиженно хмыкнул, поплелся с сигаретой на кухню. В танцах он был никудышным партнером.

Танцевать пошли в соседнюю комнату. В юности Вадим хорошо рисовал, охотно посещал художественную школу. Комната была увешана творениями его рук, ящики письменного стола забиты эскизами. В школе поговаривали, что Вадиму прямая дорога в художественный вуз, но ехать в чужой город, мыкаться по общежитиям Вадим не захотел.

Вера с любопытством разглядывала Вадимову келью. В углу стояли магнитофон с усилком, на тумбочке – плюшевый мопс в наушниках и темных очках; висела одна из картин несостоявшегося живописца. Центральное место в ней занимали зеленовато-янтарные, в частоколе роскошных черных ресниц, глаза. Вокруг глаз – как бы в дымке: – птеродактили, динозавры; пляски пещерных людей; персидские цари, их гаремы; средневековые игрища и костры инквизиции; мужчины в смокингах, дамы в корсетах; допотопный аэроплан... Сцены были разбросаны по полотну там и сям и имели явно эротический привкус. Посередине, на фоне распахнутых страстно глазищ, слились в трепещущем поцелуе обнаженные по пояс Он и Она. На бедре одного из них красовалась наклейка «TEXAS» (мушкетер, что примостился пониже, кощунственно пропорол ее своей шпагой). Наискось полотна петлял меж камней ручеек. У горизонта он становился рекой. Река выносила в море хвостатые подвижные существа – плот-

скую основу минувших и будущих поколений. Эти «семечки» бодро бежали к ручью и реке ото всех мелких сюжетов. Налицо была попытка художественного истолкования эволюции и смысла всего живого.

Вера смотрела на аршинные вырезки с цветным изображением участников западных групп, пленительных манекенщиц – и в тайне благодарила судьбу, что никто не заговаривал с ней о Ленноне, «Биттлз», хард-роке: многие «звезды» Запада были для нее темным лесом. Из всей пестроты она узнала лишь «Бони-М» и Высоцкого.

Составив кружок, немного попрыгали вчетвером. На первое танго Вадим пригласил благодарно затрепетавшую Ольгу. Он решил с ней не рвать, покуда не прояснятся отношения с Верой. Ольга была на седьмом небе от счастья и вскоре успокоилась совершенно. Все же на всякий пожарный она решила не отпускать Вадима от себя ни на шаг. После третьего танго Вадим было занервничал, но тут Ольге, наконец, захотелось курить, и она упорхнула на кухню. Вадим перекинулся на «второй фронт».

В полутемной комнате они с Верой остались одни. Вадим обеими руками держал Веру за талию, искоса вглядывался в задумчивую черноту ее глаз. Дальнейшую тактику ему приходилось обдумывать наспех. Спросил с дрожью:

– Хочешь – вопрос на засыпку?

– Задавай, – проговорила она, встряхнув головой.

– Ты веришь в настоящую любовь?

– Попроще ничего не придумал? – запрокинула голову, нашла его взгляд. – Верю, конечно, что она где-то есть. А то откуда такому понятию взяться? Не верится только, что она рядом.

Новую фразу он приготовил заранее.

– Давай встретимся завтра в пять и как следует перетрем эту тему.

Вадим произнес это с веселой иронией, многозначительно подмигнул. Вера весело фыркнула, рассмеялась:

– Хорошо, в пять так в пять. А где?

– У почтамта. Я буду ждать.

Танго кончилось. Вадим опасался ревности Ольги и потому заторопился в гостиную:

– А ну, кончайте дымить! Пельмени стынут. Пить мы будем сегодня, я спрашиваю?!

Глава двенадцатая

«ЗВЕЗДЫ» И ГРЕЗЫ

В фойе нового концертного зала празднично искрился хрусталь многочисленных люстр, зеленели в каменной клумбе плющ и трава, матово поблескивал мрамор. Большинство посетителей видело это впервые. Публика торопливо разоблачалась, спешила наверх – поглазеть на ослепительную красоту. Женщины вертели головами, перешептывались восхищенно. Мужчин оставляла прить у буфетов.

Вадим загодя сумел раздобыть два билета на известный всему Союзу ансамбль. Выбор спутницы на этот концерт он сделал вчера. Сегодня Вадим был тверд и как никогда уверен в себе: ловко помог Вере скинуть пальто, нежно подтолкнул к зеркалам. Приводя в порядок прическу, Вера засмотрелась на отраженье Вадима: римский профиль, полнеющий подбородок, небрежно-уверенный жест. Элегантен и предупредителен как дипломат. Вера швырнула массажку в пакет, ухватила подставленный локоть спутника. Обозревать кулуары времени не было, чуть не бегом направились в зал.

Там было такое же великолепие: мрамор, хрусталь, обитые мягкою тканью кресла. Вадим невольно усмехнулся при мысли, что недостает одного: соответствия внешней архитектуры этой внутренней красоте. Поговаривали, что здание проектировалось по среднеазиатскому варианту. Узкие амбразуруобразные окна глубоко западали в ниши, призванные задерживать солнечный свет. Приземистое, облицованное серым мрамором здание в пасмурные дни выглядело мрачно. При виде нового храма искусств, возведенного на месте разрушенной при Хрущеве белокаменной Троицкой церкви, горожане вспоминали городской ЗАГС с такими же длинными узкими окнами – «чтобы в последний момент не выпрыгивали женихи» – и утешались тем, что для Ярска даже такой зал подобен драгоценной жемчужине.

В проходе Вадим наткнулся на двух старых знакомцев. Последовали слова приветствий, восторженно-ободряющие восклицания. Вера потупила взор. Вадим ощутил было досаду (дойдет до Ольги), но потом мысленно махнул на все как игрок, сделавший последнюю ставку. Погасли хрустальные ожерелья

люстр, открылась сцена. На подмостки выбежала певица. Вера услышала ее голос и, казалось, забыла про все.

Певица – в цилиндре, во фраке (вместо жилета – особого покроя бюстгалтер, галстук-бабочка надет на голую шею), пышноволосяя, круглолицая – бодро вертела тростью, пела о Чарли Чаплине и улыбалась залу черным пламенем глаз. По сторонам от нее стояли два мима: справа – веселый, слева – печальный. Печальный вздернул жидкие бровки, скорбно оттянул углы рта. Веселый стоически клеил улыбку к бескровным губам. Вот он всплеснул рукою – швырнул нечто незримое, сорвав на мгновение с лица печального тоскливую мину. Певица скрылась за кулисами, но лишь на минуту; выбежала уже в другой экипировке: шорты, кроссовки, полосатые гетры с мягкими шариками на шнурках. На спине, по голубому полю футболки, серебряными буквами было вышито – «КАТЯ». В глубине сцены надрывались ударник и гитаристы, а она выделявала ногами такое, что, казалось, – шарики не попевали за ней.

*Ведь у меня в груди
Вечный двигатель,
Вечный двигатель,
Вечный двигатель...*

Мало того – она встала на голову и, вращая ногами как на велосипеде, продолжала петь.

Публика неистовствовала. Мужчины один за другим взбежали на сцену, неся припасенные до второго отделения оранжевые чудеса. Генеральный директор приборо-механического объединения (Вера увидела его в третьем ряду) отбил в восторге ладоши. Певица благодарно подмигнула ему, бросила розу. Вера тоже хлопала, хохотала над проделками мимов. В разгар оваций искоса взглянула на спутника. Вадим вцепился в подлокотники, подался вперед, вперив в певицу лихорадочный взгляд. «Мечтает попасть за кулисы», – промелькнуло в Вериной голове.

Вера была близка к истине, хоть и не думала муссировать эту догадку. Вадиму с ранней юности не давали спать спокойно лавры «звезд» эстрады, спорта, кино. Его преклонение было далеко от наивного восхищения или трогательного коллекционирования портретов знаменитых артистов. Он жутко завидовал «звездам», мечтал о «красивой» жизни и при этом с особой ясностью сознавал, что – как назло! – не имеет никакого таланта.

Его художественные задатки так и остались втуне: Вадим был белоручкой, с непобедимой ленцой. Он не разгружал, как другие, вагонов с помидорами и картошкой, не надрывал пуп в стройотряде: мать почти всегда давала нужные суммы. Отец по горло увяз в работе, строительстве дачи и гаража. Ему было не до Вадима. Закончив вуз, Вадим попробовал себя на работе и разочарованно задремал за однотумбовым колченогим столом. Глядел на преодолевающий бесчисленные «объективные трудности» «гегемон» – усмехался. Ему казалось смешным, что в конце двадцатого века кто-то может еще испытывать уважение к примитивному физическому труду. Вкалывать как проклятый за три сотни? Увольте, не из таких. А за свои сто тридцать пять он и подавно пальцем не шевельнет. Он был непоколебимо уверен, что, к примеру, Паулс, Пугачева, Блохин тоже в душе смеются над работягой, который не только поит их коньяками и кормит икрой, но и засыпает «миллионами алых роз». Но как ему, Вадиму Лоскутникову, обрести материально-духовную независимость? Пробыться в начальники цеха? Их тяжелой доле Вадим ничуть не завидовал. Стать компаньоном перекупщиков, фирмачей? Не решался. Оставалось, как говаривал Саша Лысков, одно – удачно жениться. И Вадим не раз уже стискивал голову, мучительно размышляя об этом.

В перерыве Вадим потащил Веру к буфету, но «затравиться» там было нечем: газировка, соки, нарзан. Вера есть-пить не хотела, Вадим морщась проглотил чашку черного кофе. Когда погас свет, сунулся к уху спутницы:

– Сейчас увидим лучшую группу России. – Накрыл ее пальцы влажной холодной ладонью.

*Теперь другому ты молись
И освещай ему дорогу.
Счастливым путь! И слава Богу:
Дороги наши разошлись.*

Вадима будто морозом продрало. Искося глянул на Веру: вся – внимание, влажно блестит глазами, слушает не дыша. Хрустнул пальцами, унял липкую дрожь. Девка ни бельмеса не поняла. Без царя в голове, даром что бригадир. Но до чего стройна, чертовка! Ему она нужна только как женщина.

Вадим смотрел на эстраду, где волчком крутился солист в костюме диско-стиля: шелковых черных штанах с серебряными

лампасами и рубахе а la «ромалы». Красный шелковый пояс туго перетягивал талию. Бас-гитарист, одетый менее броско, приплясывал, тряся соломенной шевелюрой. Подвижный малый пел хриповато и импульсивно:

*Фортуна каждому из нас
Стучится в дверь хотя бы раз,
Не заставая дома нас
Подчас.*

Вадим опять вздрогнул. Что такое? Поют будто о нем. Уж он-то не проспит прихода Фортуны, распахнет двери настежь: входи!

К потолку из-за нагромождения аппаратуры протянулся зеленый лазерный луч. Пошарил в хрустальной завесе люстр, помигал, пульсируя, и погас. Солист собрал у рта складки, запел с надрывом:

*Приснилось мне, что однажды вдруг
Счастье улыбнулось мне.
Призрачное счастье улыбнулось мне.
Как жаль, что это
Только снилось мне...*

Когда, смешавшись с толпой, они шли на выход, Вадим указал на стройную брюнетку, что уже второй раз карабкалась на подмости с букетом.

– Тоже хочет, чтоб счастье ей улыбнулось. Там ли ищет его?

В толпе разгоралась дискуссия.

– Ударник у них четкий.

– Угу. Только у них и у «Августа».

И все наперебой заспорили об ударнике.

* * *

Бесчисленными искрами рассыпалось под фонарями сияние нового снега. Снежинки мягко лепились на веки и брови, щеко-тали щеки и губы.

Под светящейся голубоватым неоновым светом вывеской ателье Вадим чиркнул колесиком зажигалки. Раздраженно раздул ноздри, шумно выпусти дым.

– От этого гама голова как котел. Аппаратура не отрегулирована, а выставляются как «битлы».

Вера слушала ворчанье Вадима, улыбалась мечтательно и

устало. Этот вечер был для нее как праздник, он ослепил, оглушил. Перед глазами еще стояла осыпаемая цветами артистка, обрывки ритмов несмолкаемо звучали в ушах. А завтра нужно было стирать, готовиться к зачету, исправлять курсовой. В понедельник – работа, где не было праздничных впечатлений, а росла только куча проблем.

Взвыла злая сибирская вьюга, пошаливал крепкий мороз. Северный ветер сек лицо ледяною крупой. Вера зябко поежилась и вздохнула. Вадим остановился, окинул спутницу критическим взглядом. Пальтишко на рыбьем меху, вязаная шапчонка, новые, но явно не зимние сапоги. Увидел зеленый светлячок такси, поднял руку.

– На Гоголя, к «Спартаку», – Вадим объявил это, когда они с Верой уселись.

– Тут всего-то два квартала, – недовольно буркнул таксист.

– Потом меня повезешь, – голос Вадима коверкала злая усмешка. – Давай жми, не то тачку снегом завалит.

«Волга» рванулась, ощупывая вьюжную пелену немигающим светом фар. Вадим обнял Верины плечи.

– Пойдем завтра на лыжах?

– Раньше трех не могу, – почти с испугом проговорила она.

– Договорились, – усмехнулся Вадим. – Ровно в два подгребай к почтамту. Лыжи беру на себя.

Машина свернула во двор, замерла у подъезда. У двери он быстро, будто шутя, поцеловал ее в щеку. Она долго еще возилась с замком на полутемной площадке, улыбалась краешком рта, все еще ощущая холодную властность чужих бестрепетных губ.

Глава тринадцатая

НА ДАЧЕ

По высокому скользкому грейдеру осторожно катил новый лобастый «ЛиАЗ». Вот он вскарабкался на подъем, и взору Веры открылось скопление садовых участков, дачных домиков и гаражей. Низкое зимнее солнце освещало матовое серебро дымов, сугробов и крыш, затянутое сизым туманом. На окрестные поля, на дорогу ложились голубые вечерние тени.

Вадим и Вера расположились на заднем сиденье. Делились впечатлениями о вчерашнем концерте и «звездах» эстрады, толковали о женщине, которая с каждым годом все больше поет о себе... Вере вдруг вспомнился разговор с матерью, что состоялся неделю назад.

В тот день перед киносеансом Вадим явился за Верой. Он был в дорогой новой дубленке, веселый, развязный. Покуда Вера собиралась, он непринужденно беседовал с Клавдией Кузьминичной, «какая это проблема – взрослые дочери», о материнских заботах, разочарованиях и надеждах. Между делом заглядывал в комнаты и, судя по всему, от скромной обстановки квартиры в восторг не пришел. Это подметила мать и наговорила Вере немало нелестного о Вадиме: «Тебе бы, дочка, за версту обходить таких прощелыг, а ты как мотылек сама в огонь лезешь. Про таких «кюппи» вон в «Комсомолке» писали, нужна ты ему, бесприданница». По глубокому убеждению Клавдии Кузьминичны выходило, что Вера Вадиму не пара. Вера «закусила удила», накричала на мать. Два дня они жили как рыбы в аквариуме, с одной лишь заботой – кто кого перемолчит. Клавдия Кузьминична первой сдалась: «Может, дочка, я не понимаю чего, только ты уж будь осмотрительной». Сегодня Вера вспомнила эти слова, и сердце ее сжалось от стыда и тревоги.

Вадима обурежала страсть, которую то и дело заглушал голос сомненья: «Смотри, накинет она хомут, поневоле придется жениться. Поворачивал бы оглобли. Не то поздно будет!» Вадим дал себе зарок: если дело выгорит, не брать никаких обязательств.

От остановки до дачи – метров полтораста, не больше. За дачей – безжизненно-белое поле, окованная льдом старица с обрывистым берегом, который служил лыжникам добрым трамплином. Пока шли, Вадим успевал расписывать Вере преимущества здешней лыжни.

В нижнем этаже было натоплено: Вадим потрудился заранее, протопил как подобает камин. Однако терпимо здесь было лишь в верхней одежде, и Вадим первым делом принялся подкладывать дрова в еще не остывшее жерло. Покуда он растоплял, Вера примерила лыжи. Одна пара оказалась как раз по ноге. Она уже зашнуровала ботинки, предвкушая катанье с горы, когда Вадим застал ее за этим делом.

– Далеко собралась? (Она удивленно взглянула.) Я говорю,

надо Ольгу с Женькой дожидаться. Ольга тоже без лыж, ее экипировать надо. Если уйдем, хату на клюшку запре: по вечерам здесь бичи промышляют.

Вере пришлось снова переобуться: в лыжных ботинках было не очень тепло. Она уселась в кресло-качалку, Вадим поплотнее задраил дверь – «чтоб не задубареть» – и подбросил три последних полена в ненасытный камин. За окном поблек короткий декабрьский день, сумерки все сгущались. Вадим достал из сумки четыре яблока, шоколад и коньяк.

– А картошки здесь нет? – спросила Вера. – Напекли бы печенок.

Вере хотелось есть: весь день она крутилась как белка без маковой росинки во рту. Вадим извлек из подполья несколько красных картофелин и банку с превосходным вишневым компотом. Разгребая угли в камине, досадливо дернул локтем:

– Э, разве эту шатию можно дожидаться? Физкультурники хреновы! – Зубами вытянул коньячную пробку. – Выпьем, добрая подружка, а то недолго и околеть. Дернем с горя по маленькой: все одно лыжи накрылись.

И он налил Вере полкружки.

Вера глотнула зелья, кашлянула, даваясь.

– Они уж теперь не придут...

– Должны, – возразил твердо Вадим. – Женька мне вчера обещал.

– Если даже придут, – продолжала упрячиться Вера, – что мы будем делать-то здесь? Холодно и темно...

Вадим запихнул кассету в свою магнитоу, поворошил догоравшие угли.

– Поучу тебя печь печенки.

– Трудно, нечего сказать.

– А ты не смейся. Тут проколется – раз плюнуть. Один умник взялся меня поучить: накрыл угли с картошкой ведром. Получились паренки. А сперва насмеялся надо мной, неразумный: «Печенки печь? Чего тут мудрить? Плевое дело!» Об это русское бахвальство спотыкаешься без конца. С самого детства.

– Это как? – процедила насмешливо Вера.

– А так! – Вадим отшвырнул кочергу. – Знаешь сказку про Емелюшку-дурака? В ней старшие братья умные, младший – полудебил. Младшему – все, старшим – фига с маком. «Езжайте,

сани, до леса сами!» Мечта филона. В русском мужике лень с рожденья сидит. Почему у нас все от цыган без ума? Воля! Нам бы тоже – петь, плясать, бичевать. Жить как они: не сеять, не жать...

– Есть такие, – Вера качнулась в кресле, – хоть и не так уж много. А насчет сказок... Садко за моря, на самое дно морское за счастьем ходил. Не ждал у моря погоды – добывал его, счастье.

Болезненно-самолюбивый Вадим в споре был неуступчив. В другом месте он принялся бы доказывать свою правоту, но здесь, на даче, помышлял о другом. Поднял свой стакан, ухмыльнулся:

– Убедила наполовину. Один твой приличный глоток – и я поверю, что сачков у нас меньшинство.

Вера улыбнулась, отхлебнула из кружки.

Вадим тайком взглянул на часы и – решил.

– Потанцуем? – крепко сжал ей запястье.

Вера положила недоеденное яблоко, поднялась. Он грубо прижал ее, задышал часто. Она отстранилась:

– А не пора ли домой?

– Не надо ля-ля! – раздул хищно ноздри. – Время детское.

У Веры задрожали колени. Она, наконец, поняла, что эту поездку Вадим продумал заранее и что больше сюда никто не придет. Коньяк ударил ей в ноги, мысли смешались. Столкнулась с остановившимся взглядом Вадима, попятилась в страхе. Он стиснул в объятиях легкое тело, всосал ее губы большим жадным ртом. Холодные влажные его руки проворно скользили по Вере, будто норвя ее обыскать. Коротко взвизгнула «молния» мастерки. Изнемогая, Вера скрестила руки, спросила как в полусне:

– Ты так ничего мне не скажешь?

Вадим – целуя ей шею:

– Ты мне очень нравишься. Вот и все.

Он попытался развести ее руки. Она уперлась ему в плечи, напряглась как струна. Сопrotивление озадачило Вадима; Вера проскользнула мимо него. Он оторопело уставился в темноту.

– Ты чего?

– Нравиться... могут и домашние туфли, – голос ее задрожал гневно, сорвался. – Вот и все.

Вадим не мог считать себя искусным обольстителем, но кое-какой опыт в этом деле он уже приобрел. Он бросился к Вере, стремясь теперь завладеть хотя бы ее рукой. А там – обволакивающе-ласковый шепот, шуршащий поток незначащих фраз и –

вот они: кровь, пот и слезы! Казалось, еще не поздно исправить оплошность, но Вера уже натянула куртку, обмоталась шарфом. Вадим впал в отчаяние и – сорвался:

– А тебе, значит, любовь подавай? Дура! Ты что хотела? Чтобы навесил лапши: дескать, люблю и жить не могу... Так, выходит, легче отдаться. Дуры бабы, дуры. И ты такая...

Луна алмазно высвечивала легкие серебристые облака, и эту радужную кайму наискось перечеркивал след реактивного самолета.

К остановке Вера бежала не разбирая дороги: в двух местах провалилась в сугроб, черпанула в валенки снег. В автобусе слепо растолкала людей, протиснулась в угол. Слезы душили, глущим туманом стояли в глазах. Вера сжимала виски и глаза, не видя, как мириадами искр рассыпались за обледенелым стеклом желтые огни фонарей.

Глава четырнадцатая

РИММА И БАБА АНЯ

В старших классах, а затем а ПТУ Вера охотно смотрела фильмы о производстве: как в просторных, отделанных драгоценным деревом кабинетах решались большие проблемы; как молодой энергичный директор одним махом разрубал все тугие узлы, без колебаний брал ответственность на себя; как побеждало передовое и отступала косность; как по уши влюблялись в сильные личности обаятельные инженерши, поражавшие изяществом манер и разнообразием туалетов. Вера внимала словам актеров, верила и умилялась.

Завод многотонным прессом шарахнул по радужной вязи Вериных грез. В цехах на самых видных местах алели плакаты: «План – закон...» И жизнь бригады, цеха, завода подчинялась этому закону изо дня в день, с первого по тридцать первое, а если надо – и по «тридцать второе» число. Все, кто окружал Веру, исправно делали свое нелегкое дело, но не было среди них ни беззаветных борцов с косностью и рутинной, ни влюбленных в неотразимых энтузиастов журналисток и инженерш, а начальник цеха Козякин, вымученно улыбающийся всякий раз, когда

склонял народ к сверхурочной работе, не вдушал Вере ничего, кроме жалости. Интерьер цехов и кабинетов тоже мало походил на киношный. Когда Вере случалось зайти в сооруженные стараниями заводского ОКСа бытовки, она невольно дивилась, сколь несуразна их планировка, какие низкие потолки. Где-то здесь, на третьем этаже, томился в техбюро инструментального цеха Вадим.

С утра у Веры все валилось из рук. Ругала себя: «Покорчила недотрогу, выступила, как прокурор. Называется – любишь. Нужна сейчас кому-то она, такая любовь. Как восьмиклассница в позу встала: оскорбили, мол, в лучших чувствах. Будто на даче, когда теплая девка под боком, кто-то говорит о любви! Вот бы поверила, если б и вправду заговорил! Все. Хватит. Скажу: ты тоже мне нравишься. А там будь что будет». Вера уже представляла себе, как вызовет Вадима в коридор, заговорит – как это делала Ольга – с тонкой усмешкой, загадочно щуря глаза. Представила реакцию Вадима, сама усмехнулась.

Ночью ей снился сон, тяжелый и липкий, как кандалная цепь.

Влекомая смутной тревогой, она взбегает на третий этаж, толкает знакомую дверь. Квартира Вадима полна народу. В углу гостиной толпятся молчаливые люди. Вера идет туда, раздвигает стену из спин. Детская кроватка-качалка. Завернутый в одеяло ребенок, похожий на сводную сестру Юльку. Подле, на стуле – Вадим. Появляется импозантная Ольга – в великолепной замшевой тройке, с сухим непреклонным блеском в глазах. «Его ребенок, – тычет пальцем в Вадима. – А вот и мамаша!» Вера видит женщину у окна: полновесные бедра, простое платье в горошек, на затылке – перехваченный черной резинкою «хвост». Вера в недоумении: «Что он в ней нашел?» Вадим стеснительно улыбается, сидит какой-то весь мягкий. «Она короледа на Вадима спихнула, – Ольга хватается Веру за локоть. – Самому придется сына воспитывать». Вера медленно склоняется над кроваткой. Ребенок вдруг морщится, чернеет. Шевелит полуприкрытыми веками. «Кому ты нужен с ребенком?» – гневается Ольга. Из-за колышущихся спин и голов просовывается негодующий Пашка, трясет обрюзгшим лицом: «А парень-то – твой, твой!» «Твой, твой!» – вторят орущие рты. Вера силится крикнуть – крик застревает в горле. Бежит вон из комнаты – и не находит выхода. Перед нею уже не прихожая, а коридор заводских бытовок с

многочисленными дверьми кабинетов. Здесь, в полутьме, сидят друг против друга Козякин и Достовалов. Они увлечены игрой в шашки. Вера хочет пробежать мимо. Достовалов вдруг загораживает дорогу, пытается схватить ее руку...

Сбросив тяжесть этого сна, Вера не сразу уняла дрожь. Подошла утром к трюмо – и не узнала себя: лицо осунулось, под глазами круги. Будто кто-то шепнул: какая тебе жизнь без Вадима? Отбрось гордыню, щепетильность – к чертям! Сама рви этот плод!

У приоткрытой двери техбюро решимость оставила Веру; она попятилась, раздумывая – не лучше ли использовать телефон. В кабинете свистел, закипая, чайник, раздавался визгливый смех. Смеялась Людмила – вертлявая, с пышным бюстом нормировщица, приятельница Ольги Лисовской. Людмилку отличали поразительная разговорчивость и смелость суждений. К концу третьего года своей карьеры в цеховом бюро труда и зарплаты она уже прочно закрепилась в достославном разряде конторских, которые непоколебимо уверены в том, что им удалось познать производство лучше любого рабочего, лучше всех мастеров. Излюбленная тема Людмилки – обсуждение физических и деловых достоинств мужчин. В рабочее время она могла развивать эту тему часами.

– Принес Вадик календарь с портретом женщины своей мечты, – звучал ржавый голос Людмилки. – Что вы думаете? Долго-вязая, безгрудая. Как селедка.

– Ну, для таких, как ты, пятый размер – эталон, – Вадим вломился в амбицию. – А у меня, может, французские мерки.

Людмилку уязвляла холодность Вадима. Она имела на него виды, но не могла добиться знаков внимания.

– Гляди-ка, новый Ален Делон. Твои запросы только Славе Зайцеву по плечу. Но тебе им не стать, нет. Тут хватка нужна. А ты борешься: до обеда с голодом, после обеда – со сном.

Людмилку попыталась урезонить начальник техбюро Курдина – сорокапятилетняя женщина, обремененная грузом производственных и житейских забот. Вадим пользовался безраздельным ее покровительством, так как был единственным молодым мужчиной в коллективе бюро.

– Ты, Люда, встала не с той ноги, – Курдина говорила с оттенком рассеянности, как бы нехотя подбирая слова. – Говоришь о

каких-то странных вещах. Зачем ему быть модельером или артистом? За Вадика любая артистка пойдет. Парень он весь из себя.

– Разве что здесь ему повезет, - уже без былого азарта согласилась Людмила. – Пусть не артистку, а девочку с приданым еще умыкнет. Тебе, Вадик, сколько нужно для полного счастья?

– В идеале – тыщ сто, – важно ответил Вадим.

– А ты обоснуй.

– Ну как тебе... – Вадим прикидывал. – Квартиру приличную в центре Москвы можно купить за пятьдесят. Десять – обстановка, пять – тряпки. Остальные в дело вложить. С таким куском я бы устроился референтом, папку за начальством таскал!..

Кто-то пыхтя поднимался по лестнице. Вера шарахнулась от двери: «Зайду с обеда. Нет, лучше уж позвонить». Спустилась этажом ниже, в раздумье замерла у окна.

Утреннее солнце играло в закопченном стекле цеховых фонарей. Наползая на розоватую полоску зари, над городом нависали низкие свинцовые тучи. Чадили многочисленные трубы окрестных заводов; сизый дым стлался над горизонтом и казалось – огромная туча, заслонившая багрянец зари, целиком состояла из дыма.

* * *

Римма Колотыгина не раз вспоминала, как некогда ей и другим первоклашкам сказала молодая учительница: «Мое поколение этого не увидит, но вы, ребята, будете жить при коммунизме».

Вера была на шесть лет младше Риммы, и от своих педагогов подобных слов не слыхала. Но родители и их знакомые, бывало, заводили разговор «за светлое будущее»: в народе еще жила большая мечта. «Как же иначе? – рассуждали они. – А для чего такие жертвы положены? Пускай детишки наши в радости поживут!» Вера слушала, не дыша, и своими детскими мозгами силилась представить это самое «каждому – по потребностям». Перед ее внутренним взором вставало не материальное изобилие, как бы мало доступное пониманию, а какие-то необыкновенно светлые люди, которым, по воле доброй судьбы, назначено будет увидеть воплощение извечной мечты. И многие сверстники Веры жили с ощущением, что всё вокруг должно хорошеть день ото дня, а они, дети Советской страны, будут счастливыми сви-

детелями этого процветания и уж точно никогда не умрут.

Не удивительно, что в своей детской жизни Вера искала людей прекрасного будущего. Ведь для того, чтобы жить в светлом завтра, им надлежало родиться сегодня! Она оценивающе наблюдала за одноклассниками и старшими ребятами, водителями и учителями, родителями и их друзьями. Ей импонировали решительность суждений и благородство поступков и вызывало брезгливость присущее многим «кабы чего не вышло»... Юношеский максимализм не единожды сыграл с нею дурную шутку.

Вере вспомнились слова Ольги: «Исповедуешь принципы, над которыми давно уже все нормальные люди смеются. Ты радио «Свобода» послушай! Там Сева Новгородцев, наш землячок, доходчиво объясняет: мы перед Западом – дикари». «Ах, какие там машины, магазины, квартиры! – захлеб вещала одна из приятельниц Ольги, побывавшая «за бугром». – А люди какие! Культурные все, улыбаются. Не то, что наши – матершинники, грубияны!» «Что она так расхваливает чужую страну? – с горьким удивлением думала Вера. – А своя что же – такая-сякая?» Жизнь, однако, являла множество ситуаций, когда подмывалась уверенность Веры в обратном. Усмехнулась: как бы ей, члену комитета комсомола завода, следовало отнестись к увлеченной фарцой, жаждавшей выгодных знакомств и связей подруге, живи они лет тридцать назад? (Вздыхнула.) Тогда все было просто: чужие – свои, хороший – плохой. В то время вряд ли могли считаться «своими» Лысков и Вадим, но разве они наверняка были бы такими в то время? Сейчас нельзя о человеке судить по словам и не всегда легко его проверить делами. Вера как-то случайно услышала разговор двух мамаш, которым «до фонаря» стали уплата взносов и все комсомольские поручения:

– Идейная пигалица.

– Кто, Верка? Ничё-ё. Замуж вот выйдет, родит. Понянится с оглоедом, вылетит дурь-то из головы.

Как это трудно – верно судить о людях, ощущать себя правой!

Еще труднее было составить мнение о Вадиме. Хотелось верить, что близкое и понятное ей он говорит правдиво и искренне, а все мелочное и циничное в нем – напускное.

Спустившись в цех, Вера окунулась в шум десятков станков. Шла по проходу, не слыша грохота металла и рева машин: в голове крепко засели последние фразы Вадима. Сто тысяч. Что

это? Шутка, невинная болтовня? Или предел мечтаний? Ответа Вера не знала.

Навстречу попался раздосадованный Достовалов: на щеках багровые пятна, губы дрожат. «Опять полаялся с кем-то», – смекнула Вера.

– Куда тебя черти носили?! Уж полчаса жду.

– Не надо! На десять минут отошла... Что стряслось?

– Что, что! Колотыгина браку опять напала!.. – Достовалов дернулся, выцедил сквозь зубы кое-что непечатное и обессилено опустился на стул. – Запорола чуть не тысячу штук, к-кулема.

– Какой бряк?

– Окончательный, по высотомеру.

Он произнес это чуть не плача, с надрывом. Моргал обиженно воспаленными веками.

Вера чувствовала, как в ней закипает злость. С Риммой в последние дни творилось неладное. Она уже не смеялась, не шутила как прежде, лишь угрюмо молчала все дни. Расспросы не помогали: Римма сторонилась подруг. Мало того, она перестала давать норму и с равнодушной покорностью подписывала все акты о браке. В четверг из трех ее сборок отошло в брак без малого двести деталей. Сегодня Римма стояла на вырезке, где брака практически не бывало, но то, что она «напала» в пятницу, стало известно бригаде только сейчас.

Немигающий взгляд зеленых глаз Риммы обращен был туда, где дребезжала, перебрасываясь, инструментальная головка, ползли по лотку детали, лилось струей янтарное масло. Придавленная усталым бездумьем, она так и не повернула головы, хотя бригадир подошла к ней вплотную. Вера помолчала минуту, покачиваясь с каблуков на носки. Заговорила язвительно, с хрипотцой:

– Ну что, мать, с рекордом? Спешу поздравить тебя. Тыщу ты в пятницу запорола, вот радость-то. Прессу не ждешь? Вот-вот сбегутся, физиономию сфотают, в книгу Гиннеса занесут.

Римма не шелохнулась. Вера взяла коробку с измерительными калибрами. Так и есть: калибр на «высотку» – с двадцать третьего изделия, давно снятого с производства. Веру окатило холодное бешенство.

– Мерило довоенное откопала. Километровые допуска, к тому же в минус... Ты что, уши не моешь? Ну-ну. – Отвернулась.

Пнула бесхозную сборку. И – довесила: - Тебе не детали делать, а только коров пасти! Оттого и твой Пашка закладывает, что ты спишь на ходу.

Грязная короткопалая ладонь Риммы судорожно стиснула горсть деталей. Ловила воздух большим черным ртом:

– Паш-шла ты!.. Соплюха, мелочь с бантиком, а тоже... Уйди, а то я ведь могу!..

Глаза ее блестели озерами невыплаканных еще слез. Вера опешила; протянула задрожавшую руку;

– Риммочка!

– Уйди!..

Голос ее сорвался, плечи вздрогнули; она отвернулась.

– Вера Васильевна!

Вера обернулась. В проходе возвышалась самоуверенная фигура начальника втулочного производства объединения Сапожкова.

Сапожков – дебелий мужчина с пористым мясистым лицом, крючковатым носом и выкаченными стальными глазами, которые в минуты гнева становились для многих страшны. Приверженность авторитарному стилю работы как нельзя лучше соответствовала устрашающей внешности начальника производства. Руководству цеха и контрольным мастерам доставалось от него почти каждый день; со сменными мастерами и бригадирами Сапожков по понятным причинам был более демократичен. Особенно Сапожкову нравилось «мыть» Козякина: он был счастлив, что ему подчинен человек, годившийся многим в отцы. Бранил Сапожков Козякина и прилюдно, мало заботясь о смягчении лексики. В других цехах он тоже не корчил из себя джентльмена. Высшие сферы не имели оснований для недовольства начальником втулочного производства: Сапожков беспрекословно повиновался вышестоящим и, главное, тянул план. Коекому нравилось, что на первой площадке объединения есть верный Полкан, страшный для тех, кто «мало работал, зато много любил рассуждать». Поэтому Сапожков был спокоен за свое руководящее кресло. Как-то на одной из планерок разобиженный Достовалов в отчаянии простонал: «И когда только этого жупела уберут?» – «Не раньше, чем обновится состав клуба «Что? Где? Когда?» – ответил с усмешкой Соломин. Рабочие промеж себя величали Сапожкова Бармалеем и Сапогом. Когда

Пашка Колотыгин придумал ему очередную «кликуху» – Полтора Рыла – все долго смеялись.

Сапожков поманил Веру перстом; сам же не двинулся с места, с неудовольствием озираясь.

– Сколько деталей в потоке? – голос его был рокочущий, низкий; дикция явно хромала.

– Тыщ семь, – глаза Веры смотрели мимо Сапожкова.

Сапожков сунул руки в карманы дубленки, собрал складки на грозном челе.

– Мало.

Вера молчала. Сапожков помялся и уже без прежней уверенности объявил:

– В автоматном детали есть.

Вера насупилась. Опять прозрачный намек: бери телегу, ступай в соседний цех. Рви детали у автоматчиков из-под рук. Мастера впрягаются: Сапожкова дюже боятся. Да и рабочие на них жмут: без дела сидим! Бывало, в спешке хватали и брак. Не далее как на прошлой неделе Вера поклялась принародно, что в автоматный она ни ногой.

– Подвезут – будем делать.

Вера задиристо вскинула подбородок. Сапожков сверляще уставился ей в переносье, недобро сопел. Вера заложила руки за спину; не опуская глаз, покачивалась с каблуков на носки. Долго молчали.

– Где Достовалов? – вопрос хлестнул по ушам подобно щелчку бича.

Вера – как бы со скукой:

– Кто его знает.

Начальник производства набычился, круто повернул к громоздившимся невдалеке агрегатным станкам. В такие минуты Сапожкову ничего не стоило растерзать всякого маленького руководителя, который подвернется ему на пути.

* * *

В углу цеха, за вязью желтой железной решетки, тянулись рядами столы бюро технического контроля. У постороннего здесь рябило в глазах от белых чепцов и халатов, проворного мелькания рук.

В первые дни Вера поражалась численности контролеров: их

было более сорока человек. Вскоре она поняла, что это не так уж много, что контролеров уже не хватает, что им, как и станочникам, нередко приходится работать сверхурочно, по выходным. В цехе частенько вспоминали, как создавался вороновский коллектив, но мало кому врезалось в память, что уже давно в бюро техконтроля существует бригада девчат-комсомолок. Верина бригада разрасталась и крепла, контролерский коллектив постепенно хирел. Вскоре от него осталось лишь пять человек. И в целом по ОТК наблюдался фатальный отток кадров. «Вымрут яко мамонты, дайте срок, – злорадствовал Кожин. – У них половина в переходном возрасте – с этого света на пенсию. А молодежь туда на сто рублей не пойдет!»

Вера тоже считала, что контролер – вымирающая специальность. Если цех, порой не без раскочки, все же перевооружался, запускал прогрессивную оснастку, станки, то за выкрашенной желтой краской решеткой продолжали работать вручную: крутили увесистые пробки и кольца, стучали ими по латунным болванкам, проверяя резьбу. В инструментальной кладовой годами пылились приборы механизированного контроля, настраивать их никто не хотел. Большинство производственников недолюбливало заказчиков и ОТК, а кое-кто в открытую величал эти отделы тормозом, гирей на ногах производства. Заказчиков обвиняли в отсутствии инженерной гибкости, ругали за придирки «по пустякам». Старший мастер Достовалов не раз смаковал эпизод, когда он совместно с руководством автоматного цеха поднял чертежи одной втулки в сборе. Между торцом запрессованной втулки и крышкой корпуса оказался чуть не дюймовый зазор, а заказчики и контролеры требовали укладываться в микронные допуски по длине.

После объяснения с Сапожковым Вера встала на фрезеровку – за массивный трехпозиционный станок, рядом с которым она казалась маленькой, хрупкой. Здесь не раз хоронился упитанный Достовалов, когда ему случалось засечь издаля роскошную ондатровую шапку начальника втулочного производства. Вера проворно вставляла детали в отверстия банок. Банки шли по кругу – от зоны резания в зону загрузки. Фрезы оставляли на торцах деталей пазы. В желтом свете ламп щитки, кожух и банки масляно блестели от охлаждающей жидкости. Станок работал без лязга и скрежета, но с важно-басистым гудением. Казалось,

этот пузатый стальной великан понимает все значение выполняемой им операции и потому так солидно гудит. Это монотонное движение таило в себе опасность. Утомленный человек утрачивал бдительность, от бесконечного мелькания слипались глаза. А зевать здесь было нельзя: не раз пальцы работниц затягивало между банкой и кожухом – «сдирало шкурку», – как цинично говаривали наладчики и мастера.

На участке двадцать шестого изделия всем был ведом непреложный закон: сколько деталей прошло по фрезеровке, столько и будет сдано. Фрезеровка венчала длительный трудоемкий процесс, здесь была завершающая станочная операция. Производительность станков была невелика – несколько тысяч за смену. Поэтому сюда ставили лучших работниц. Ломался фрезер – для слесарей и наладчиков начинался аврал. Бывало, и замначальника цеха Соломин надевал рабочий халат, ковырялся в распотрошенной утробе машины.

Нужно было повысить производительность фрезеровки. В цехе это хорошо понимали. Пытались изменить режимы, применить другой инструмент – все без толку. С полгода конструкторско-технологическое бюро колдовало нал «механической рукой». Идея «руки»: робот схватом подает детали на обработку и снимает готовую продукцию со станка. День, когда новинку начали приживлять, был счастливым для Козякина и Достовалова. Женщины наперебой толковали о достоинствах умной «руки». Теперь, по замыслу инженеров, одна работница могла обслуживать два станка – с манипулятором и без такового: роботизированное рабочее место требовало от нее лишь загрузки деталей в бункер. Но на деле «рука» то подавала деталь мимо отверстия в банке, то не могла ее снять. Долго мучились с наладкой, да так и плюнули на это кислое дело. К станку с манипулятором опять поставили человека, и человек стал помогать «руке». Стало ясно, в чем заключался порок мертворожденной идеи: деталь и «рука» не были сориентированы как должно. «Сюда надо две «руки», – предложила разработчикам Вера, – одну для загрузки, а другую для съема».

Вера глянула на настенные цеховые часы, спохватилась. Ветшью наскоро обтерла руки, заторопилась на контрольный участок.

На тумбочке инспектора Анны Ивановны Клоповой высилась

гора забракованных сборок. Вера хмуро перебирала всунутые внутрь деталей записки с указанием видов брака. «Зарез на дульце» – эти каракули Клоповой попались на глаза раз пять или шесть. Вера скомкала злополучные бумажки, впилась ногтями в дерматиновую обивку стола.

Анна Ивановна, или попросту баба Аня, пришла на завод шестнадцатилетней девчонкой в самом конце войны. Она имела высший, шестой разряд и последние двадцать лет сидела на нержавейке – наиболее сложных деталях площадки. Нержавейку знала досконально, имела чутье на брак. Но вот детали передали другому заводу, и баба Аня вдруг оказалась не при делах. Ее начали бросать с изделия на изделие – пожаловалась непосредственному начальству. Начальник бюро Семенцова знала бабу Аню с послевоенных времен. Она утешила разобиженного ветерана, направила на двадцать шестое изделие. На новом месте Клопова взяла быка за рога: не зная технологического процесса, браковала все, что казалось ей подозрительным по наружному виду. Доказать ей что-либо было делом нелегким: выучка военных лет сделала ее несговорчивой и «упертой». Авторитетов кроме бесконечно почитаемой Семенцовой Анна Ивановна не признавала.

Поначалу Вера думала обойтись без скандала. Разложила на столе забракованные детали, проговорила с мягкой усмешкой:

– Анна Ивановна, а ведь это не брак.

Баба Аня косо взглянула поверх очков.

– Значит, годные? – спросила с потаенной насмешкой. – Тогда сдавай. Только я за них расписываться не собираюсь.

Вера холодно – сверху вниз – взирала на своенравного контролера. Черные, с густой проседью волосы зачесаны аккуратно назад, уложены тугим узлом на затылке. Низкий упрямый лоб пересекают две глубоких морщины. Вспомнились горькие слова Достовалова: «Хоть из Семенцовой и бабы Ани песок уж посыпался, а крови они еще попьют будь здоров».

– Бракуете дульце, а там только четвертый класс обработки, – без всякой живости в голосе, будто вдалбливая в темя бабы Ани давно известную истину, проговорила Вера. – Семенцова на той неделе разрешила пропускать такие детали. Помните, еще были шесть сборок с радиусом?

– Радиуса помню, – согласилась баба Аня. – А насчет дульца

не сочиняй. Семенцова только одну партию велела мне пропустить. А тут вон какой здоровый зарез. – Приосанилась, плотно поджала губы. – Не знаю.

Вера схватила деталь, ткнула бабе Ане в очки.

– Причем зарез? Здесь четвертый класс обработки!..

– Что ты мне – «класс, класс»! Ты сама еще – класс. Без класса я вижу: брак. – Отодвинула локтем детали. – Семенцова велит принять – пропущу. Ей иди про класс объясни.

У Веры перехватило горло от сознания собственного бессилия, от обиды. До конца смены оставалось без малого час. Семенцова была в отгуле, мастера – на «дне качества». Почти пять тысяч деталей не пройдут по нарядам, простоят до утра. Вера уже жалела, что поблизости нет Сапожкова, этого непревзойденного усмирителя ОТК. Наконец, пришли мастера. Достовалов издали почуял неладное. Косясь на всклоченную Веру и груду отклоненных контролем деталей, клеил дежурную улыбку к толстым губам:

– Опять баба Аня с нашей Верой воюет. Чего не поделили?

Вера раздула ноздри, заговорила с издевкой.

– Что делим? А как на базаре: один продает, другой торгуется. – Повернулась к контролеру спиной. – За техпроцессом, Анатолий Николаевич, не бегай, не стоит. Баба Аня с пятью классами сама себе класс. Классно в нашем изделии волокет! Обезьяну сюда посади – и то быстрее б дошло.

Молодые девчонки-контролеры прыснули в горсть. Старший мастер склонился над деталями, Вера пошла на участок. Анна Ивановна тяжело поднялась, протиснула между тумбочек тучное тело. Никто не заметил, как тряслись ее руки, как задрожало лицо.

Глава пятнадцатая

АНДРОНОВ

Евгений Романович Андронов был самым молодым цеховым парторгом объединения: недавно ему исполнилось двадцать восемь. В цехе работал три года, но с перерывом: призывался в армию из запаса. В конце двухлетнего срока службы довелось ему пройти и через Афганистан. После службы Андронов возгла-

вил производственно-диспетчерское бюро цеха; секретарем партбюро был избран с полгода назад.

Андронов вставил сигарету в мундштук, прихрамывая, подошел к форточке. Пораненная душманским осколком нога болела к перемене погоды. Осколки поменьше побывали в бедре и плече. Андронов недолго пробыл в Афганистане и участвовал в одном крупном бою.

...Холодным осенним утром передовая мотострелковая рота выбила «духов» из маленького кишлака, что лепился на дне узкой долины. К полудню по склонам гор замелькали чалмы и халаты «борцов за веру». Советская рота и небольшое афганское регулярное подразделение были обложены в кишлаке крупной бандой. Тотчас захлопали гранатометы, ловили цель в перекрестья прицелов душманские снайперы. Одним из первых ранило замполита. Минуту спустя мина влетела во дворик, где находился НП командира. Убило трех человек. Вскоре замкомвзвода старший сержант Сухих загнал на разрушенный дувал БМП, тем самым увеличив угол наведения, и двумя выстрелами из пушки размазал по скале расчет душманского миномета. Командование ротой принял старший лейтенант Андронов. Наглотавшись гашиша, «духи» пошли в атаку... Маленький гарнизон держался около суток, покуда в кишлак не прорвались основные силы батальона. В госпиталях закончилась для Андропова служба. В праздник Победы он надевал светло-серый пиджак с орденом Красной Звезды, и ветераны Великой войны не раз подходили с вопросом: «За что Звездочка у тебя, сынок?» Андронов говорил название афганского кишлака, а фронтовики просили рассказать, как было дело.

Вера неслышно прикрыла дверь; прошла к столу, села на краешек стула.

Здесь, в общественной комнате, проходили заседания бюро ВЛКСМ, а нередко и партбюро, слушалось не одно персональное дело. На стене был портрет Ленина, на столе под стеклом – фотография Че Гевары. В шкафу стояли тома собрания сочинений вождя, другая политическая литература. Электронные часы Андропова подмигивали с тумбочки зеленым глазком.

Стул заскрипел. Андронов затушил сигарету, отошел от окна. Усаживаясь, пробормотал виновато:

– Извини, я тут надымил.

– Ничего, – поспешно заверила Вера, – я люблю дым.

Цепкий взгляд близко поставленных глаз Андронова тут же уперся в Веру, брови поползли вверх.

– И ты – куришь?!

– Да нет! Просто когда вы курите, я вспоминаю отца. Он тоже курил из мундштука и вот так – двумя пальцами – держал сигарету.

Из уважения к Андронову Вере пришлось слюкавить. Дым она терпеть не могла.

Андронов улыбнулся одними глазами. Взял было сигареты, но будто ожегся – швырнул полупустую пачку в ящик стола. Поднялся, худой и нескладный, взъерошил мягкие волосы. На месте он долго не мог усидеть, начинал ходить, когда волновался. Вера поняла, что приглашена не для задушевной беседы.

– Хочу, Вера, поговорить с тобой о бригаде, – Андронов уселся напротив; пожелтевшие от никотина пальцы его сплелись. – Год подходит к концу, а у вас будто второе дыхание открылось. От своих главных соперниц оторвались. По заводу в числе самых лучших. Меня интересует, какие в бригаде проблемы, чем могло бы вам помочь партбюро. Чтоб не получилось осечки на финише. Давай, выкладывай.

У Веры отлегло от сердца: вызвал вроде бы не для взбучки. Откинулась к спинке стула, стянула надоевший чепец.

– С деталями сейчас вроде получше. – Спыхватилась: – Но автоматчиков надо держать за горло, держать! Фрезеровка того и гляди под монастырь подведет. Один фрезер у нас в капиталке. Надо поторопить, потому что два станка и так уж на ладан дышат. Встанут они – как пить дать погорим.

Она замолчала. Андронов вопросительно смотрел ей в глаза. Жидкая бахрома белесых ресниц, небольшой острый нос не придавали облику секретаря холодной внушительности. Но взгляд небольших серых глаз был тверд и колюч. Склонил голову набок – складки на лбу шевельнулись.

– Все? – спросил металлически и как-то недобро.

– Не, не все, – сердито отрезала Вера. – Но это главное на сегодня. Хотя бы эти вопросы решить.

– Главное, говоришь, – Андронов снова не смог усидеть. – А люди?!

Вера в немом удивлении распахнула глаза.

– Что – люди?

– Вот Римма – к примеру – хочет уволиться без отработки. Ты знаешь об этом?

– Не-ет, – растерянно прошелестела Вера.

Андронов хорошо понимал, какой вред наносят общему делу злые вспышки, капризное упрямство руководителей разного ранга. С парторга – особый спрос. Андронов старался избавиться от привычки выяснять отношения на высоких тонах; на импульсивные выходы Козякина и прочих холериков отвечал едкой иронией. Это имело успех. Но на орденоносном, внешне благополучном заводе бытовало немало явлений, которые мало было просто осмеивать, пусть даже с без промаха бьющим сарказмом. Когда Андронов видел преступное футболичество, чванливое нежелание внять дельному человеку, он забывал о чинах. В отличие от основной массы номенклатурных идеологов, Андронов не пренебрегал изучением работ Маркса, Ленина, Сталина, умел использовать труды классиков «когда надо» – он был весьма честолюбив. Ершистость уже сослужила Андронову недобрую службу: на него имел зуб генеральный директор. Кое-кто, спасая карьеру, сделался сух и холоден с ним. Сам же Евгений Романович был как будто мало озабочен возможной опалой.

Справляясь с нахлынувшим раздражением, секретарь молчала подбородок. Спросил без нажима, нарочито негромко:

– Так что стряслось? Чем Римму ты оскорбила?

– Привет! Я – оскорбила?! – Вера будто в ознобе повела худыми плечами.

– Тогда из-за чего весь сыр-бор? – Андронов был все так же бесстрастен.

– Браку напала.

– А почему напала? – стал насесть секретарь.

– Спит за станком.

– Ерунда, – голос Андропова опять зазвенел. – Совсем не поэтому.

– А почему, хотелось бы знать?! – ошетинулась Вера.

– Вот это, – Андронов сделал на последнем слове сильный акцент, – тебе самой знать не мешает. Как бригадиру. А то, гляжу, фрезера жизнь людей совсем заслонили... Набросились всей бригадой: брак, брак! А почему и что у нее на душе – никому дела нет. – Андронов вымахнул из-за стола, принялся мерить

шагами пространство. – А как не захотела она виниться перед тобой – бац по больному месту!

– Да что я такого сделала?! – в отчаянии крикнула Вера.

– С Пашкой она на грани развода. Он, паразит, где-то в общежитии милку нашел, две ночи дома не ночевал. А ты ей – про Пашку. Римма к начальнику цеха пошла, про тебя наговорила такого... Думать надо сперва, а потом уже взрослых мамок воспитывать. Ты же руководитель, слова твои особый вес имеют. Или не замечала?

Да, ее не раз обескураживала настороженная недоверчивость подруг-станочниц, то особое значение, которое придавалось порой словам бригадира. На участке поговаривали и о болезненном ее честолюбии, и о должности мастера, которую она якобы готова занять, и о том, что в партию вступила только ради карьеры. Женский коллектив подобен сложному, не всем понятному механизму, в котором того и гляди закапризничает то или иное звено, а порой вся система начинает работать в разнос. Просчитать и вычислить причины и результаты конфликтов невозможно и по теории вероятностей. Нужны терпение, выдержка, порою – лукавая сметка. Мужчина-руководитель нередко берет мужским обаянием: одолевает непокладистость и упрямство, где не помогут крутые меры и ор. А что остается двадцатидвухлетней девчонке? Сколько раз Веру подмывало плюнуть на все, отказаться от бригадирства! Спокойно работать, учиться... Стояла, хрупкая и всклокоченная, перед верзилой-наладчиком, которого качало похмелье, и в мозг гвоздем впивался вопрос: «Где мне с ним совладать?» Говорила и делала порою не так и не то. А заикнулась как-то раз в присутствии членов партбюро, что-де «совмещать учебу с руководящей работой становится трудно», – Андронов без обиняков пригвоздил: «А ты учишься, чтобы руководить. Избрали – работай. На попятную идти поздно». Теперь уж она втянулась. Во многое вникла и поняла. Но станки, детали – железо. Вот с людьми – другой коленкор.

Придавленная тяжелым раздумьем, Вера вся как-то ссутулилась и обмякла. Бессильно уронила на колени тонкие руки, опустила глаза. Андронов усмехнулся, тронул ее плечо.

– Не вешай нос.

Вера вскинулась, ужалила взглядом, собираясь, верно, наговорить Бог весть чего. Он упредил ее быстрым жестом.

– Понимаю, трудно тебе, – голос Андропова будто смягчился.
– Работа твоя не каждому мужчине по силам. Все это знают, и на бюро мы об этом не раз толковали. – Пристукнул по столешнице тяжелой ладонью. – Но ты, Вера, на своем месте. Это главное. – Подошел ближе к Вере, посмотрел прямо в глаза: – Ты Зимину помнишь? Худо будет, если с тобой выйдет та же петрушка. Прямо тебе говорю.

Валю Зимину, свою белокурую сверстницу, Вера помнила хорошо. По окончании школы она оставила родное село, переехала в город. Пришла на завод. Быстро освоила несколько станочных операций на нержавейке, с нормами справлялась шутя. Стала комсоргом участка, членом комитета комсомола объединения. Ее ставили в пример на собраниях. Писали в газетах. Поспешили принять кандидатом в члены партии. Вскоре стало известно, что Зимину выдвигают в областной совет депутатов. Ее похвалили на собрании коллектива объединения, генеральный директор пожаловал в цех с огромным букетом роз... У молодой девчонки голова пошла кругом. Повиновение мастерам для нее стало столь же зазорным, как и уборка закрепленного за нею станка. А после выборов Зиминной стало не до нужд избирателей и кропотливой депутатской работы: строчила в инстанции письма, выбивая для себя жилплощадь... Вскоре жалобы на нее посыпались отовсюду.

– А, впрочем, черт с ней, с Зиминной, – продолжал секретарь.
– Но в работе с людьми, Вера, ты частенько рубишь с плеча. За что ты обидела Клопову? Человек сорок лет на заводе, а ты ради личных амбиций срамишь ее в глазах молодых. (Вера поморщилась: «И эта успела накапать. Все к одному!») Сейчас на всех уровнях заявляют: выдвигайте смелей молодежь! Не тех, кто ловчит или на глотку свою уповает, как Сапожков. Я слышал, ты его осуждаешь, а сама что? Переняла ту же методу: обидеть, унижить при всех. Скоро кончается твой кандидатский стаж. Поневоле задумаешься: а не примем ли мы в партию еще одну Зимину или Сапожкова в юбке? Хороши мы будем тогда!

Вера судорожно глотнула слюну, проговорила с трудом:

– Нет, не примете... Сапожкова.

– Вот и хорошо, – Андронов отвернулся к окну, делая вид, что не замечает состояния Веры. – Теперь о главном. На днях состоится собрание коллектива объединения по выдвижению канди-

дата в Верховный Совет СССР.

Удивленная, Вера не смогла усидеть.

– От нашего завода?!

– Да, – лицо Андропова осветилось улыбкой. – На собрании речь пойдет о вашей, Вера Васильевна, кандидатуре...

Глава шестнадцатая

НОВЫЙ ПОВОРОТ

После работы Вадим имел обыкновение сидеть в теплой ванне: «смывал грязь и пот трудового дня» (хотя на завод ходил в светлом костюме, а в цех его гнала лишь большая нужда). Ванна давала ему то, что другим давали массаж, аэробика, оздоровительный бег – кусочек бодрости, а нередко и хорошее настроение. После ванны, в любимом махровом халате, Вадим шел к телефону. Набирал номера из блокнота, ища партнера для вылазки в бар. Домой возвращался перед полночью, а утром вставал с головной болью, разбитый, исполненный непобедимого отвращения ко всему. Облегчение наступало лишь после обеда, а вечером опять ждали ванна, телефон... словом, тот же сценарий.

...Вадим осторожно окунулся в горячую воду с хвойным экстрактом. Он еще блаженно потягивался, жмурясь как сытый кот, когда вдруг затрещал телефон. Родителей дома не было, а сам Вадим и не подумал бы вылезать, если бы не догадка, что звонит Лысков: два звонка – обрыв связи – и вновь назойливый, царапающий нервы треск. Сей ритуал Лысков стал проделывать по просьбе Вадима, когда тот захотел избавиться от одной прилипчиво-бесцеремонной подруги. Прикрыв срам полотенцем, Вадим прошлепал по холодному паркетному полу к трюмо, где стоял аппарат.

– Привет незнайке! – бодро гаркнул из трубки Лысков.

– Привет, – промямлил Вадим.

– Удивлен?

– Чем?

– Новой кликухой, – Лысков хохотнул.

– А то нет!

– Незнайка для тебя – мягковато, – продолжал изгаляться приятель. – Мудо...он – вот так тебя следует окрестить... Но мы же с тобой интеллигентные люди, не так ли?

– Уж я-то конечно, а вот ты... – начал сердиться Вадим.

– Это почему?

– Из трубки несет как из бочки. Для храбрости замахнул?

– Ни Боже мой. Это все твое проспиртованное обоняние. – Лысков сделал паузу и вдруг огорошил: – Слыхал горбуху? Верка-то... – Залился скрипучим смехом.

В голове Вадима пронеслись косяком нелепые мысли.

– Нет. А что?

Спросил вяло, с напускным безразличием.

– Нет, ничего. – Еще пауза. – Просто она уже почти депутат. Верховного Совета!

Вадим невидяще уставился в зеркало, откуда растерянно смотрел покрытый гусиной кожей симпатичный блондин с жирной складкой над опоясывающим торс полотенцем.

– Откуда ты это взял? – выдавил хрипло и с дрожью.

Наслаждаясь произведенным эффектом, Лысков рассыпался мелким смешком.

– Оленька рассказала.

– Какая... Оленька?

– Ха! Да ты, парниша, никак вконец одичал. Ты Верку за холку мни, пока горячо. Другого такого шанса не будет. Такая партия! Она сейчас еще твоя – по взгляду ее вижу. А я Оленькой займусь поплотней.

– Ну, хорош заливать... – Вадим наконец-то пришел в себя. – За какие такие заслуги?..

– А ты не понял? – Лысков заговорил наставительно. – Разрядка по возрасту, по принадлежности пролетарской... Не бери в голову! Нам с тобой, как «прослойке», ни в жисть такое не светит.

– Каждому – свое, – упавшим голосом проговорил Вадим.

– Только полный кретин еще раздумывать будет, – Лысков захлебнулся негодованием. – Квартира, прибавка к зарплате, связи в Москве – вот что такое депутат! Где тебе такое отколется? Опека предков не надоела? У меня она, к примеру, вот здесь...

– Ты же сам мне советовал с Веркой завязывать, приударить

за Олей...

– Кто ж знал, что ее так вознесут! А не отшила она, часом, тебя?

Вадим вздрогнул

– Да нет, пока все о'кей. Я как в воду глядел.

– Это хорошо... Хорошо, говорю, что хоть в одном жизненно важном вопросе ты не сваял дурака. – Лысков явно вещал не то, о чем думал. – На свадьбу чтоб нас с Оленькой пригласил!

– Ладно. Я тут в неглиже, сопля из носу. Бывай.

Вадим швырнул трубку, побежал одеваться. Прохиндей Лысков явно что-то недоговаривает. Надо действовать. Сегодня, сейчас! В таком деле претендентов на руку и сердце набирается столько, что хоть дорогу ими мости в Кремлевский дворец. Сорвал с крюка дубленку, с трудом попал в рукава. Споткнулся на ровном месте, задумался у трюмо: взгляд отрешенный, в руках – сапоги. Решительно скинул финскую «шкурку», надел выдавшее виды пальто: «Надо припасть смиренно к стопам, выпендриваться теперь ни к чему». К Вере не шел – летел, обдумывая по дороге тактику диалога. Вспомнил прежние встречи, кое-что взвесил. Сам собою последовал вывод: «Надо действовать ее же оружием. Искренности, искренности побольше!» Блазнился полный успех, накатывали цветастые грезы. С умилением размышлял: «Чернявая, как итальянка. А талия, а глаза! Всегда мечтал о такой».

Он чувствовал, что сегодня влюблен.

Вадиму повезло: дверь открыла Вера. (Мать Веры, и он это знал, недолюбливала его.) Его, конечно, не ждали. Вера была в халатике, с карандашом в зубах (обеими руками отпирала тугую щеколду). Недоуменно спросила:

– Ты чего?

– Привет, – исполненным задушевной печали голосом проговорил Вадим. Учтиво поклонился приоткрытым дверям в залу, откуда выглядывали удивленные лица домашних: – Здравсьте.

– Ты что, филин? – Вера уняла волнение. – Время уже – десятый час.

Вадим будто с усилием оторвал взор от ее зардевшегося лица, пробежал глазами по халатику и зажатому в кулачке «кохинору». Сказал с грустью:

– Все чертишь. Я так и знал. Пойдем, погуляем немного. Вред-

но весь день в духоте.

– Да некогда мне гулять, – Вера нерешительно топталась в прихожей. – И на улице холодина...

– Свежий морозный воздух бодрит и способствует умственной деятельности, – он потянул с вешалки новую Верину шубу. – Всего-то на десять минут.

Лифт мягко опустил их на первый этаж. Против дверей лифта, на площадке, стояла ободранная, изрезанная ножами скамья, переставленная на зиму от уличного входа в подъезд. С краю притулился паренек с гитарой, рядом сидела круглолицая рослая девушка в лыжной шапке. Второй парень, в куцем приталенном полушубке и дутышах, расположился на коленях подруги, как ни в чем не бывало курил. Девушка слабо улыбалась и жмурилась: не то от сигаретного дыма, не то от счастливого осознания, что пестует эти драгоценные пять пудов.

Вадим резко хлопнул входной дверью, зло прошипел:

– Ремки! И мозги, и мыслишки у них – из ремков. Видала, как этот амбал ей на колени залег? Еще бы за сиськи облапил: мое! – Ломая спички, кое-как закурил: – Сброд плебейский!..

Во дворе Вериной панельной девятиэтажки – приземистое здание деткомбината. Здесь спешно ставили новый забор: вкопали бетонные столбики, завезли металлическую решетку. Вадим повел Веру к кирпичной беседке – там можно было укрыться от ветра. Мощный прожектор отбрасывал на детскую площадку желтое световое пятно. Внутри беседки был полумрак.

Вера прятала в широкие рукава озябшие пальцы. В обществе Вадима она еще сильно робела: казалось, что он умнее и, главное, современной ее. В детстве Вера не была коммуникабельной, бойкой. Любила книги: Грина, Дюма. Рыцарство, мушкетерство... Читала в молодежных газетах: не перевелись еще рыцари, нет. Сердце сжималось. Какой он? Пусть в современном уборе, но – рыцарь. Воображение рисовало: статный, красивый. Отчего-то непременно блондин. Красивый не может быть дураком, хамом, нерыцарем. В отрочестве мечтала о путешествиях, приключениях. Научилась в делах и играх объединять вокруг себя одноклассниц, подруг. Впоследствии ее не обходили вниманием на дискотеках и вечерах. Но самолюбивая Вера отнюдь не благодарила судьбу, а начинала знакомства с колкостей, авантюрных вопросов. Она попросту терялась перед парнями,

и ее словесные выверты были своего рода защитной реакцией. Когда она овладевала собой, они уходили: кто в недоумении, кто – в обиде. Подбирали себе подруг попроще и посговорчивей. Ей же все меньше времени оставалось для вечеров, дискотек. Так и не сошлась ни с кем до Вадима. О чем разговаривать с ним?

Вадим и сам не знал, с чего начинать. Молчание Веры бесило его. Догадывается, что прилетел на готовенькое? Эта мысль засела гвоздем. Надо было от нее избавиться, проникнуться сознанием собственной правоты, чтобы выглядеть почестнее...

– Я позавчера на тебя накричал, – Вадим говорил будто с трудом. Он даже как-то весь сгорбился: сидел, упершись локтями в колени, взглядывал исподлобья. – Ты прости маня, дурака. Мужское самолюбие, что ли, страдало.

– И за этим ко мне ночью пришел?

Вера тут же потупилась в страхе. Она сама не рада была своему языку. Вадим затрепетал: в вопросе Веры читалась насмешка. Засуетился, забыв, что балансирует подобно эквилибристу:

– Я, Вера, много думал о тебе в эти дни, – проговорил с дрожью.

– О тебе и о себе думал. Мне кажется, мы подходим друг другу. Ты мне нравишься, я люблю тебя.

Он притянул ее за виски, поцеловал своими холодными дрогнувшими губами. Вера молчала. Ее глаза, пристальные как у птицы, немигающее смотрели ему в лицо.

– Давай подадим заявление. – Он взял ее руку. – Надо семейный очаг создавать, так сказать.

Что творилось у Веры в душе! Испуг, смятение, радость – все слилось в единый поток. Ей сделали предложение! И кто? Этого не может быть!

– В принципе, я не против, – едва слышно прошелестела Вера. Она, как во сне, была совершенно не в силах уцепиться за мысль.

– Вот это разговор! – возликовал Вадим. Белки его глаз влажно блестели. – Изопьем ведро меда! Зимой, конечно, не фонтан отпуск брать, но летом мы свое возьмем: в Феодосию, в Сочи! – Подошел к Вере вплотную, положил руки на плечи. Мечтательно возвел глаза к ледяному сиянию звезд: – Тебе пойдут красные купальники. Нет, голубые. С белой полосой. Есть у тебя? Нет? Ничего, купишь, когда поедешь на сессию. Будешь возлежать на песке как царица. Загар ну оч-чень тебе к лицу.

– На какую... сессию? – упавшим голосом спросила Вера. Тут только она вспомнила о радостной новости этого дня. Веру точно обухом ударили. Весь их разговор стремительно прокрутился в ее голове.

Спроси она это с иронией или издевкой, Вадим переморщился бы и, не колеблясь, продолжил игру. Но в ее взгляде было столько горечи, столько мучительного недоумения, что Вадим растерялся и тут же выпустил нужную нить.

Конечно, про депутатскую сессию он, захлебнувшись негаданным счастьем, ляпнул сглупа. Еще можно было все поправить: беззастенчиво отпереться, с веселым цинизмом шутить. Но – что сказать? А в расширенных глазах Веры стояла брезгливая жалость... «Дура и дура», – злобно подумал он.

– Как – на какую? – деревянным голосом промямлил Вадим. И, свирепея от собственного ничтожества, сорвался на крик: – А ты не знаешь?! Ишь, шлангой прикинулась. Железная леди...

– Всего хорошего, милый друг.

В ее голосе кроме злого сарказма он не прочел ничего.

Не видя дороги, Вера вбежала в подъезд. Порывами подступали к горлу рыдания. Всю ночь мочила слезами подушку. Сегодня она поняла, чем платят даже за отголоски детских наивных грез. Больно ранил душу недобрый рыцарь-красавец. Покажись ему мало – еще б наплевал...

Глава семнадцатая

ВАЛЬКА

Валька Медведев все присматривался к Вере, долго медлил и выжидал.

Говорят, армия меняет характер. Валька служил на южной границе. Мускулы его были накачаны, походка напоминала строевой шаг. Не раз он участвовал в задержании нарушителей, преодолевая многие километры бегом, по страшной жаре. Не удавалось Вальке преодолеть одного – по-юношески непобедимой робости перед девчонками. Валька давно сох по Вере, а подойти, заговорить с нею смело, с апломбом – это он мог позволить себе разве что в дерзких мечтах.

Родился Валька в отдаленном райцентре – бывшей казачьей станице. В детстве пошаливал на чужих огородах, бахчах; хулиганил, как все. В юности подружился с книгами и вольной борьбой. Тянуло ко всему непонятному, недосказанному, лишь слегка приоткрытому великим умом: Достоевский, Блок, Соловьев. После школы приехал в Ярск – поступать в военно-политическое училище. Конкурс в тот год был немалым – семь человек на место. Вальке не хватило полбалла. Приютился у вдовой тетки, устроился на завод. По осени ушел в армию. Спустя два года вернулся в свой цех. Жизнь сделалась «треугольной»: завод – техникум – борцовский ковер. И была еще Вера. Но ей невдомек было, как много она значила для него.

День, когда Валька решил проявить активность, выбран был неудачно. Вера была не в себе после крупного разговора с Вадимом и не захотела поддержать диалог. Неудача не обескуражила Вальку. Наоборот, шевельнулись в нем природное упрямство и злость на глупую свою мягкотелость. Два дня он обдумывал план атаки. На третий почувствовал, что время уходит, а решимость покидает его. Решил действовать немедленно, без всякого плана.

Диспозицию подсказали обстоятельства дня – последнего рабочего дня недели. В пятницу первая смена особенно часто поглядывает на часы, пораньше приступает к уборке станков. У каждого свои планы. Но начальству свойственно ненавязчиво вносить в них свои коррективы.

От цеха требовалось последнее, решающее усилие, чтобы «в ажуре» были все производственные показатели года. А для этого нужно было в субботу вывести на смену по пять-шесть человек с автоматного и достоваловского участков. Уже с обеда ходили от станка к станку Козякин, Соломин и старшие мастера. Никто из операционниц не радовался, завидя вблизи сутулую фигуру начальника и многие не по-доброму начинали с ним разговор. Вспоминались старые обиды, выкладывалось что накопело. Но прожженный «волчара» задушевно блестел стальными зубами, собирал морщины у въедливых узких глаз. Был щедр на посулы, принародно «делал резекцию» мастерам: не поставили когда надо в известность, проспали такой-то вопрос. Клятвенно обещал загладить чужие огрехи, просительно трепал по плечу. И – уговорил. Женское сердце отходчиво, да и нелегко это –

начальнику отказать. Шептались наладчики:

– Уломал тебя Старая Мышеловка?

– Бесплезняк. Нехай сам налаживает! В октябре мне отгулы зажал.

А я вот не устоял...

В шестнадцать тридцать народ поспешил к умывальникам, в раздевалку. Вера пошла с мастерами наверх: пригласили на вечернюю оперативку. Вальке выпадала возможность – напроситься в провожатые, к тому же без лишних глаз. Торопливо переоделся, в душ не пошел. Боялся: упустит время, и Вера ускользнет от него. Стоял в коридоре под стендами, ждал. Мимо проходили ребята, звали с собой. Пристал Пашка: мол, пошли в лавку, возьмем вермути, в гараж завалимся и – погудим. Отвязался чуть не со скандалом. Повезло, что Пашке подвернулся собутыльник из слесарей. На днях они подрались по пьяному делу. Был повод залить ту несчастную ссору.

Ждать пришлось долго. Валька дважды выходил на мороз, жадно глотал дым сигарет. Быстро замерзал в куцей шубейке, шел в темный тамбур, где нудно гудела теплозащита. В тамбуре и столкнулся с Верой. Она – в новой цигейковой шубе, лисьей мохнатой шапке, изящных импортных сапогах – казалась выше, стройнее. Слушала семенящего за ней Достовалова, улыбалась маленьким ртом. В глазах с припухшими веками – сухой лихорадочный блеск. Валька растерялся. Суетливо пристроился сбоку, что-то сказал невпопад. Втроем подошли к остановке. Достовалов помахал на прощанье: он жил неподалеку. Вера неотрывно смотрела под ноги, думала о своем. Каждая секунда молчания размывала Валькин настрой. Юзом по гололеду подъехал автобус. Валька усадил Веру на заднем сиденье, кинулся за билетами. Вернувшись, тер обтянутые задубевшим коттоном колени, высчитывал – счастливый ли достался билет. Не сошлась всего одна цифра. Вера рассмеялась:

– Счастье твое где-то рядом, а в руки вот не дается.

Валька взглянул ей в глаза, сказал строго:

– Мне тоже так кажется.

Вера немного смутилась.

– Я и говорю: еще оторви билет. Для полного счастья.

– Счастье не в билете. Но оно рядом, это ты верно сказала.

Во взгляде Веры отразилось тревожное любопытство. Впер-

вые она так оценивающе смотрела на Вальку. Присадистый, широкоскулый. Из-под сдвинутой набок шапки выбивается светлый чуб. Порою застенчиво отводит глаза, которые то и дело наполняются светом, взволнованно и нежно блестят. Что она знает о нем? Не так уж много. Одно знала твердо: Валька не пьяница, не трепло.

У рынка в автобус влезла пожилая чета с тяжелой поклажей. «Приехали из глубинки к детям и внукам», – подумал Валька и уступил запыхавшейся женщине место. Поднялась и Вера. Молча стояли перед обледенелым стеклом, где было нацарапано крупно: «Витек». Сквозь эти буквы Вера видела новогоднюю елку на площади, горку, сказочные персонажи из снега – забавы уже веселящейся детворы. Она вдруг быстро сняла «лису» – волосы рассыпались по плечам. Собрала их узлом, заправляя под шапку. Он стоял в стороне, любуясь ее смуглым и тонким лицом, длинными локонами, опускавшимися на глаза, легким небрежным жестом, когда она отбрасывала волосы.

На пути от остановки до дома Вера заговорила первой.

– Ты когда из армии пришел, Валентин?

– Осенью два года отстукало.

– Выходит, тебе двадцать два, – задумчиво отметила Вера. – Редкий случай.

– Что такое? – настороженно полюбопытствовал Валька.

– Да, случай редкий, – улыбнулась Вера, – потому что ты еще холостой. После армии парни обычно спешат семьей обрасти.

Валька сунул руки в карманы, нагнул упрямую голову. Широкие брови его сошлись к переносью, глаза не мигая смотрели вперед.

– Помнишь, «Самоцветы» пели когда-то: «Не надо печалиться, вся жизнь впереди»? Давным-давно была у меня подруга юности. Я к ней и так и этак, а она мне буровит: ты мал и глуп, иди, учи уроки. В общем, отвергла. Мне тогда небо с овчинку, жить не хотелось. А они набрякивают: «надейся и жди!» От этого «шлягера» во мне все закипало. Любовь сгорела, чего тут ждать-то еще?! – Шумно втянул воздух, будто собираясь нырнуть. – А теперь вижу: песня с особенным смыслом.

Вера с внимательным любопытством взглянула, перехватив его пристальный взгляд. В нем были волнение и надежда, сдерживаемая нежность, упрямство. А может, вовсе не это? Кто

поймет этих парней... Одно казалось Вере почти непреложным: ни масляный блеск оболыстителя, на азарт игрока не хоронились в Валькином взгляде.

* * *

Через день, в воскресенье, они ходили в кино. После сеанса гуляли на «ярском Бродвее» – так назвала молодежь улицу Гоголя. Дома здесь были послевоенной постройки, в основном четырехэтажные, с заколоченными парадными и лепниной по карнизам и на фронтонах. Летом здесь – возле кафе и у входа в горсад – встречались друзья и влюбленные, бойкие старушки продавали цветы. Зимой всякая суета замирала, зато многолюднее становилось в местах, где были дискотеки и танцы, в клубах «25+-5» и «Веселая горница».

Вальке и Вере не пришлось терзаться, подбирая слова: историческая лента «Демидовы» стала темой их разговора.

– Меншиков в исполнении Куравлева удался, – сказала Вера, – а Петр у Лазарева – ни рыба, ни мясо.

– Я был на Урале. Видел Невьянскую башню, развалины первых заводов. – Раздумчиво молвил Валька. – Глядишь на это и думаешь: при Петре год шел за три, а, может, за пять. Прыжками, рывками догоняли Европу! Но пошто все время приходится скакать, догонять? Нельзя ли как-нибудь поритмичней? Ведь у нас как? Спим, спим. Глядь – один проснулся, взял дрын покрепче, давай сонные рожи дубасить! Забегаем, как наскипидаренные, строим, изобретаем ударно. Да вот беда – не хватает надолго нашего брата. Через энное время снова храпим.

Вера хотела заспорить, но – только кусала губы: Валька говорил безапелляционно, чуть не захлебываясь от возбуждения.

– Все о роботизации, об ускорении забубнили. Давно пора. А кто новую технику осваивать будет. Шпанцы-пэтэушники? Они за колумбик не знают как взяться. Им что? Только бы до армии дотянуть, а там – ищи-свищи! Говорят, среди отцов не было таких раздолбаев, каждый в свою специальность не за страх, а за совесть вникал. Понимали, что хлеб за брюхом не ходит. Вот они – в своем деле доки. Что хошь нашлепают, дай только чертеж. – Нахлобучил на глаза черную кроличью шапку, посопел гневно: – А нынешним большего подавай! Подчиняться никто не любит, да и руководить не хотят. Контролировать – это да!

– Ты тоже не хочешь руководить? – Вера фыркнула, подавляя смехок. – Вы, наладчики, критиковать мастаки. Только дельного от вас не дожدهшься.

– Меньше бумаг, больше дела, – продолжал Валька. – Писанина нас скоро придавит. Трудоемкость ты снизил, рацуху толкнул – ерунда. Вот если бумажку оформил, все визы собрал – тогда герой! Молодых надо двигать. Сколотить коллективы без стариков, чтоб не толкали палки в колеса.

– Ишь, какой борзый, – у Веры невольно сморщилось лицо. – Ладно, спихнут стариков. А кем заменить? Шнурков выдвигать?

– Не шнурков, – Валька трепетнул ноздрями, – а достойных ребят. Рейган в Афгане нам готовил второй Вьетнам. А чего добился? Там наша кузница кадров. И армия крепнет, и на гражданке новые люди. Пора и на заводах кадры перековывать.

– Все равно – опыт есть опыт. Не зря пенсионеров стараются к делу приставить.

– Только не на руководящее место! У старика один прием – отфутболить. Это они умеют! Приятно, когда за твоей закорючкой приходят по нескольку раз. Уж тут он душу потешит. А дело стоит. В КБ, в техбюро штаты пора сокращать. Оставить способных ребят. Пусть разрабатывают роботы, ГАПы, унифицированную технологию. Пусть двигают производство. Баб – разогнать. От женщин на заводе толку на грош, а визгу на миллион.

– Ага, за станком мы хороши, – не на шутку обиделась Вера, – а как командовать, так брысь с дороги?

Валька поежился, втянул голову в плечи. Но каяться не соби-рался.

– Правильно, замены вам пока нету. Это из-за того, что мы спим. Слыхала новый прикол? Министр нашему главному технологу говорит: не пойму я, чем ты там занимаешься. У вас в автоматном цехе четыреста мужиков прутки на болванки режут, а женщины их «доделывают» чуть не на верстаках. Так-то. Попал главный технолог наш под колпак. А все почему? Потому что технологи его – женщины. Где им сладить с импортным автоматом!

Вера улыбнулась:

– С тобой все ясно. Ты женоненавистник. Я дальше одна пойду. Будь здоров.

Валька споткнулся на ровном месте.

Вера свернула в свой двор, оглянулась. Парень не уходил, провожал ее взглядом. Итак, Валька. Замкнутый, самолюбивый. После техникума метит, верно, в сменные мастера. Революцию хочет сделать на автоматном участке. В уголках губ Веры прорезались складки. Таким как он всегда нелегко. Начальство не больно-то жалуется «сопливых энтузиастов». Станет руководителем – поймет, что почем.

Если по совести, то с Валькой Вера сблизилась для того, чтобы как-то забыть о «милом друге» Вадиме. Хотелось доказать, что она – не обсевок в поле, может нравиться и может иметь успех. Что ж, первые «доказательства» налицо. А вот забыть – это пока ей удавалось не очень.

Глава восемнадцатая

ВСТРЕЧА

Дивились, брюзжали: зима будто вздурилась. После новогодних торжеств завернула нежданная оттепель. Ноги выламывал обледенелый наст мостовых, автомобили месили колесами жидкую кашу. «Все небо истыкали своими ракетами, – бранились старухи в очередях, – ни зимы, ни лета не стало». В конце января, когда все уже мысленно распрощались с зимой, ударили тридцатиградусные морозы. Со сбоями работала ТЭЦ, где не хватало мазута.

В сумерках морозного февральского дня к заводскому ДК потянулся народ. Предстояла встреча с уже зарегистрированным окружной комиссией кандидатом в депутаты Верховного Совета Союза ССР Верой Васильевной Вороновой.

Не очень просторный вестибюль заполнился заводчанами. Здесь были и украшенные орденами планками ветераны, и заводское начальство, группировавшееся особняком, и молодежь во главе с комсомольским секретарем, и пионеры, которые зябли в легкой парадной форме. Возле зеркальной стены раздевалки судачили женщины.

Разглядывали Верин портрет на агитационных листках: ни твердо сжатые губы, ни строгое платье со стойкой не убеждали в полной зрелости кандидата, не отсекали сомнений в полновес-

ности ее рабочих заслуг. С фотографии смотрела молодая девушка с прямым, чуть насмешливым взором в голубых – по цвету типографской краски – глазах. Кое-кто умилялся: «Молоденькая, а уже депутат». Некоторые скептически улыбались. Две радиомонтажницы, поправляя прически, выражали явное недовольство.

– Девке-то двадцать с хвостиком! – тараторила дородная тетка в теплом мохнатом свитере. – Ну какой, скажи, в эти годы ум? Пигалица. Зачем выдвигают таких?

Вторая, повыше, с широким ремнем на несуществующей талии, изобразила презрительную гримасу на веснушчатом подвижном лице.

– А ты будто не знаешь? Там и для пигалиц свои места предусмотрены.

– Да что она может? Как с избирателями будет работать? Не смыслит ведь ни фиги!

– Работать? – в голосе собеседницы сквозило наигранное удивление. – Там ей покажут, чем надо работать. Хи-хи!.. Руку будет она поднимать. Заживет кучеряво. Выйдет удачно замуж...

Дальнейшее Вере расслышать не удалось. Взяла забытый в кармане шубы платок, побежала в президиум. Горели щеки, кровь гулко била в виски. Было такое чувство, будто уличили в чем-то постыдном.

Вера прижимала ледяные ладони к щекам, унимая волнение.

* * *

– Товарищи! Вы в курсе тех больших событий, которые происходят в нашей стране...

Вера плохо слушала выступавших. Вскоре ей предстояло взойти на трибуну, а она от волнения не смела поднять головы. Как повести себя, что сказать? Она загодя готовилась к выступлению, писала «речь». Вновь перебирала листки. Все – казенное, не свое. Шестьсот пар глаз пылливо смотрели из зала...

– Вера Васильевна родилась в рабочей семье... возглавляет бригаду токарей-операционниц... В социалистическом соревновании под девизом «Пятилетку – в четыре года!» бригада добилась весомых успехов. Девушки трудятся уже в счет пятого, завершающего года пятилетки, опережают своих соперниц –

бригаду намотчиц...

Выступили цеховой комсорг Галя Карпова – доверенное лицо Веры, старший мастер Достовалов, секретарь парткома завода. Речь держала начальник БТК Семенцова. Говорила как всегда энергично, хоть и куталась в шаль.

– Нам, коммунистам, всегда отрадно видеть, как набирается опыта, знаний, закаляется в труде твой товарищ, член одного с тобой коллектива, одной партийной организации. Ленин учил: «Все задачи своего учения ставить так, чтобы молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую». Эти слова Ильича будут всегда актуальны. Веру Васильевну знают комсомольцы завода, знает партком. Знает бригада намотчиц из радиоцеха, с которой успешно соревнуется Вера Васильевна. Растет наша Вера! Растет и доверие, которое оказывает ей наш коллектив. Позвольте же мне – от имени ветеранов труда объединения – выразить уверенность в том, что высокое доверие, которое мы оказываем Вере Васильевне, она сумеет оправдать с честью!

Слово взял сам генеральный директор – крепкий пятидесятилетний мужчина с властно поджатым ртом и свинцово прищуренными глазами на гладко выбритом полном лице. Он обхватил большими руками боковые стенки трибуны (все увидели его белоснежные манжеты и великолепные запонки), заговорил как всегда уверенно, чувствуя хозяином положения только себя.

– Мы, товарищи, хорошо понимаем, какая высокая честь оказана нашему предприятию. Впервые член нашего коллектива выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Я говорю о Вере Васильевне Вороновой, этой прекрасной девушке, – обратился к президиуму крупную, с розоватой плешью голову, – которой по праву может гордиться все наше объединение, а молодежь – брать пример. (Аплодисменты.) Товарищи! Все вы знаете, сколь сложна и тревожна нынешняя международная обстановка. Ястребы за океаном не оставляют своих агрессивных замыслов, то и дело бряцают оружием. Советское руководство последовательно и неуклонно проводит политику мирного сосуществования и разрядки. Наше объединение вносит немалый вклад в укрепление обороноспособности Родины и каждый из нас готов отдать все свои силы укреплению дела мира. Так какой же наказ мы дадим нашему будущему депутату? Конечно

же, бороться за мир! Ведь Вера Васильевна, в случае оказания ей высокого доверия избирателей, будет членом высшего органа государственной власти и сможет сказать «нет» войне с трибуны Верховного Совета страны. – Он замолчал на мгновение, озирая притихший зал; громко выпустил из ноздрей воздух, будто выбивая застрявшую там соринку: – Здесь Вере Васильевне давался наказ – протянуть троллейбусную линию к проходной второй площадки объединения. – Улыбнулся одними губами. – Вы знаете, что в этой новой троллейбусной ветке не меньше нашего заинтересован также автобусный завод. Так что мы с директором автобусного этой линией и займемся. А главный наш наказ Вере Васильевне будет – бороться за мир!

Присутствующие переглядывались, понимающе ухмылялись: делиться властью генеральный ни с кем не хотел.

...Вера плохо помнила, как вышла к трибуне. Невидяще взглянула на зал, откинула прядку со лба.

– Товарищи! Позвольте, прежде всего, поблагодарить вас за то высокое доверие...

Скосив глаза, она читала загодя подготовленную бумажку. Подняла глаза – и выпалила то, что давно уж колюче крутилось на языке:

– Что могу сказать о себе? Моя работа мне нравится. Первым примером серьезного, добросовестного отношения ко всякому делу стала для меня моя мама, Клавдия Кузьминична. Ее нелегкая жизнь всегда для меня будет примером борьбы с жизненными трудностями и невзгодами, которые не так-то просто преодолеть. Я много могла бы рассказать о моих трудовых наставниках, о заботливом отношении ко мне комитета комсомола и партбюро нашего цеха. А наша бригада? Я уже не мыслю себя без наших девчонок, без нашей дружбы, без ежедневных наших забот. Вы, товарищи. Для меня сделали столько, что я не знаю... – Она запнулась, смятенно вглядываясь в лица сидящих. Ее внимательно слушали. Галя Карпова подняла крепко сжатый кулак, желая ободрить. Ни в чьих глазах не было тени снисходительного участия или насмешки.

... – Вернее, я знаю: мне будет трудно. Сколько всего надо сделать, чтобы такое доверие оправдать!

С балкона захлопали комсомольцы; зал подхватил. Стройная фигура Веры в темно-синем костюме и белоснежной блузке,

выгодно оттеняющей природную смуглость кожи и блестящую черноту волос, ее хриповато-взволнованный, исполненный подкупающей искренности голос начинали нравиться многим. Вере аплодировали впервые за всю ее жизнь. Она же обрадовалась, что может, достать, наконец, свой платок: от прихватившего с утра насморка слезы наворачивались на глаза.

– Есть еще мнение, – Вера не стала ждать, когда стихнут хлопки, – что молодым нельзя доверять ответственную работу, выдвигать в органы власти, тем более, в Верховный Совет.

По залу пронесся шорох. Вера поежилась, но продолжала упрямо:

– Этим людям я бы хотела сказать одно: нашей молодежи смело можно доверять большие дела. Возьмите хоть нашу бригаду. Возьмите наших подруг-соперниц – бригаду намотчиц. Я ведь ничем не лучше этих девчонок. Любая из них заслужила... – Голос Веры осекся. – Заслужила полное право быть на моем месте. И высокое ваше доверие, оказанное именно мне, я отношу к признанию трудовых заслуг всего нашего комсомольско-молодежного коллектива.

Ей снова захлопали. Она заторопилась было с трибуны; вдруг вспомнила что-то, вернулась.

– Вячеслав Алексеевич говорил здесь, что ваш наказ по новой троллейбусной линии берет на себя, – обернулась к насупленному руководителю объединения. – Но раз уж наказ прозвучал в адрес кандидата в депутаты, в решении этого наболевшего вопроса должен будет принять участие и депутат. – Глаза ее улыбались, но говорила без тени кокетства. – Спасибо, Вячеслав Алексеевич, за добрые слова в мой адрес. Я заранее благодарна за помощь, которую вы обещали в будущем мне оказать.

Зал аплодировал. В президиуме кое-кто с усмешкой качал головой. Генеральный директор, привыкший учитывать настроение «масс», растянул в улыбке доселе капризно сжатые губы....

Глава девятнадцатая

ПОЖАР

За участком Кожина – владения автоматного цеха. Здесь около сотни больших шестишпиндельных станков отечественного, германского и японского производства.

Цех работал в три смены, снабжая заготовками почти весь завод. День и ночь грязно-зеленые чудовища с гудением и лязгом жевали металл – от десятимиллиметровых прутков до болванок в треть метра диаметром. И все же деталей на доделку цехам не хватало. Причин тому было много. Тут и сложности с запчастями для импортного оборудования, и хроническая нехватка цветных... Но самым наболевшим, безнадежно запущенным был вопрос кадров. Станочниками и наладчиками автоматов цех был укомплектован на семьдесят процентов, слесарями – на шестьдесят. Большую часть машин обслуживать было некому. Когда мастера под давлением руководства распределяли по людям бесхозные автоматы, неизбежно подсакивал брак: наладить как должно дополнительную машину, проверить съем рабочий физически не успевал. В ремонте пребывало не менее четверти станочного парка, а малочисленная служба механика оказывалась не в силах ликвидировать этот прорыв. Качество ремонта было таким, что механику постоянно приходилось выслушивать мат – от рабочих и на планерках.

Народ побежал из цеха после сногшибательной урезки расценок – мероприятия по снижению трудоемкости оказались до неприличности дутыми. Притока новых рабочих кадров не было. Базовое СПТУ готовило радиомонтажников. Пэтэушники знали, как зашивается автоматный и, конечно, «изменять избранной специальности» отказывались наотрез. Да и не было в том резона: радиомонтажник зарабатывал не меньше автоматчика и, щеголяя в белом халате, занимался, как говаривала Ольга, «подлинно квалифицированной работой».

Руководство завода лихорадочно поправляло дела в автоматном. Отдел кадров позабыл о нуждах прочих цехов, боролся за каждого человека. Принимались меры, чтобы заинтересовать работников материально. Генеральный директор своей властью накинул автоматчикам три дня к отпуску. Об этом много говори-

ли, но еще больше дивились тому, как можно было основной цех, бывший, по сути, становым хребтом механического производства, довести до такого развала.

Падала дисциплина. Мастера покрывали грешки и проступки рабочих, памятуя о тех временах, когда придется просить о сверхурочной работе, чтобы как-то вытянуть план.

Двадцать третьего февраля, во вторую смену, решил провести друзей в автоматном неугомонный Пашка Колотыгин. По случаю праздника он щеголял в стоптанных лакированных башмаках, которые на фоне промасленной робы смотрелись бесподобно. Пашка нашел «корифанов» в слесарке. Рослый, с густо татуированной грудью слесарь Миша и белобрысый автоматчик Витек играли в кости, пристроившись за стеллажом в закутке.

– Ой, мужики, – пожаловался Пашка с порога, – у меня головка бобо.

Заявление пробудило некоторый интерес. Миша отшвырнул наскучившие костяшки, спросил сипло:

– С чего это?

– Будто не знаешь, – обидчиво нахохлился Пашка. – Забыл, как с тобой в лавке столкнулись?

Миша раздвинул в ухмылке толстые губы.

– Так ты ж назавтра водяру-то брал!

Пашка хлопнул себя по коленям:

– А брательник сегодня в обед прикатил. Приговорили мою «ликерку», потом его «чебурашку». Я спать завалился. Встал – башка вот такая! Ладно, на проходной Валька-соседка дежурит, а то бы вообще был кукан.

– Говорил – водку не уважаешь...

– Водка не кофей – мало не выпьешь. Три магазина обегал – нет бормотухи! Пришлось «андроповку» брать. Эх, голова садоя!.. У вас «ханжи» нет?

– Запасов не держим, – хохотнул Миша. – Хиляй в гальванику. Может, там подадут.

В гальваническом цехе Пашку выручил знакомый слесарь – отлил из своего «НЗ» сто пятьдесят грамм шеллака. Пашка применил испытанный метод очистки, взболтав в шеллаке комок поваренной соли, «засосал» в закутке. Блаженство длилось каких-нибудь полчаса, неутоленная жажда вспыхнула с прежней силой.

– Затравился только этой «ханжой», едри ее в гармонь! – пожаловался Пашка инструктору дяде Леше. – Башка не трешшит, зато в нутре засосало.

Алексей Федорович зло швырнул на тумбочку гаечный ключ.

– У тебя, Паша, давно в привычку вошло: как во вторую смену, так непременно надо нажраться. На месте мастеров я б у тебя половину машин отобрал, а на остальных крутил бы ты у меня деталишки копеечные. Вот тогда бы в мозгах просветление наступило!

– Федорыч! – Пашка потрепал непокладистого инструктора по плечу, осклабился гнилозубо: – День-то сегодня какой! А ты ворчишь.

Четверть часа спустя схватился за голову сменный мастер: «Кого теперь оставлять до утра?!» В Пашке бунтовала оскорбленная добродетель, он честно тарашил глаза и бубнил: «Иваныч, за что обижаешь? Еще по утряни в честь праздничка сухача замахнул. Как стеклышко я». Сменный сутулился, как придавленный небесною чашей атлант, затравленно сыпал ругательства. Злости не было, одолевала тупая усталость. Кожин был на больничном, приходилось вкалывать за двоих. Пашка божился: все сделаем в лучшем виде, к утру будут горы деталей. Мастер пригрозил наказанием, но от работы не отстранил. Мнилось: Пашка и без того изрядно напуган, расшибется, чтобы загладить вину. В паре с Пашкой был оставлен Валентин. Им предстояло отработать всю третью смену, крутить почти половину всех действующих автоматов, чтобы ликвидировать отставание участка по номенклатуре изделий.

В половине первого цех опустел. Дежурный электрик отключил общее освещение. Только с участка Кожина свет едва пробивался через голубую стену стеклоблоков да солидно гудел шестнадцатый автоматный цех, где был трехсменный режим. Наладчики «зарядили» станки металлом, запустили в работу. Валентин занялся наладкой, Пашка с участка исчез.

* * *

Тем, кто был знаком с Пашкой недавно, что из обормотства и пьянства состояла вся его непутевая жизнь. Но кое-кто еще вспоминал центрального полузащитника областной футбольной команды Павла Колотыгина. Он умел и дать точный пас, и

выбрать момент для рывка, и перебросить мяч через «стенку». При нем команда уверенно первенствовала в своей зоне. На другой год Колотыгин получил приглашение в клуб первой лиги. Много в то время говорили и писали о Павле, много у него появилось друзей. С ними он отмечал свои победы, с ними заливал горе, когда был отчислен из известного уральского клуба, где за свое пристрастие к «змию» смог продержаться один сезон. Вдобавок Павел вывихнул ногу. Пришлось всерьез устроиваться на заводе, куда он раньше лишь приходил за зарплатой. Единственная в жизни Пашки большая удача сослужила ему недобрую службу. Он сделался дерганым и капризным; по пьянке вечно что-нибудь хотел доказать, а когда с ним не соглашались – лез в драку. Как все резко бросившие спорт, Пашка раздобыл и обрюзг. В цехе к нему плотно приклеилась кличка – Винный Пух. Со смехом вспоминали выпущенный «комсомольским проектором» листок: «борец со змием» стоит, что называется, ни уха, ни рыла, тупо пялится на свой автомат. А на станке вместо шпинделя – бутылка «агдама», в колоде вместо готовых деталей – груды «мерзавчиков». Футбол, которому было отдано почти десять лет, вызывал лишь раздражение. Пашка на чем свет стоит ругал ведущих тренеров и футболистов, нередко сам «комментировал» матчи – у телевизора в диспетчерской энергоцеха.

Сюда, в небольшую комнатенку, где частенько дежурил один из бывших почитателей Пашки, в дни наиболее важных трансляций забегали ненадолго рабочие и мастера. Старенький «Радий» давал еще сносное изображение, но звук был плохой – сильно хрипел. И Пашка не упускал момента поизгаляться, когда матч складывался не в пользу советской сборной. «Блохин медленно поднимается с газона, – громко комментировал он. – Смотрит на табло: счет не изменился. Олег с кислой миной разводит руками. Лучше бы он развел ноги: ведь худому танцору всегда что-то сильно мешает». У разочарованных, обозленных болельщиков это имело успех.

На днях Пашку чуть не силой привели на комсомольскую аттестацию.

– Павел, ты у нас в должниках, – просительно улыбаясь, сказала секретарь бюро Галя Карпова, – третий месяц взносы не платишь. Объясни, почему.

Неуверенный тон секретаря всколыхнул Пашкину наглость.

– А какой мне от этого понт? – поднял хитро заблестевшие глазки. – Чтобы на мои рубли сачкам в международных лагерях прохлаждаться? За Красный Крест – плати, ДСО – плати, охрана памятников – плати. Какого рожна еще надо?! Я эти деньги могу с пользой потратить.

– На пузырь, – поддела беспардонного правдоискателя Вера.

– Мне от комсомола ни на грош пользы нет! – огрызнулся Пашка.

– Ты подожди, Павел, – пыталась урезонить его секретарь. – Тебе меньше года в комсомоле осталось. Подумай...

– Чего тут думать! – Вера пристально смотрела на Пашку недобрыми и холодными глазами. – Тащи его в комитет. Пусть там счета сводит.

Через час Пашка оставил в заводском комитете свой комсомольский билет.

Слесарь Миша одобрил столь своевременный Пашкин поступок.

– Пять рублей в месяц, шестьдесят колов в год... Паша, бешеные деньги! Экономия!

– Еще какая! На полсотни рябчиков сколь вермути можно купить? Ась? – потер руки, ухмыльнулся похабно. – Есть «мани» будет и песня. Даешь неформальное объединение!

Весь день они обсуждали Пашкин триумф, а после смены на радостях завернули в пивнушку.

* * *

Миша не раз признавал, что кореш Пашка – мастак на разные выдумки и авантюры. В столовой, возле раздачи, он громко кричал мифическому «корефану»: «Володя, я беру на тебя!» – и брал два разноса на один-единственный чек. Воинствующей предцехкома Леонтьевой Колотыгин как-то раз пригрозил: «Будете лезть под кожу – выступлю на собрании с предложением: отработать всем цехом безвозмездно три дня в пользу Ливана!» Новая идея Пашки казалась рискованной, но в случае успеха сулила море блаженства. И Миша стал Пашкиным компаньоном.

Под крышей производственного корпуса вкупе с механическим и автоматным соседствовал гальванический цех. Там, в кладовушке, что прилепилась под самую фермой – и Пашка это верно прознал – в двадцатипятилитровых бутылках хранились

спирт, керосин и шеллак. Кладовая была обнесена легкою стенкой из стеклопрофилита, запиралась внутренним замком и, главное, не имела крыши. В кладовую можно было проникнуть с металлической площадки перед дверью, если не полениться встать на перила. Как видно, материально ответственные лица из производственно-диспетчерского бюро (сплошь женщины) не задумывались о возможной краже по той причине, что у кладовой есть дверь, а в двери – замок. Пашка, Миша и восемнадцатилетний Витек (он стал третьим в деле) рассчитывали отлить зелья из полупустой бутылки в свою тару, а затем мелкими порциями вынести за проходную. Это сулило заманчивую возможность определенное время не тратиться на «агдам» и «осенний сад», которые, как назло постепенно исчезали с прилавков.

В кромешной тьме (свет не горел) все трое бесстрашно взошли на площадку. Витька оставили здесь – «на шухере»; Пашка с Мишей перелезли в кладовку. На ощупь искали нужную емкость. Пробки бутылей не поддавались. Пашка поспешно достал инструмент. Кое-как скovyрнул пробку, понюхал. В бутылки был спирт. От радости тряслись руки. Резко наклонил бутылку. Содержимое, булькая, лилось мимо воронок...

Полупьяный Миша, изрыгая площадные ругательства, схватился за спички, нашарил за ухом «бычок». Расплескали под ноги четверть бутылки, покуда Пашка не углядел, что их десятилитровая полиэтиленовая канистра полна. От спирта намokли штанины, спирт хлюпал в ботинках. Миша, возликовав, щелчком отшвырнул зажженный окурочок. Искра упала в остатки бензина в ведерке. В углу моментально вспыхнула ветошь; загорелись спецодежда, деревянная тара. Пламя, гудя, взметнулось к самому потолку.

Давя друг друга, работнички бросились вон из кладовой. Без памяти сбежали по лестнице, стали кататься по полу, сбивая с одежды огонь. Витька и след простыл. Мишу корчила боль в обожженной ноге. Он забежал в душевую, подставил обгоревшее место под ледяную струю. Пашка заливал еще тлевший рукав, хрипел, еле ворочая языком:

– Начнут про лажу эту копать – мы ничего не знаем. Не то повяжут. Усек?

Миша молча сорвал остатки «спецухи»; дико тараща глаза, побежал в раздевалку. Его компаньон тоже не медлил. Одева-

ьясь, Пашка все вдалбливал Мише, что надо держать язык за зубами. Новый приступ боли и страха вывел Мишу из шока. Он с усилием прислушался к словам Пашки, протяжно, с отчаянием, простонал:

– Чего буровишь? С поджаренными ж...ми – и ни хрена не знаем? Видал я тебя на ...ю, бухарик ты!..

Одевшись, оба поспешно улизнули с завода. Шел третий час ночи.

* * *

Куда запропастился напарник?

Валька терзался в догадках.

Два Пашкиных автомата молотили уже вхолостую; Валька вырубил их. Требовалось срочно переточить два резца, а за участком, где грохотало полтора десятка машин, присмотреть было некому. Валька долго колебался, потом ругнулся в сердцах и побежал в заточку.

Заточное отделение – у главного входа в корпус. Наладчики механического цеха ходили туда через гальванику: это сокращало им путь. Валька миновал уставленный ваннами, опутанный многочисленными трубопроводами производственный зал, толкнул дверь, что вела на мойку и – остолбенел.

Под потолком, за ядовито-зеленым стеклом кладовой, бушевало желтое пламя. Дрожа и сплетаясь, возносились кверху багровые языки. Валил едкий дым, слезились глаза. Не помня себя, Валька бросился к лестнице. На площадке едва не задохнулся от дыма. Жар адского кострища был нестерпимым. Мелькнула мысль: «Там спирт, керосин, разнесет все в клочки». Пламя лизало дверь, рвалось из щелей. Страх сдавил голову ледяными тисками, погнал Вальку вниз. Будто сотня раскаленных булавок впилась в левую ногу: горела пропитанная фрезолом штанина. Покатился по бетонному полу, вскочил. Ничего не видел, не помнил. Боль и страх...

Опомнился Валька у тамбура. Здесь было светло, мирно гудела теплозащита. Валька скинул куртку, обмотал еще дымящуюся штанину. Взгляд упал на ярко-красную коробку пожароизвещателя. Тяжелой державкой резца разбил стекло, утопил красную кнопку. Метнулся к тамбуру. Лихорадочно давил кнопки на пульте, отворяя ворота. Вдруг замер как вкопанный, оторопело

оставился на пожароизвещатель: «А вдруг – не сработал?» Шатко побежал к телефону в слесарке, сорвал захватанную руками рабочих черную трубку. Хватал жадным ртом спертый воздух. Сердце так бешено колотилось, что казалось – бьется оно уже в голове, ударяя в виски и затылок горячим тараном. Телефонный гудок гулко отозвался в мозгу. В потемках, на ощупь, Валька кое-как набрал номер и – содрогнулся. Совсем рядом, за тонкой, в кирпич, стеной бушевал, разгораясь, пожар. Рвануть могло в любую секунду.

Шел третий час ночи.

* * *

– ...Они трусливо бежали, думая только о том, как избежать наказания, как унести ноги. До того их грызла другая мыслишка: как бы добавить, как бы еще «засадить». И ни один не смог набраться духу – позвонить, сообщить о пожаре. Теперь говорят, что струхнули настолько, что даже забыли о существовании телефона. Конечно, в такие минуты они думали только о собственной шкуре. Бежали, как нашкодившие коты!

Эти слова будто вбивали обухом в землю Мишу, Пашку, Витьку. Опустив глаза, уронив руки, они сгибались все ниже. Пашка и Миша были в бинтах и пластыре. Витек застыл поодаль, у него тряслись губы. Миша громко сопел, зажимая глаза грязной пятерней. Пашка нет-нет да отрывал взгляд от земли, недобро смотрел исподлобья.

Рядом были генеральный директор со свитой, «четырёхугольники» автоматного, механического и гальванического цехов; полукругом толпились рабочие. Руководитель объединения был в расстегнутом меховом кожане, норковую шапку его благоговейно держал заместитель по режиму и кадрам. Осанка, взор, полнеющий торс – все выдавало в генеральном личность незаурядную. Стоял перед свитой плотно, твердо, монументально. Головой без нужды не вертел. За спину долговязого предпрофкома прятался Сапожков, растерявший в присутствии шефа все величие. Сейчас он казался рассеянно-беззащитным и будто бы ниже ростом.

– Им было наплевать, – генеральный вцепился в галстук, ослабил бело-голубую петлю, – что их преступный поджог мог привести к взрыву и взрывом свалило бы колонну на стыке двух

смежных цехов, обрушило фермы. Как было наплевать на это, – уперся тяжелым взглядом в затрепетавшую свиту, – руководству цеха гальванопокрытий. – Заложив руки за спину, прошелся вдоль фронта замов и помов. – В двухстах метрах от этого корпуса стоит специальный склад для хранения горюче-смазочных материалов. – Обернулся к свите, сжав кулаки, загремел: – А вы держите бензин и шеллак где попало! Сегодня начнет работать комиссия, которая разберется с каждым цехом на предмет соблюдения инструкции по хранению ГСМ. – Вскинул двойной подбородок, потряс коротким перстом. – И горе тем, у кого обнаружат в неполюженном месте хоть грамм бензина!

Взгляд генерального сделался грустно-задумчивым, заскользил по верху голов притихшей толпы.

– Трудно представить, что ожидало нас с вами, товарищи, в случае взрыва. Пришлось бы сегодня разбирать завалы, списывать в лом десятки станков, останавливать все механическое производство. Много бед свалилось бы на наши плечи, если бы не Медведев. – Оратор вновь оживился, заговорил с энергичною экспансивностью. – Медведев попытался в одиночку потушить пожар, сам обгорел, но не побежал прятаться, как эти трое. Он немедленно сообщил о пожаре, даже ворота в корпус открыл. Это немаловажно, когда счет идет на секунды! Ему честь и хвала, ему сердечная благодарность от всего нашего коллектива. А эти... – сверляще уставился на «поджигателей». – Вы полюбуйте на них! Вот этот, который вцепился в филейную часть, – указал на поникшего Мишу, – он больше других обгорел. У него двое детей, жена беременна третьим. Родится ребенок, подрастет, научится говорить. Спросит: где папа? А папа в местах, не столь отдаленных...

Миша затрепетал: отвернулся, закрыв лицо дрожащей ладонью. Витек всхлипнул.

– Этому, – генеральный указал на Витьку, – совсем недавно исполнилось восемнадцать. (Толпа загудела; женщины вставляли на цыпочки, выглядывая из-за мужских спин. Генеральный, как кандидат психологии, умел «править бал».) А ему уже сейчас ничего не надо от жизни, кроме спиртного. Этого, – ткнул пальцем в сторону Пашки, – давно надо было гнать в три шеи за пьянки. А цех его гладил по шерстке – «воспитывал», вернее, ждал: а вдруг он фантастическим образом прозреет, исправит-

ся. – Сунул руки в карманы плаща, грозно навесил брови: – Я поставлю вас, субчиков, на проходной, чтобы все видели, во что превращает человека пристрастие к алкоголю. Пусть все полюбуются на тех, по чьей вине едва не пострадало все наше объединение!

С неделю на первой площадке все было вверх дном. На страх средним руководителям «копала» специально созданная комиссия. В гальванике спешно ликвидировались последствия пожара. Люди судили-рядили о происшедшем. Генеральный сдержал обещание: виновников вывели на проходную, к табельному бюро и в пересменок мимо них продефилировала вся площадка. Завидя «болезных», заводчане укоризненно покачивали головами: генеральный был большой охотник до перегибов. Наказание, впрочем, этим и ограничилось. Вскоре Миша, Пашка, Витек работали на своих местах как ни в чем ни бывало.

Кривотолки долго еще не стихали. В восемнадцатом механическом активизировался наладчик-инструктор Боровских.

– Верно директор сказал: гнать надо было Пашку в три шеи! – ораторствовал он в курилке. – Я еще летом Козякину говорил: гнать, чтоб другим алконавтам неповадно было!

Кое-кто пытался напомнить инструктору другие его слова про Пашку – он только отмахивался. Не было в те дни в коллективе более страстного обличителя пьянства, чем Боровских.

Глава двадцатая

В БОЛЬНИЦЕ

Соседи по больничной палате смеялись:

– Валентин! Ведь сам генеральный твоей аудиенции ищет. Если б не ты, слетела бы его голова. Сейчас ты герой, вот и куй железо, пока горячо: квартиру, мол, однокомнатную организуй, товарищ директор. Думаешь, откажет? Ни в жисть!

Валька посмеивался, а самого не покидали мысли о Вере. В последнее время они мало встречались. Узнав о Веринем выдвижении, тотчас подумал: «А ведь она может решить, что я приударил за ней, чтобы примазаться к ее депутатству». Мучили комплексы: «Она – депутат, я – ноль, потому как не сделал ничего путного до сих пор».

Веру хоть и занимали мысли о Вальке, но предвыборные хлопоты, экзаменационная сессия и работа оставляли ей время только на сон.

Мучили страхи: «Не опозориться бы». Вера шла за советом к Андронову, к маме. Секретарь партбюро ободряюще улыбался: «Не журишь, Вера наша, и не робей. Поверь в себя, как мы в тебя верим». Мама была растеряна куда больше дочери-кандидата. Чем ближе были выборы, тем тревожнее билось Верино сердце.

Подруга Галя Карпова первой сообщила ей о пожаре, о Вальке, которого увезли из цеха в больницу, обгоревшего-де «больше всех». Вера побледнела до желтизны, не говоря ни слова, пошла в раздевалку. На проходной перед вертушкой ее «тормознули», требуя увольнительную. Остановившийся взгляд Веры испугал бывалых охранниц. Она кинулась к телефону, звонила Козякину. И – не могла ничего объяснить...

Галя не рада была своему языку.

В тот день к Вальке их не пустили. Девчонки прорвались к главврачу, в запале перебивая друг друга, просили дать «хотя бы минуту». Главврач, меднолицый саженого роста мужчина, выкатился из-за стола, гаркнул так – звякнули пробирки в шкафу.

– А ну, без истерик! Медведев ваш через неделю «цыганочку» сбщает.

Окрик толстокожего эскулапа успокоил скорее уговоров и утешений..

Встретились они на третий день после пожара. Навестить Валентина пришли несколько парней и девчонок, в палату пропустили только двоих. Выложили на тумбочку марокканские апельсины, сели на край кровати. Галя Карпова не докучала расспросами о здоровье: ее больше интересовали подробности «героического поступка». Валентин отвечал односложно, с неохотой. Галя не обиделась, заговорила о скором визите корреспондентов:

– Пресса заинтригована. Задумано грандиозное интервью. Готовься, Валентин, привыкай быть героем.

Валька улыбался рассеянно, взглядывал осторожно на Веру. Лицо ее в дрожащем неоновом свете казалось почти восковым, в уголках глаз и губ затаилась усталость. Валька впервые видел Веру такой – задумчивой и спокойной. Озаренные мягким лучистым светом глаза, тонкий вырез слегка вздрагивающих нозд-

рей, маленькая родинка у виска – все это значило для него теперь куда больше, чем просто человеческое лицо.

Когда девчонки собрались уходить, Валентин бестрепетно проник в рукав Вериного свитера, нашел ее тонкие холодные пальцы.

– У меня есть пара вопросов к Вере Васильевне, как к будущему депутату.

Галя Карпова приснула в горсть.

– Вера, мы ждем внизу. Если долго будете ворковать, не морозьте нас, сделайте знак.

Они остались вдвоем. В тот час больные собирались в вестибюле за шахматами, у телевизора. Он положил ее голову себе на плечо, грел холодные ладони большими руками. Отогнул темный локон, нашел слабо улыбнувшийся маленький рот. Сердце то колотилось, то будто проваливалось в пустоту. Ее приближенное почти вплотную лицо расплывалось бледным пятном перед его затуманенным взором...

Вера мягко освободилась от его неуклюжих объятий, подошла торопливо к окну. Внизу, среди желтых пятен фонарного света, ее ждали ребята. Февральский ветер сгибал обледенелые прутья кустов, рвал полы шуб и пальто, дышал ледяною сыростью через раму. Парни со смехом толкали озябших девчонок в сугроб, те громко визжали. Они не смотрели вверх, и Вера долго стояла у окна с прощально поднятой рукой.

Глава двадцать первая

ФИГУРЫ ВСТАЛИ ПО РАНЖИРУ

Март в механическом цехе ознаменовался рядом перестановок.

Началось с того, что генеральный влепил Козякину выговор – «за слабую воспитательную работу» (из-за Пашки, который являлся главным виновником пожара в гальванике). Потом, как водится, опального начальника принялись «парить» за все вольные и невольные прегрешения. Особенно усердствовал Сапожков: по здравому рассуждению, место «крайнего» принадлежало ему, как главному должностному лицу на площадке. Он это

хорошо сознавал и потому прилагал все усилия, чтобы поскорее «утопить» старика. В Козякине взыграла годами копившаяся обида. Он начал дерзить, упрямиться и, наконец, в открытую обрушился на ненавистного Сапога. Тот перестал появляться в цехе, но и дни Козякина на посту начальника восемнадцатого механического были уже сочтены.

Козякина убрали на более спокойную должность – в отдел. Соломин стал исполняющим обязанности начальника, Кожин – стажером заместителя начальника цеха по производству. Крику, «вливаний», нервной суеты стало меньше, а дело завертелось быстрее. Рутинный стиль Козякина мало кому imponировал. Вспоминали, что он и аттестацию рабочих мест «футболил» активнее всех. Смена власти пошла на пользу. Соломин и Кожин легко нашли общий язык. Один бился над техническим перевооружением цеха, второй рвал жилы, горбятся над планом. Толково и твердо провели снижение трудоемкости. Впервые за много лет обошлось без скандала: мероприятия разработали до урезки расценок, что считалось роскошью у других. По счастью, в дела нового руководства Сапожков не вступал. Если кто и вставлял еще палки в колеса, то это Семенцова. Она имела богатый опыт, знала дело до мелочей, но «сопливых выскочек» вроде Кожина терпеть не могла. Они не раз ратоборствовали на планерках, и частенько после этого злопамятная Семенцова тормозила приемку. «Лешака сбагрили, а ведьма осталась», – досадовали технологи и мастера.

После фиаско с Верой Вадим поправлял дела, приударив за ее белокурой подругой. Он демонстративно – при Вере – оказывал Ольге знаки внимания, решившись сыграть на ревности – «роковом чувстве всех женщин». Когда стало ясно, что этот демарш не может увенчаться успехом, Вадим утешился обладанием синицы за неимением журавля. Он вдруг обнаружил в Ольге массу достоинств, и Лысков принужден был подолгу выслушивать восторженные излияния Вадима о будущей подруге жизни. Прельщали Вадима и связи будущей родни, и деловая Ольгина сметка. Он уж предвкушал тот момент, когда сможет отворить двери собственной «хаты» – их «очаровательного гнездышка», сесть за руль собственной «тачки». Но наиболее весомым для Вадима был аргумент, что они с Ольгой «подходят друг другу».

– Что было бы, женись я на Верке? – спрашивал у Лыскова Вадим. – Обращала бы она меня в свою веру, прорабатывала каждый день. На кой мне это, скажи? А с Олей мы просто созданы друг для друга. – На губах Вадима играла самодовольная усмешка. – В общем, на идейной почве с Веркой мы разошлись.

– Сперва бы женился, потом уж выбивал из-под нее эту почву! – возразил грубо Лысков.

После «помолвки» Вадима и Ольги их с Лысковым дружба пошла под уклон. Лысков сам имел виды на Ольгу, и потому очень хотел сближения Вадима и Веры. Он был не из тех, кто легко прощает виновников собственных неудач.

Решившись сделать ставку на Ольгу, Вадим утратил присущую ему осторожность. Он не раз «доставал» «реформаторов уездного значения» Кожина и Соломина.

– Вчера весь день хохотал над вашим манипулятором, – куражился в пивбаре Вадим. – На что он вам, этот хлам? Интересно, кто автор этого чуда? Не Митя ли Рогов, мой одноклассник? По статистике конструктор делает ошибку каждые четыре часа. Значит, Митя косячит четыре раза на дню, потому как не курит. Нет, восемь, потому что не пьет! С такими спецами, как он, нам за Западом век не угнаться. У них робот – для чего создан? Для замены лишних людей. А у нас рабочие как повитухи трясутся над роботом этим, обслуживают его. Пусть знают наши враги: у нас всего много! – Презрительно-весело посмотрел на насупленного Кожина. – А ты за какие коврижки кувыркаешься там? Думаешь, квартиру дадут? Держи карман шире! Сколько у нас начальников цехов бесквартирных?.. – Приосанился: – А я вот пошел другим путем.

Кожин гневно заиграл желваками, резко отсунул посуду.

– Ну-ну. Ты у нас куда как велик... С другого конца!

Разлад с друзьями Вадим не считал непоправимым несчастьем. «Друзья не космонавты, – говаривал он, – на Луну не улетят». Удар Ольги по его апломбу пришелся, откуда не ждали. Ее характер оказался отнюдь не таким покладистым, как это казалось сперва. Вадим как-то заикнулся, что ему не нравится один из Ольгиных «старинных друзей». Отпор был всеокрушающим:

– Так, определим отношения. От друзей не отколюсь, не надейся. «Буду жить как жила», – тут я Аллу Борисовну одобряю. Вот так, Вадик.

Отстаивая свои «свободы», Ольга проявляла присущую эгоцентрикам холодность и твердость. Вадим не был твердым, а был капризно-упрямым. Когда надо, он пытался проявлять изворотливость, гибкость. Расколоть твердый орех после женитьбы – это решение казалось ему единственно верным. Поэтому он терпеливо сносил Ольгин нажим, молча глотал обиды. Видя его нерешительность, Ольга ту же затягивала супонь. Лысков скоро подметил, что Вадима что-то гложет, что он сделался не в меру рассеян, часто вздыхает, мучительно морщит лоб. «Ага, Оленька – тоже не сахар!» – внутренне восклицал приятель-завистник. Он был прав и мог потирать руки. Но и Лыскову было невдомек, что являлось главной причиной душевного дискомфорта Вадима.

...Был солнечный мартовский день. Вадим не спеша шел из бара. Навстречу то и дело попадались приятели и знакомые. Подходили, хлопали по плечу, поздравляли с «удачной партией» – о грядущей женитьбе уже многие знали. Вадим охотно вступал в разговор, удовлетворял назойливое любопытство. Настроение было отличным. Вышел на залитую солнцем центральную площадь. У крыльца здания облисполкома группа солидных мужей решала походя какой-то вопрос. «Беги, Александр Иванович, немедленно дай команду!» – прогудел кто-то трубно и властно. Пожилой худощавый мужчина с пухлою папкой метнулся к подъезду. Вадим посторонился, давая дорогу, и едва не столкнулся с Верой.

Он растерялся, застыл на мгновение, блестя расширенными глазами. Вера слушала представительных спутников, чуть покачивая головой; уголки губ мелко вздрагивали. Но выглядела устало, вокруг глаз – синева. Одетая с иголки. Взгляд ее остановился на нем, зрачки сузились, глядели недоверчиво и колюче. Он с холодностью поклонился. «А вот и Вера Васильевна! – начальнический бас изменил свой властный оттенок, сделался задушевно-елейным. – Ждем! Сюда, сюда пожалуйста!» Захлопали двери машины. «Волга» рванула, обдав Вадима облаком гари, понеслась к перекрестку.

Вот этот-то черный «волгарь» с обкомовским номером и лишил Вадима покоя, не вытрясался из головы. Сколько раз со скрежетом зубным он возвращался к этому эпизоду, сколько терзался и мучительно размышлял. Катают на «волге», дарят цветы как артистке. За что?! Попала в струю... А он, Вадим Лоскутников,

имеет шанс очутиться в «струе»? Нет, наверное. Нет!.. Уж он бы, верно, извернулся ужом, знать бы только – что за «струя»?

В канун отъезда Веры на первую депутатскую сессию опять повыходили из строя пресловутые фрезера.

За окном сгущались сумерки, дул промозглый мартовский ветер, а «отцы цеха» все ломали головы, как справляться с напастью. Кожин нервно барабанил по столешнице авторучкой, запуская пятерню в шевелюру. Заговорил громким ломаным голосом – осенила новая мысль:

– Начальник! Елки-палки, чего мозги-то мы парим? Какие-то фрезеры, кака-то «рука»... Изделие однородное, месячный план – миллион. Автоматическую линию надо сюда!

Соломин отреагировал усталой улыбкой, собрал морщинки у глаз.

– А на участок мелких серий – гибкое автоматизированное производство?

– Хотя бы! – усмотрев насмешку в словах Соломина, взъерошился Кожин. – Вся автоматную обработку – в наш цех. Чтобы нам от них не зависеть.

– Открыл Америку. Я еще в прошлом году выходил с этим к главному инженеру.

– И что? – в один голос спросили Вера и Кожин.

Соломин весело и лукаво посмотрел на притихших соратников, кряхтя, передвинул папки у себя на столе.

– Как вам сказать? В первом полугодии будем работать по-старому. А вот в следующем одна Верина бригада заменит весь участок товарища Достовалова. Готовься, Вера, и девчонок готовь. Новую технику скоро придется осваивать.

– А меня куда? – с притворной обидой оттопырил губу Достовалов.

– В наладчики переведем, – посулил с усмешкой Соломин. – Плохо работаешь, товарищ старшой.

– Для такого дела еще нужен ответственный, толковый механик, – уже серьезно проговорил Достовалов. – Козякин жулика Норкина гнал, гнал – не выгнал. Уж теперь-то сам Бог велит его заменить!

– На автоматном участке тоже давно пора парк обновлять, – Кожин не любил держать в себе то, что скребет по душе, – там шестнадцать машин уж полвека скрипят. Сколько можно ремон-

тировать хлам? На это генеральному денег не жалко. Парники, оранжереи построили, карпа разводим. А на оборудование да на жилье денег нет.

Взглянув на часы, Вера охнула, стала прощаться. Соломин пожал ее маленькую узкую руку.

– Поезжай, народный избранник. Ни пуха тебе, ни пера. За нас не волнуйся, выцарапаемся, не впервой.

– Недолго осталось прорехи латать, – подхватил Кожин. – До второго полугодия все доживем.

Вера улыбнулась, скрывая тревогу: будущее сулило ей массу новых забот.

Глава двадцать вторая

ВЕСНА

Первая сессия проходила в начале апреля. Лишь по дороге домой, в самолете, Вера немного опомнилась от череды впечатлений. Закрывала глаза – и вставали перед внутренним взором зал заседаний в Кремлевском дворце, лица членов президиума и возвышающаяся над всеми мраморная фигура вождя.

Узнавая знакомые по «телеящику» лица, видя блеск медалей и орденов, Вера поначалу робела. Слушая выступавших, смотрела во все глаза. Потом спохватилась: наверное, нужно записывать. Торопливо строчила в блокноте. Глядя на нее, улыбались дородный седеющий генерал и знатная ивановская ткачиха. В перерыве они заговорили с нею, расспрашивали, где работает и живет.

В фойе депутаты сбивались в кружки, переговаривались оживленно. Не спеша прогуливались знаменитости. Их останавливали, без стеснения задавали вопросы. Неподдалеку тридцатилетняя особа в ультрамодных очках кокетничала с морским офицером. Жестикулировала с французской экспрессией, блестя аляповатым браслетом, изящно подрезанными ноготками. Вот она порхнула лакированной стрекозой, потянула из сумки пузатенький микрофон. Освобождая спутанный провод, косилась на Веру. Испещренные мелкою сеткой морщин веки дрябло подрагивали, сощуренные глаза ощупывали внимательно, цепко. За

предупредительно-приветливым видом крылась знобящая зависть.

– Небольшое интервью для молодежной программы. Представьтесь, пожалуйста.

Ткачиха взволнованно-сбивчиво говорила о решениях последнего пленума, заверила, что их комбинат достойно, досрочно... От волнения она раскраснелась, тередила кружевной воротник. Генерал вклинил несколько коротких чеканных фраз в ее суетливую речь.

– В такие дни особенно хочется жить пульсом страны, видеть то, что временем закрыто, – у журналистки разыгралась фантазия. – Ваша мечта?

– Мир, – кратко сказал генерал.

– А ваша? – микрофон как дамский «бульдог» уставлен прямо Вере в лицо.

– Увидеть то время, когда везде – в институте, на заводе, в колхозе – люди будут по велению сердца, в охотку, делать живое, всем нужное дело.

– Да, каждый должен быть на своем месте, – закивал крупной головой генерал.

Журналистка опустила глаза, задумалась на секунду. Такое Верино красноречие не пришлось ей по вкусу. Усмехнулась, блестя зеленоватыми стекляшками глаз. На розоватых мочках покачнулись золотые сосульки серег.

– В чем, по-вашему, счастье?

Глаза Веры смотрели в одну точку, будто кто-то незримый гипнотизировал ее из толпы.

– По-моему, счастье – в борьбе за осуществление поставленной цели, – и, подумав немного, встрепенулась, довесила: – и самом ощущении достигнутого.

– Bravo! – плеснул в ладоши оживившийся генерал. Громко шепнул ткачихе: – Мне бы такую невестку!

* * *

Апрель набирал свой звонкий разбег, весна была в самом разгаре.

Вера сошла по трапу, с наслаждением вдыхая запах весны. Счастливые хлопоты последних дней, длительный перелет утомили ее: она с нетерпением ждала встречи с родными.

Среди спящих солнечными блестками луж суетливо чирикали воробьи.

У места выдачи багажа поджидал несмело улыбающийся Валентин. Быстро пошел навстречу: неотрывно глядя в глаза, нашел ее худые запястья. У Веры путались мысли, кровь гулко била в виски. Его глаза, его руки сделались в ту минуту средоточием всех мыслей и чувств: «Похудел, пожелтел. Любит... Я – люблю?». Горячие руки легли ей на виски. Коснулся лба своими сухими губами. Она коснулась его щеки, уткнулась в плечо.

Спустя минуту Валентин волок к остановке Верин багаж – чемодан и тяжелую сумку. Черная «волга» не дежурила в этот раз у подъезда: депутатов ждали днем позже. Вера сорвалась в Ярск раньше других – устала от столичного многолюдья, от новых хлопот, суеты. Сердце Веры билось нетерпеливо. Так хотелось вновь очутиться дома...

В автобусе Валентин критически оглядел ее польское стального цвета пальто, чехословацкие сапоги. С усмешкой спросил:

– Чем нагрузилась?

– Книги. Апельсины. – Вера слегка смутилась. – Сестренка любит. За день полведра может съесть.

– Апельсины? – с улыбкой переспросил Валентин. – Апельсины – это хорошо.

– Как нога? – спохватилась Вера. – Болит?

– Нормально, – он досадливо отмахнулся. – На ней теперь узор – лучше всякой татуировки.

– Как на заводе?

– Все хорошо, прекрасная маркиза. Если не считать, что цех третий день стоит на ушах. Апрельский график на треть больше мартовского. Вот и кувыркаемся.

– Зачем это? – удивленно вскинулась Вера.

– Работа в «особых условиях», – Валентин был доволен произведенным эффектом. – Вкальваем по двенадцать часов. Да! – Хлопнул себя по лбу. – Похоже, нашего генерального пнули. Не поладил с новым секретарем обкома. Теперь и Сапожкову кирдык.

Вера улыбнулась. Подумала: вот она, новая метла – из Москвы до Ярска достала.

– Андропова парторгом завода избрали.

– О! Он будет на своем месте... А как мои?

– Нормально. Вчера их навещал. Клавдия Кузьминична с Юлькой тебя ждут не дождутся.

– Да нет! – Вера натянула Валентину ушанку на нос. – Бригада как?

– Да чё им! Вкальвают. Девчонки собрались сегодня вечером в гости к тебе. – Вздохнул и – как бы со скукой: – Римма у вас последний день отработывает.

– Как – последний?! – Вера вцепилась ногтями в его рукав. – Она обещала забрать заявление!

– За Пашку, дескать, стыдно перед людьми.

Автобус притормозил, выруливая к остановке. Вера подтолкнула Валентина к двери.

– Валя, забрось мою поклажу, прошу тебя, тут ведь недалеко, за углом.

Валентин стащил чемодан и сумку на мостовую. Крикнул через захлопнувшуюся перед его носом дверь:

– А ты куда?

– На завод! Жди меня дома.

...Осталась за поворотом недоуменная фигура Вальки. Надсадно взвывая шестернями, автобус вскарабкался на виадук. Внизу была железная дорога, гулко сигналили поезда.

С востока шел эшелон с углем. Навстречу ему, громяхая на стыках, медленно катились платформы с новенькими малолитражками, тракторами. Мелькали контейнеры разных размеров, русские и латинские надписи. «Оборудование везут, – подумала Вера. – Будут еще перемены!»

Автобус мчался, разбрызгивая грязь на газоны. Вера стояла перед задним стеклом, смотрела, как из-под брюха автобуса выхлестывается нескончаемой лентой мокрый асфальт.

По обочинам, вдоль бордюров, мутно струились ручьи. Солнце слепящими своими лучами кромсало грязный слежавшийся снег на газонах и клумбах. Работники «Зеленстроя» пилили ветви разросшихся тополей; вдоль обочин уродливо торчали обрубки-пеньки. Нетерпеливая молодежь щеголяла по лужам в кроссовках. На деревьях там и сям висели мохнатые гнезда, всю бесчинствовали грачи.

Будущее казалось таким же ясным, как щедро струящийся с лазурного неба солнечный свет. Весна шла с радостью, неся драгоценную чашу надежд.

Часть вторая

ОБРЫВ

Глава первая

СУМЕРКИ

Случалось вам вручную крутить велосипедное колесо?

Вначале, если нарочито медленно вращаешь его, спицы лениво и валко, будто нехотя, бегут друг за другом. Но стоит резко нажать на педаль – замираешь в восторженном удивлении: перед тобой уже нет колеса, спицы и обод слились в неразличимом для глаза мелькании.

Такова наша быстротечная юность – череда подгоняемых безжалостно-торопливым временем дней, слитых в единый ослепительно-серебристый поток.

... Минуло девять лет.

Кто вчера помалкивал, распустил язык, кто беззаботно смеялся – заплакал. Перемен ждали как дождя в безводной степи. Гроза пришла как по заказу, и ливень пролился свинцовый. В грязи, в кровянице и гноище лежала преданная и проданная обезумевшими сынами страна. Погруженные в кромешную мглу окраины освещали пожары жутких междоусобиц. С нечеловеческими проклятиями столичные бояре давили друг друга, расчищая место у трона. Иные сменили мундир на манишку, хапали казенное золото; с чемоданами «зеленых» закатывались в Монако, Флориду – изумлять прижимистых рутинеров широтою природы. Другие, упиваясь геростратовой славой, валили к ногам неприятелей России ее достояние. Взамен алкали милости заокеанских магнатов и славословия их продувных трубадуров. Доморощенные сладкопепцы во все тяжкие пустились дурить простаков, убеждая в наличии равных возможностей для обретения богатства и славы. Эфемерные акционерные общества сулили вкладчикам скорое обогащение. Психотерапевты на расстоянии управляли сознанием масс. Предсказатели, экстрасенсы угнетали жутью прогнозов. Народ оцепенел, как в предощущении казни.

Зауральский Ярск жил как будто спокойно: всколыхнулся было в «путч», потом еще в начале гайдаровской «прихватизации» – и с осени девяносто второго года затих в гипнотическом ожидании.

Внешне город не особенно изменился. Появились новые магазины с иноземной рекламой, киоски. Бывшее партийно-комсомольское начальство, «гости с юга», «братки» пересели с «жигулей» и «волг» на иномарки, а вчерашние ведущие специалисты различных проектных институтов, КБ переместились на городской рынок, сделались «челноками». Большинство заводов еще работало: сокращали «лишних» людей, лихорадочно искали заказы. Кое-как держались, пытаюсь приспособиться, выжить. «Тут у нас спокойное место, – мурлыкал порой обыватель, глядя на беженцев возле бюро миграции, на толпы безработных, осаждавших «биржу труда». – Мы здесь тихо живем».

* * *

По понедельникам в десять ноль-ноль Вера проводила планерку.

В зал совещаний приходили главный инженер, два замдиректора, пять-шесть начальников ведущих цехов и отделов. В течение четверти часа Вера внимательно выслушивала претензии, жалобы, предложения умудренных мужчин, затем начинались «раздача слонов» и развод. К концу первого года Вериного директорства взаимных претензий стало меньше, мужчины (Вера вынесла это как твердое убеждение из депутатского и производственного опыта) были куда гибче, податливее женщин-руководителей. Приказы и распоряжения Веры по заводу исполнялись точно и в срок.

Впрочем, предприятие «ЯМЗ-603», которым руководила Вера, могло считаться заводом с натяжкой. С конца девяносто первого года началось акционирование Ярского приборомеханического объединения. К середине девяносто второго некогда мощный гигант был поделен сначала на пять, а затем на двенадцать самостоятельных предприятий-«заводиков». Возглавили их «молодые, талантливые» (как говаривал генеральный директор новоиспеченного акционерного общества Сапожков) представители «новой волны» предпринимателей – тех, что всплыли из мутных глубин кооперативного движения, из образованных на

партийно-комсомольские деньги контор. Однако к первой производственной площадке бывшего объединения, где работала начальником цеха народный депутат Российской Федерации Вера Васильевна Воронова, у руководства акционерного общества был особый подход. В июле Веру пригласил генеральный директор. Усадил не за стол – в мягкое кресло. Принесли кофе. Порасспросив о делах депутатских, Сапожков сказал: «Вера Васильевна, вам не хуже меня известно, какое недовольство у некоторых работников нашего предприятия вызывает нынешняя приватизационная политика. Сейчас на второй площадке нашего объединения создано четыре предприятия, восемь кооперативов...» – «Все в недоумении, – перебила генерального Вера, – как можно единый технологический цикл дробить на четыре, на восемь?» Генеральный деланно усмехнулся; перегнулся через стол, осторожно коснулся Вериных пальцев влажной ладонью: «Вот поэтому, Вера Васильевна, есть мнение не дробить вашу первую производственную площадку. Пусть это будет единый, неделимый завод! Тем более, что вам удалось уже двумя цехами перейти на выпуск новой, мирной продукции. – Не давая Вере рта раскрыть, сделал упреждающий жест ладонью: – А директором нового завода все хотят видеть вас, Вера Васильевна!..»

Вера хорошо понимала, что такое предложение родилось неспроста. На первой площадке, оставшейся тогда в стороне от раздора и дележа, скопилось множество недовольных. Были злы не только рабочие и их жены, участвовавшие в митингах и пикетах, активной осаде мэрии (с требованием не увеличивать плату за пользование детскими садами, яслями), – недовольство зрело в среднем руководящем звене, не допущенном к «пирогам», который в лихорадочной спешке кромсало руководство объединения. Эти-то недовольные и пошли к «своему» депутату. «Вера Васильевна, вы же наша, заводская! – плакались на приемах бывшие «знатные» работницы. – Ведь мы дважды заводом вас выдвигали. Хоть вы скажите: где правда? Когда надо было, вместе завод строили, план тянули. А теперь что? Начальству – все, нам – фиг!» Верино директорство было задумано «тузами» акционерного общества как способ «выпускания пара»: чересчур самостоятельный депутат в юбке, занятый собственным предприятием, не полезет, конечно, в чужие дела.

Нехай она, такая умная, приватизирует на свой лад, но только свое: первая площадка – лишь четверть объемов бывшего орденосного объединения...

Однажды проснувшись, Вера вдруг вспомнила случай из детства.

В пионерском лагере ночью мальчишки прокрались в девичью палату, перемазали зубной пастой «без задних ног» спящих девчонок. Особенно потешались над белокурой толстушкой Зоськой, которая, как была в таком «макияже», явилась на утреннее построение.

Зоська весь день склоняла Веру к ночной вылазке в логово «противных» парней: ей не терпелось поквитаться с обидчиками. Тщетно Вера убеждала подругу повременить: мальчишки явно ждали ответных действий именно в эту ночь и, наверно, подготовляли засаду. Но Зоська впала в истерику, и Вере, скрепя сердце, пришлось уступить. Завернувшись в простыни, с тубиками «поморина» наизготовку, девчонки в полночь явились в мрачное обиталище мальчишей.

Их, конечно, там ждали. Зоську схватили, зажали рот, из собственного тубика обмазали пастой, обваляли в пуху. Вера свирепо сопротивлялась и все-таки вырвалась, оставив мальчишкам трофеи – тубик и простыню. Впрочем, её не очень удерживали, зато Зоську, которую не терпели за ябедничество и злоязычие, веником прогнали туда, откуда пришла.

После этого Зоська решила, что у нее есть враги. Но ими стали не безжалостные мальчишки, не насмешницы-подруги, а прежде всего Вера, которая не сумела-де отговорить ее от необдуманного поступка, да к тому же вышла сухой из воды. Так Вера поняла, что, поступая правильно и разумно, не всегда можно рассчитывать на благодарность людей.

... Предложение Сапожкова Вера, хотя и не сразу, но приняла. Хотелось и попробовать себя в новом деле, и помочь растерявшимся, обманутым людям. Вера надеялась, что сумеет ограбить первую площадку от захребетников генерального, которые прибирали к рукам все, что могли унести... Была еще причина, о которой Вера не раз вспоминала с досадой и чувством стыда. «Все растащат, пока вы в Москве заседаете, – авторитетно

изрекала подруга Веры Ольга Лыскова. – Да соглашайся ты на директорство, Верка, ушами-то не стриги!» «Жулики все разворуют, а ты с чем останешься?» – вторил Ольге муж Веры, Вадим. – С депутатским билетом?.. Речи с трибуны толкать ума много не надо. Ты, дорогая, хоть первую площадку акционируй как положено, по уму! Будешь тогда местной Жаклин Онассис, а сынуля наш – настоящим наследником». В общем, в августе девяносто второго Вера оставила свой цех и «впряглась». Но воз оказался тяжелым...

На бывшей первой площадке состояло немало выдавших виды, имевших богатый производственный стаж работников. Тем, кто здесь начинал в пятидесятые-шестидесятые годы, палец в рот не совали. Генеральный директор Сапожков, не желая с ними связываться, решил прикрыться именем популярного народного депутата.

«Распиленный» на части злой волей заводского ворья сложный организм некогда знаменитого производственного объединения мог, тем не менее, полноценно работать только как единое целое. Наскоро созданные малые предприятия и кооперативы были связаны жилами нервами единых технологических циклов (многие изделия продолжали производить сообща), их «мышцы» еще долгое время питала некогда до мелочей отлаженная система материально-технического снабжения. Зато бывший заводской отдел сбыта обрел статус самостоятельного предприятия. Все двенадцать предприятий-карликов платили породившему их руководству АО немалую мзду.

В начале директорства Вера «жила» в своем кабинете: подбирала кадры, налаживала снабжение, сбыт, билась над освоением новых изделий. Завод начал выполнять выгодные заказы на нефтегазовое оборудование, мини-котельные. Все же в течение года пришлось сократить пятую часть работников. Теперь уже директора не хвалили – ругали на чем свет, бегали жаловаться Сапожкову. Былая популярность Веры на своем заводе потускнела изрядно.

Помня проверенный жизнью завет «кадры решают все», Вера во что бы то ни стало старалась удержать старых, опытных производственников. «Молодых держи, не держи, все равно не годятся, покуда бизнесом не переболеют, – разъясняла непонятливую свою кадровую политику Вера. – А старики не мыслят

себя без завода. Он для них второй дом, и чтобы спасти его от разора, будут пахать, пока их не вынесут».

На соседнем машиностроительном заводе поступили наоборот: стариков и кандидатов в пенсионеры выставили за ворота, а молодым дали фору. Через год после этого одна из арабских стран разместила на заводе крупный заказ. Тут и хватились, что выполнять его некому: почти все спецы с золотыми руками и светлыми головами пребывали на покое, в чистой отставке. К ним послали эмиссаров с уговорами: вернуться на производство, поработать еще год-другой. Вотще! Тот за год отвык от заводского режима, другой, не снеся вынужденного безделья, приказал долго жить...

Недешево доставался Вере директорский хлеб. На одной из сессий областного Совета она призвала директорский корпус всерьез заняться кооперацией: заводам сообща разрабатывать и запускать новые конкурентоспособные изделия, вместе идти на рынок... Выступление Веры вежливо выслушали – и тут же забыли. Каждый директор в новой стихии чувствовал себя если не адмиралом, то командором, не замечая в трюме «судна» жутких пробоин.

* * *

Насмехался Вадим: «Ты чокнутая: заводишкодохлый спасаешь, а кому это надо? Вон Сапожков с товарищи «КамАЗами» цветнину налево вывозят, магазины, ларьки открывают! А буржуа создают банки, фонды. Для них крупное машиностроение – отрывка социализма. Ну какой дурак сейчас за производство болеет? На всю империю двое вас ненормальных – ты да Соломин...»

Вадим хорошо понимал то, о чем говорил. Он не один год отдал заводскому отделу снабжения, знал, куда «текут и впадают каналы», а также подноготную «kozyрных королей и вальтов» в промышленном секторе области. В девяносто первом году, после «путча» он исхитрился вывезти со складов несколько машин «списанного» и «уцененного» заводского имущества. Заплатил за это копейки, в основном рассчитывался водкой и спиртом. В том же году Вадим с Ольгой Лысковой на пару открыли свое коммерческое предприятие. «Прихвачиванное» на складах было с успехом реализовано – эти денежки сослужили

роль начального капитала. Вера, по горло занятая работой (она тогда была начальником инструментального цеха), и воспитанием пятилетнего сына Димки, могла об этом только догадываться.

Теперь, в девяносто третьем, Вадим уже в открытую хвалился своей оборотистостью, Вера же молча глотала обиду.

– Мы с Ольгой всех директоров научили, как зарабатывать надо. Хочешь, Вера, в Москву поедем – депутатов учить?

– Жуликов вы с ней прикормили, – зло ответила Вера. – Торговали - веселились... Что в поговорке дальше-то, помнишь?

– Э, депутаты – те же жулики, – весело ухмыльнулся Вадим, – ведь вы нас к капитализму ведете, под знаменем Ельцина!

Глава вторая

СОБРАНИЕ В ПОДДЕРЖКУ СОВЕТОВ

В детстве Вера очень боялась горячей воды. Мать Веры, Клавдия Кузьминична, обожала баню и, направляясь в парилку, тащила за собой дочку. Тонкокожую хрупкую Веру нещадным образом обжигал пар; потом мать драила ее жесткой вехоткой, обливала из таза горячей водой. Словом, в детстве баня для нее была пыткой, прохладный душ – наградой, блаженством.

Упоминание о «знамени Ельцина» действовало на Веру как крутой кипяток. В декабре девяносто второго, когда Гайдара сменил Черномырдин, Вера со съездовской трибуны спросила: «Кто дал Ельцину право менять государственный строй? Об этом Борис Николаевич ничего у народа не спрашивал! Никто ему не давал добро передать общенародное достояние в собственность проходимцев». Правда, народ, как не раз подмечала Вера, следовал биологическому инстинкту и вопросами высокой политики был озабочен не очень. Многие дружно включились в борьбу за выживание – борьбу без правил и снисхождения. «Вы, депутаты, не лучше Ельцина с Гайдаром, – не раз слышала от людей Вера, – каждый к себе тянет. Нам с детьми нашими все равно – что Ельцин, что вы». – «Вам, может, и все равно, – дала жесткую отповедь Вера, – а за детей погодите ручаться. Как бы они не познали, что такое биржа труда». В самолюбивой обидчивой Вере закипала злость на политическую безграмотность ее

избирателей. Просыпалось желание: не убеждать и уговаривать, а обличать, управлять. При новых порядках она могла себе это позволить. Всех пьяниц и «раздолбаев» уволили с ЯМЗ-603 «без шума и пыли», лишнее оборудование продали, пустующие площади сдали в аренду.

Преодолела Вера (так ей порою казалось) и кризис мышления, порожденный психической атакой лжедемократов на историю социалистического периода. Публикации «Огонька», «Аргументов и фактов» относительно среднего уровня жизни граждан Союза, «разоблачения» секретных протоколов пакта «Молотова-Риббентропа», варварства Ленина и ленинцев вызвало у Веры состояние, близкое к шоку. Особенно негодовала она, знакомясь с «фактами» сталинских репрессий. В те дни она ненавидела Сталина, он казался ей чудовищем – омерзительным, жутким... Потом, понемногу, Вера стала чувствовать, что здесь что-то не так. Ухмылки продувных телеведущих, истошные вопли упитанных «жертв сталинизма» заставили насторожиться. Не жалея времени, читала Ильина, Солоневича, Александра Зиновьева. Как-то раз до хрипоты спорила с Андроновым и Валентином Медведевым. «У Сталина столько заслуг, что ему наплевать на тьяквань шавок, – с улыбкой, но твердо сказал Валентин. – Сталин – это необъятное, незамутненное море. Злобные карлики на детских корабликах с руганью и проклятиями рыскают по нему, пытаюсь поднять большую волну. Но не их, а достойных и честных людей понесет к далеким солнечным берегам огромный, прекрасный лайнер». «Сталин перестрелял палачей, – сказал Андронов, – Антонова-Овсеенко, Троцкого, Тухачевского. Это их озлобленное потомство, будучи не в силах отомстить Сталину, мстит всей стране, устраивает бесчеловечные эксперименты над нами». Постепенно понятия Веры сложились в цепочку, которая протянулась от современных временщиков-мздоимцев к другим ненавистникам России: Троцкому, Свердлову, эсерам-бомбистам... Когда Валентин в августе девяносто первого года спросил: «Где же вы были, товарищи коммунисты, в момент разгрома ГКЧП? Почему не защищали свои райкомы-горкомы?» – она ответила: «Не знаю, Валентин, к кому ты зываешь. Последними коммунистами были Сталин и Жуков, а их давно уже нет». Удивленный и вместе с тем обрадованный Валентин поздравил тогда Веру с «переходом в наши ряды», но она

не стеснялась ругать его за «великодержавные вывихи», Андропова – за «хроменький большевизм».

Женская натура Веры, как плоть моллюска, впитывала то, что мужчинам представлялось порой не стоящим их внимания.

В «застойные» годы, когда Веру впервые избрали в Верховный Совет, Ярославская область производила массу мясомолочных продуктов. При миллионном населении в регионе поголовье коров и быков переваливало за миллион, а Ярославский мясокомбинат, третий по объему производства в республике, давал продукцию около сотни наименований, в том числе превосходную тушенку, паштеты и карбонат. «Куда все девается, куда?!» – с тоской и обидой спрашивал обыватель. Но об этом дано было знать лишь «верхам».

На одном из заседаний Ярославского обкома КПСС состоялся памятный разговор. В конце заседания, уже вне повестки, первый секретарь обкома сказал: «Товарищи, к нам на днях обратился первый секретарь Свердловского обкома партии... У них там непростое положение с продовольствием. Так вот, он просил дать из наших фондов эшелон зерна и эшелон мяса и масла животного. Какие будут мнения?» Повисло молчание. Первый не торопился, давая товарищам время на размышление. Спустя пару минут, сказал мягко: «Да, проблем у соседей немало. Вот почему их первый секретарь, человек молодой, энергичный, хочет взяться за дело всерьез. Свердловчанам надо помочь... Думаю, наше добро они не забудут». Эшелоны ушли из Ярославска в Свердловск. Прошло полгода – и на очередном заседании бюро обкома слово взял второй секретарь: «Сложные отношения у нас возникли со свердловчанами. Мы закупили в их области строительные материалы, начали было их вывозить. Вдруг ни с того ни с сего останавливают наш автотранспорт с материалами на административной границе. Не пускают! Звоню в Свердловск второму секретарю обкома. Знаете, что он мне ответил? Ничего, дескать, поделить не могу: личное распоряжение первого. Оказывается, они добились через Москву разрешения все стройматериалы оставлять исключительно для собственных нужд. Вот где собака зарыта!» Первый секретарь, человек бывалый, повидавший войну, повернул седую, как у луня, голову, спросил жестко: «Что думаете предпринять?» – «Хочу просить вас, Филипп Кириллович, – проговорил, волнуясь, второй, – позвоните в Свердловск, пере-

говорите с их первым – на высшем уровне, так сказать. Ведь мы им продовольствием помогли! Неужто забыли они?» – «Нет, я в Свердловск звонить не буду, – сурово насупясь, сказал первый. Помолчав, добавил в сердцах: – Помяните мое слово, далеко пойдет этот Ельцин. Кое-кто еще наплачется с ним!»

С той поры Вера стала испытывать стойкое неприятие Ельцина, поколебать которое не могли никакие перипетии.

По убеждениям Веры выходило, что достойное будущее России могли обеспечить только Советы. «Силовые структуры и армия, – говорила она, – расписались в бессилии защитить старую власть. Последние сорок лет партией управляли ничтожества, вот она и погибла. А за Советы должен вступить народ! Недаром говорят: Советы – детище простого народа. Советы – последнее, что следует нам защищать».

* * *

Завод – то же государство в миниатюре. Со своим народом, финансами, хижинами и дворцами, со своими правителями, полицией и «двором». Где двор, там политика: интриги, взлеты, падения фаворитов и – раздача благ и чинов, переделы...

Нелегко приходилось Вере при «дворе» «падишаха» Сапожкова: теснящиеся «у тела» временщики усердно дули в уши «патрона», поднимали невообразимую суету, галдеж на различных собраниях, стремясь как можно шибче замутить воду. Вскоре Вере стало ясно: завод в том виде, каким он был до смуты, спасти невозможно. Прокормить прожорливую ораву «новых нерусских» (так окрестил воров ельцинской эпохи Валентин) становилось проблемой и для «падишаха»: жуликов день ото дня становилось все больше, а не растащенного добра все меньше. По утрам перед фасадом заводоуправления, расцвеченным вывесками различных эфемерических контор, выстраивался парад иномарок, сновали туда-сюда длинноногие «гёлс» с радиотелефонами. Народ же безмолвствовал.

«Это социализм приучил рядового работника во всем полагаться на шефа, на партию, – рассуждал Евгений Степанович Кожин, ставший недавно Вериним заместителем. – В этой стране непуганых сумчатых выживают крупные экземпляры, у которых сума поглубже, повместительней. А мелкие прыгуны все равно разорятся, как бы ни дергались. Закон отбора!.. Нам бы так

сработать, чтобы в их число не попасть» С приходом на ЯМЗ Кожина и Соломина Вера могла быть спокойна за дело. Уезжая в командировки, на съезды нардепов, она не давала напутствий: бывалые мужики от работы не бегали, исправно тянули воз.

...Проведя оперативное совещание, Вера сходила в сборочный цех и на склад, потом вызвала к себе ведущих конструкторов. Разговор о конструкторских проблемах был в разгаре, когда вмешался помощник директора: «Вера Васильевна, в тринадцать пятнадцать вас будет ждать мэр!» Выпроваживая «нахомутавших» в новом изделии специалистов, Вера «показала зубы»: «Завтра утром ко мне с предложениями по улучшению характеристик... Я сказала: завтра! Времени – вагон: день, вечер и ночь». Торопливо засобиравшись, бросая в открытую сумочку нужные вещи; мягко попросила помощника: «Виталий, ты, конечно, цветочки польешь? Не успеваю, ей-ей... Знаю, что в секретарши не нанимался! Но цветы ведь живые...» Не слушая шуточных протестов, побежала к автостоянке. Виталий польет. А секретарш она всегда недолюбливала и не держала. Виталий хоть и молодой специалист, но уже поработал на производстве, изучает круг новейших экономических разработок, на «ты» с компьютерной техникой. Такими и должны быть помощники, референты. Времена теток с недовязанными чулками, девиц, за шоколадку впускающих просителей в «святая святых», безнадежно прошли.

* * *

В шестнадцать пятьдесят красная «восьмерка» Веры припарковалась на автостоянке возле Дома профсоюзов.

Вера открыла дверцу водителя, откинулась на спинку сиденья. Налила себе стаканчик «боржоми». Увидела в зеркале свое отражение: тонкое, тронутое загаром лицо, обрамленное крашеными в каштановый цвет, постриженными в «каре» волосами; под глазами как печать непреходящей усталости – синеватые круги, а кое-где и морщинки, в глазах – неутолимый, лихорадочный блеск. «Все какими-то страстями живем, – припудривая веки и щеки, невесело подумала Вера. – Мне через две недели тридцатник справлять, так нет, все мчимся в вихре борьбы! Пора бы семьей, сыном заняться. В первый класс парень пошел... – Выходя из машины, тяжело вздохнула: – Ладно хоть мама на пенсии, есть кому присмотреть».

Рядом скрипнула тормозами светло-серая «волга». Из машины вышел Андронов. Щурясь от бившего в глаза солнца, поздоровался, подхватил Веру за локоть:

– Через четыре минуты начало. Бежим, Вера Васильевна, опаздывать нехорошо!

– Я целый день все куда-то бегу...

В актовом зале облсовпрофа открылось городское гражданское собрание в поддержку Советов народных депутатов. Трехсотместный зал был забит до отказа. Были тут национал-патриоты, «трудовики», коммунисты, члены Союза офицеров... Первые ряды заняли работники аппарата облсовета, журналисты. Но численное преимущество над всеми имели пенсионеры, ветераны войны и труда с орденскими планками на груди. От места в президиуме Вера отказалась наотрез: «Сколько можно? Пусть народ узнает новых героев». Села в четвертом ряду. Тут же к ней подошли две пожилые женщины, встали в проходе, начали что-то долго и путано объяснять. Их кое-как упростили потерпеть до конца собрания.

В начале выступил Андронов: призвал поддержать Советы всех уровней в конфликте с исполнительной властью, обличал пагубность политического курса правительства. Долго и обстоятельно отвечал на вопросы.

Вслед за Андроновым слово дали Вере.

– Помните телемосты начала перестройки? Тогда в диалогах с американцами наши простые люди отстаивали честь и достоинство страны. Нам было чем гордиться, и Запад признавал наши победы и достижения. Да, Запад признавал, но Яковлевым и Познерам это не нравилось! Действительно, в наследство Горбачеву и Ельцину досталась сверхдержава с мощным научно-производственным потенциалом, несокрушимой армией, многочисленными союзниками. Горе-правителям потребовалось всего несколько лет, чтобы промышленность остановилась, союзники разбежались, армия склонила знамена пред НАТО. На месте великой страны остался кровоточащий обрубок, десятки миллионов русских оказались вне пределов России. По чьей воле это случилось? По злой воле компрадорских московских кругов... Нынешняя Москва – это город, который жадно глядит в капиталистическое завтра!

С задних рядов мужской голос выкрикнул громко:

– Верно! В Москве уже вся реклама, все вывески на латыни!
– Вы правы, – Вера перевела дух; заговорила тише, с затаенным волнением:

– Сейчас легко ругать партию, Сталина, Советскую власть. Морального права ругать отцов и дедов ни у кого из нас нет: они жили в другое время, в другую эпоху. Ругать и хвалить может только история. А она прежде всего учитывает заслуги. Нынешняя президентская рать – это типичные разрушители. Кроме как разрушать и воровать эти людишки ничего не умеют. Структуры, которые им в этом препятствуют, они стремятся упразднить, запретить. Недаром Ельцин спит и видит, как бы «разогнать этот съезд к чертовой матери», навсегда покончить с Советами. Перефразируя Петра Столыпина, можно сказать: им нужна необъятная, бездонная кормушка, нам нужна великая Россия!

«Заведенный» Верою зал то одобрительно гудел, то шумел гневно.

– Слово имеет атаман городского казачьего общества Валентин Медведев!

Тут только Вера заметила Валентина, который вышел к трибуне по боковому проходу.

– Хочу прежде всего разрушить сложившиеся стереотипы, – Валентин говорил без бумажки, твердо и громко. – Первый. Казаки – нагаечники. За подачку с царского стола готовы бить-лупцевать трудовой народ. Второй. Казаки – особая каста, живут своими клановыми интересами. До нужд остальных им нет дела... Кто так думает, тот ничего не знает! Казачество как военно-служилое сословие было ликвидировано в тысяча девятьсот двадцатом году. Семьдесят лет мы жили жизнью всего народа, его бедами, потерями и свершениями. Нынешний казак – плоть от плоти тот же крестьянин, рабочий, врач, инженер. Россия у нас одна. Стоять за нее до конца будем все вместе! Еще. Царям казаки не служили. Служили они России и казачеству. Если и применяли нагайки, то по приказу. – Валентин оглядел зал с острым прищуром. – Мы не за царей, плутократов и олигархов. Мы – за государственников и патриотов, которые не кланяются забугорным «бабькам», не распродают за иудины сребреники нашу Россию. Поэтому мы стоим за Советы!

...Последним выступал высокий седой ветеран. Он не говорил – кричал, багровея:

– Мы на фронтах гибли тысячами в боях с озверевшим фашистом. Под красным знаменем, с именем Сталина! Вон над Кремлем уже не наше красное знамя, а власовский флаг. Ничего, посчитаемся! Быть бы лет на десять моложе, сам взял бы винтовку... Евгений Романович, Вера Васильевна! Ты, атаман! Защищайте народные Советы, как мы Сталинград защищали. На вас вся надежда. Чтобы новые власовцы не пришли...

В своей резолюции собрание безоговорочно поддерживало действия Съезда народных депутатов, Верховного Совета России, требовало от президента и правительства четкого разграничения полномочий между ветвями власти, смены экономического и политического курса, диалога на языке не ультиматумов, а компромиссов...

Глава третья

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

«Восьмерка» Веры догнала идущих по тротуару в сторону реки казаков. Вера открыла правую дверцу:

– Куда путь держите, Валентин?

– В штаб.

– А где у вас штаб?

– На набережной.

– Садитесь, подвезу.

Для трех молодых широкоплечих мужчин салон «восьмерки» был тесноват. Вера рассмеялась:

– Вам только в танке ездить.

– На рынок, – весело подмигнул Валентин.

– Чтобы цены диктовать?

– Конечно. Мы тут тридцатого июля рейд провели, прощупали рыночных торгашей. Шестеро в форме со мной были, семеро – с Сашей Маленьким.

– Это я – Саша, – прогудел с заднего сиденья русоволосый румяный детина.

– Маленький?.. – Вера лукаво покосилась на Сашу.

– Так точно, – подтвердил Валентин. – Я тогда со своими ребятами главный павильон инспектировал. Овощи-фрукты проверил.

– Он их белым платком обтирал: нет ли грязи там, пыли... – поспешил вставить Саша.

– И как? – свернув в проулок, Вера оторвала взгляд от дороги. Валентин достал сигареты и зажигалку; чуть помедлив, сказал:

– Нашли грязь, конечно. Яблоки, помидоры по полу раскатали. «Цены понизить вдвое!» – кричу. А Саша с Андреем в полу-подвал спустились: там у нацменов бизнес по шмоткам. А те дерзить вздумали. Пришлось поучить.

Вера перестала улыбаться.

– Поучили?

– А то! Учили и учить будем. Когда мы «профилактику» проводили, они одно только спрашивали: какие это войска?

– Что это значит?

– В День десантных войск черные на базар не суются. А мы на два дня раньше пришли.

– Наши цены полторы недели держались, – важно заметил Саша. – А за барыг даже менты не вступились, издаля шмон наблюдали. Под занавес фээсбэшники подъехали – на камеру нас снимать.

Машина плавно вырулила к серому двухэтажному зданию. Над крыльцом развевался казачий флаг. Все вышли на мостовую.

– Милости просим, Вера Васильевна, – Валентин простер ладонь к дому. – Заходите к нам на огонек!

Забирая из машины сумочку, Вера сказала с укором:

– Понятно, почему пресса о вашем национализме кричит.

– А, по-вашему, в национализме есть что-то постыдное? – резко спросил второй спутник Валентина, доселе хранивший молчание.

Вера повернулась, смерила его взглядом: короткая «боевая» стрижка, цепкие руки, внимательные голубые глаза.

– Это Андрей, – представил казака Валентин.

– Я только заметила, как журналисты болезненно преподносят все это, – Вера пожала плечами, давая понять, что ей не до острых дискуссий.

– Вот именно! – голос Андрея звенел, как сталь рубящего клинка. – А ведь националист – это человек, любящий свою нацию. Здоровый национализм в каждой нормальной стране уважают. Хоть в Германии, хоть во Франции...

– А в Штатах?

Андрей улыбнулся одними губами:

– Это что, нормальное государство?

Разговаривая, вошли в дом, миновали коридор. Одетый в камуфляж охранник распахнул массивную стальную дверь. Глазам Веры предстала большая квадратная комната: письменные столы, сейф, диван; по стенам – картины, изображающие батальные сцены разных эпох, а также образцы новейшей военной техники; в красном углу – иконы, лампада.

– Здесь наше охранное предприятие, – увлекая Веру в смежную комнату, пояснил Валентин, – называется – «Казачья стража». Охраняем автостоянки, склады. Грузы сопровождаем... Это вот мой кабинет.

Первое, что бросилось в глаза Вере – огромный, написанный маслом портрет Жукова: маршал в двубортном мундире сорок пятого года, при всех орденах, по-орлиному смотрит вдаль, гордо вскинув тяжелый свой подбородок.

– Что, нравится? – вкрадчиво спросил Валентин. – Присаживайся во-от сюда.

Вера уселась в большое старинное кресло; рука ее невольно погладила мягкую черную кожу. Все столешницы в кабинете были обтянуты зеленым сукном; вообще все, что здесь было – от шкафов до бронзового письменного прибора – относилось к сороковым-пятидесятым годам, представляло, должно быть, немалую антикварную ценность.

– Кажется, сейчас войдет сам генералиссимус, – проговорила патетически Вера, – и мы встанем при его появлении.

– Ладно, – Валентин широко раздвинул гардины, – хорош прикалывать. Айда на балкон.

С балкона открывался вид на реку. Виднелись пустынный пляж, дачные домики на противоположном обрывистом берегу, катера и лодки на маленькой пристани. Сентябрьское полусонное солнце нехотя скользило лучами по водному зеркалу, будто разглаживая морщинки неслышно ступающей осени.

– Вот владения наши, – негромко сказал Валентин. Закурил; сквозь табачный дым блеснули глаза. – Издревле здесь казаки селились. Недалеко отсюда батька Ермак Кучума ломал. За Ермаком пращурьы наши пришли – слободы по реке ставить. Много лет было тут пограничье. А теперь опять вот... – Покашлял и –

взволнованно: – Хочешь, пойдём на катере по реке? Эх, красота-а!.. Димку своего возьмешь. Ребятишки такие походы очень уважают!

– Спасибо... – лицо Веры посветлело. – Мы не откажемся.

Закуталось в облака скучное осеннее солнце; редкие лучи его заскользили по серым бетонным плитам набережной, по свинцовым волнам, которые на фоне потемневшего неба казались еще мрачнее. Над берегом, будто злясь на серость неба и холодной волны, одиноко металась две чайки. Они то взмывали в небо, а то, распластав словно лезвия бритв белоснежные крылья, стремительно падали вниз, точно собирались срезать серую муть волны ослепительно блестящей сталью крыла.

Вера оторвала взгляд от реки, стряхнула задумчивость. Повернулась к спутнику – серые глаза Валентина смотрели остро, в упор:

– Этот день кончить так просто нельзя. Хочу поговорить с тобой... Пойдем в ресторан. Я приглашаю!

Вера удивленно подняла брови.

– Для ресторана я не одета. – Покачала головой: – Да и что за повод?

Спустилась на улицу, быстро пошла к машине. Валентин не отставал.

– Повод есть. Ровно десять лет назад мы с тобой познакомились. (Вера вскинула голову, пошла медленнее.) Да, да! Наш цех: ребята, девчонки. На автобусе возвращались со смены... Помнишь день знаменательный тот? В сентябре дело было.

Вера достала ключ, открыла дверцу автомобиля.

– Десять лет – круглая дата... Куда приглашаешь?

– В «Сокол».

– Еще один памятник сталинской архитектуры... А машину я куда дену?

– Сашка на нашу стоянку поставит. Ты подожди пять минут, мы переоденемся.

– Ну настоящ-ащий атаман, – Вера забавно наморщила нос. – Все как есть просчитал!

* * *

Ресторан действительно был образчиком эпохи сталинского неоклассицизма: расписные высокие потолки, лепнина, зерка-

ла. Здесь проводились банкеты в честь заезжих знаменитостей, а «братва» справляла поминки по безвременно почившим соратникам.

Появление Веры и ее спутников (Валентин и Саша были в парадной казачьей форме) вызвало общее оживление. Музыкальная группа тут же исполнила вальс «На сопках Маньчжурии».

Заняли столик в дальнем углу. Подошел лысоватый, с поношенным лицом официант, заулыбался медово:

– Что будем заказывать, господа?

– Шампанского.

– Есть итальянское, венгерское...

– Нехай «новые нерусские» эту шампунь лакают, – угрюмо сказал Саша, – а мы и ноги мыть не станем... «Советского»! А для дамы – «Абрау-Дюрсо».

Вера хотела ограничиться только салатом, но Валентин взял командование на себя, и вскоре все трое сидели за уставленным снедью столом. Саша ловко расправлялся с закусками. Глядя на него, почувствовала голод и Вера: у нее с утра не было крошки во рту.

– А что это вы форму надели? – спросила она Валентина. – Разве можно в форме сюда?

– Вообще-то нежелательно, – разливая шампанское, ответил Валентин. – Но ради тебя можно пойти на все.

– Все заведение всполошили... – Вера с интересом разглядывала Валентина.

Она еще не видела его в форме. Безукоризненно пошитый китель отлично сидел на его ладной широкоплечей фигуре; сапоги, вычищенные до зеркального блеска, поскрипывающие ремни, серебряные погоны сотника, – все это особенно волновало Веру. Она исподволь, пытливо вглядывалась в лицо спутника. Это был не тот Валька, с которым она познакомилась десять лет назад. Тот и не тот. Неуклюжий стеснительный парень остался в воспоминаниях юности. На нее смотрел зрелый мужчина – мускулистый, смелый и пылкий. Не избалованная мужской лаской, Вера чувствовала влечение: хотелось, чтобы он обнял ее, прижал к груди... Ее натура ждала любви. И любовь была рядом – это она ощущала свою взволнованную душой.

Будто прочтя ее мысли, Валентин сказал:

– Где-то читал я, что организм человека раз в семь лет меняется полностью.

Вера рассмеялась.

– Выходит за эти десять лет ты полтора раза сменил себя самого?

– Что сказать? – Валентин прищурился, вспоминая былое. – Пожалуй, последние годы меня изменили. Если тебе прежняя власть дала кое-что, то уж мы реализовать смогли только при этой... Нет худа без добра, как говорится! Ведь раньше как было? Партия сказала: «Надо!» Надо назначить: Веру Васильевну – депутатом, Соломина – начальником цеха, Боровских – цеховым агитатором. И назначали: того – кесарем, этого – слесарем. Ну какие при «руководящей и направляющей» могли быть казаки, атаманы?.. Ха!

– Во многом ты прав, – согласилась Вера. – Я потому только верю в будущее новой России, что для смекалистых, предприимчивых должен простор появиться. Это для западных умников похуже «красной угрозы»! Возмутили болото, а тут, глядь, родники забили со дна...

Спихватилась, почувствовав неуместность сказанного. Коснулась руки Валентина, виновато проговорила:

– Видишь, куда понесло? Теперь скажи: какой интерес водить меня в кабаки?

– Пойдем танцевать.

Вышли к эстраде. (Там уже резвился Саша с какой-то высокой темноглазой девицей.) Во время танго Вера спросила:

– Ты сейчас где живешь?

– Здесь, в центре. Квартира двухкомнатная. Уже три года один.

– Три года! – громким шепотом воскликнула Вера. – Неужели вы с Галей так давно развелись?

– Да, официально. Ее ведь как сделали комсоргом завода, так – от винта! Кроме плейбоев комсомольских она и знать никого не желала. Куда они, райкомовцы, туда и Галя. Четыре года друг друга мы мучили.

– Прости за нескромность. Ты по любви женился?

– Что говорить! Когда ты замуж вышла, я с год еще ждал: может, не поживется вам, разбежитесь... Ждал, а отчаяние грызло! Потом вижу: ты – мама. Ну, и...

– Ладно, пойдём... Выпьём!

Вера медленно тянула шампанское, поглядывала на Валентина из-за края фужера. Галя Карпова, веселая брюнетка с ладной фигуркой, когда-то была ее подругой и до замужества Веры Валентин никогда к Гале интереса не проявлял. Вот так – наспех – поженились, четыре года прожили, разбежались... К чему?

Сейчас Галя замужем за бывшим секретарем горкома комсомола, составившего в перестройку начальный капитал на деятельности организованной им в городе под эгидой горкома сети видеозалов. Вера слышала также, что он недавно открыл так называемый частный экономический арбитраж-аудит... Валентин холост. Ни семьи. Ни детей. Казачий «батька». Жизнь не очень-то сладкая. (Вера смаху стукнула фужером о стол, тряхнула головой бесшабашно.) А ее жизнь? Восемь лет живет с Вадимом – и до сих пор непонятно: надо ли было это все начинать?..

Подали горячее. Валентин и Саша, извинившись, оставили Веру – «на пять минут». Она чистила ножичком апельсин, улыбалась рассеянно, когда официант принес на подносе вчетверо сложенную записку.

– От кого?

Официант глазами указал на столик в другом углу зала, где расположились двое мужчин. Один, обритый наголо, помахал ей рукой. Другой безучастно разглядывал потолок. Вера развернула записку: «Вы мне очень нравитесь. Пожалуйста напишите свой телефон». Скомкала листок, бросила в пепельницу.

Явился Валентин с букетом великолепных роз. Подавая цветы, склонился к руке. (В зале женщины как по команде повернули головы.) У Веры нежно заблестели глаза, задрожали губы, ресницы.

Валентин сделал усилие, чтобы не казаться смущенным. Сказал весело:

– Десять лет – десять роз. Девять тебе, одну мне на память.

– Спасибо. Ты знаешь...

– Всем привет! – К столику подошел бритый субъект, приславший Вере записку. Ослабилась, блестя фиксой: – Я присяду.

Выставил бутылку шампанского; не сдирая с губ ухмылки, заговорил:

– Казаки... Крутые ребята! – Принялся откупоривать бутылку.

– Мы тут с другом. Хотим выпить за наше здоровье.

- Это который – твой друг? – неприязненно спросил Саша.
- А вон – в углу... Вахид.
- Этот черный?
- Слушай, зачем так? – бритый перестал улыбаться. – Обижает!
- А что, белый, что ли? – Саша отодвинул подальше фужеры.
- Чечен?
- Бритый убрал бутылку.
- Пойдем, атаманы, покурим. Разговор есть.
- Казачки встали из-за стола.
- Кто это? – тихо спросила Вера.
- Это Мясник, с Заозерья, – спокойно, но с ноткой досады сказал Валентин. – Подожди здесь, мы скоро.
- Мясник состоял бригадиром заозерской «братвы». Валентин и Сашка как-то раз имели с ним дело – на «стреле» прошлым летом.
- Втроем спустились в курилку. Там уже поджидал Вахид.
- Телку вашу мы знаем. К ней у нас пока нет вопросов. – Мясник затушил окурок носком башмака, мягко, как кот, приблизился к Валентину. – А вот к мужику ее есть.
- Что?
- Должок за ним.
- Как там мужик, мне дела нет, – нахмурился Валентин, – а с Вериней головы чтоб ни один волос... – Пошел из курилки, обернулся в дверях: – Ты нас знаешь.
- Вернулись в зал. Вера пила шампанское, блестя расширенными глазами. Вышла из-за стола, чуть запнулась.
- Я, кажется, пьяна... Пойдем танцевать?

* * *

Из ресторана возвращались на Вериной машине, за рулем сидел Саша. Вера смеялась, вспоминая смешные истории, прижимала к груди подаренный Валентином букет. Валентин поглядывал на обтянутые черной лайкрой колени Веры, отвечал рассеянно, невпопад.

– А куда вы меня везете? – закрывшись от Саши букетом, вкрадчивым шепотом спросила Вера.

– Поедем ко мне? – Валентин коснулся губами ее уха, задышал жарко.

Вера наклонилась к окну, подставляя под холодную струю воздуха раскрасневшееся лицо. На душе было необычайно легко, а мысли путались, ускользали.

– Уже поздно... – еле слышно пролепетала она.

Валентин помрачнел, заиграл желваками.

Машина остановилась во дворе незнакомого дома. Глухо работал мотор, по лобовому стеклу враскачку двигались «дворники» – начинал накрапывать дождь.

– Поехали на Гоголя, Саня, – ломко, будто через усилие, сказал Валентин.

Вера глубоко вздохнула. Волна нежности наполнила душу, туманила разум. Она положила ладонь на погон Валентина, придвинулась и залепетала:

– Прости... Сегодня все было так хорошо... Я все вспомнила, не хочу ничего забывать! Веришь?.. А сегодня мне хорошо... Разве лучше бывает?

Подъехали к Веринуму подъезду. Она поцеловала Валентина в щеку, не отпуская его руку, сказала:

– Скоро мой день рождения. Приглашаю. Придешь?

Валентин вывел ее из машины, открыл дверь подъезда.

– Приду...

...Мать Веры просидела весь вечер с внуком и не спала. Затворяя замки, недовольно косилась на дочь. Полуночнице спать не хотелось: ходила по квартире, оставляя где попало одежду, серьги, часы. Зашла к сыну, пригласила упрямо торчащие вихры.

– А где Вадим?

– Вечером заезжали с этой... Ольгой. Сказали, командировка, дескать, у них. Командировка...

Вера, как придавленная, опустилась в кресло, уронила безвольно руки: «У них, значит, командировка. А я-то... Не готова к любви? Десяти лет было мало. Ах, дур!..»

Глава четвертая

КОТТЕДЖ

За спиной жены-депутата Вадиму жилось вольготно, легко. Другую опору он нашел в Ольге, которую давно обожал. Когда-то они отыскивали неплохой выход из, казалось бы, патовой ситуации.

Проявив недюжинную настойчивость, Вадим «увел» девочку у Валентина, который долго не решался предложить Вере «рай в шалаше». (Такая юношеская щепетильность ему дорого обошлась: после Вериной свадьбы долго ходил сам не свой.) Ольга за Лыскова вышла исключительно по расчету: к тому времени он был заведующим отделением городской психушки; для него брачный союз с Ольгой стал вопросом престижа. Эти «странные» браки укрепили альянс между Вадимом и Ольгой: материальные, жилищные их проблемы «сами собой» разрешились, можно было смело реализовывать себя в новой жизни. В конце восьмидесятых Вадим и Ольга заложили фундамент их финансовой независимости: открытый ими кооператив «Интерфейс» (видеопрокат, видеоигры) за три с лишним года дал изрядную прибыль. Решили было не таиться, разорвать тяготящие мезальянсы, законно оформить свой брак. Но... Веру опять выбрали депутатом – на сей раз демократического, ельцинского парламента – и Вадим, скрепя сердце, отринул мысль о разводе.

Если мужчина вполне способен длить свой карьерный рост лет до семидесяти, как Гинденбург или Рейган, то относительно женщины уже годам к двадцати пяти можно вполне определенно сказать – состоялась она как личность незаурядная, «звездная» или жизнь ее – удел большинства. В этом смысле Вера, по общему мнению, реализовалась сполна. А планы Вадима – великий поход за деньгами и властью – только лишь начали осуществляться.

Так и жили: Вадим и Ольга – коммерцией, волнующим ощущением тайн их страсти, Лысков – карьерой (стал главврачом лечебницы, а также сопредседателем областного отделения Движения демократических реформ), Вера... Груз доставшихся ей проблем был куда как велик, и она не хотела, чтобы на ее плечи упал «довесок» Вадимовых «тайн»: неровен час – придавит! «Или любить, или маёрить, – говаривала давняя приятельница Веры Римма Колотыгина. – Маёрящим бабам любить недосуг».

...Разбрызгивая грязь луж, черный «мерседес» летел за город. Предстояло «обмыть» недавно выкупленный Ольгой у разорившегося коммерсанта почти готовый коттедж. Желая потешить подругу, Вадим лихо вел авто («жучек», «москвичей» и прочую мелочь легко оставили за кормой), насмеялся над Лысковым, который не ведал еще, что он «третий после нас владелец хорм». Ольга всю дорогу курила, усмехалась как-то странно.

Двухэтажный, похожий на маленький замок особняк стоял на песчаном взгорке, в бору, в стороне от рассыпанных по низине дачных домиков советской постройки. Это было сооружение из красного кирпича с двумя башнями по углам и треугольным фронтоном. На огражденном металлической решеткой участке помещались баня, теплица; перед фасадом разбит был цветник. Вадим загнал свой «трехсотый» в гараж, устроенный внутри первого этажа, и поспешил вслед за Ольгой в «хоромы».

Мраморная, с отделкой из бронзы лестница вела на второй этаж – в гостиную, столовую, спальни.

– На первом этаже, кроме прихожей, еще кухня, комната для гостей, санузлы, – поясняла Ольга.

– А здесь?

– Бильярдная. В мезонине мой кабинет. В гостиной – видишь? Камин!

– Да-а, – Вадим ходил по комнатам, трогая то подоконник, то отделку панелей. – Попа надо сюда – освятить.

– Еще чего! – стуча каблучками, Ольга метнулась вниз. – Пойду, дверь закрою.

Вадим пошел в столовую. Там, на журнальном столике, выстроилась батарея разнообразных бутылок – спиртного было на добрую свадьбу.

– Ого! – Вадим радостно потер руки. – Неплохо, неплохо...

– Открой шампанское, – велела Ольга.

Вадим ловко откупорил бутылку, наполнил фужеры: «С новосельем!» Ольга потушила свет, привалилась спиной к столу. Тянула Вадима к себе, впиваясь ногтями в плечи: «Ну, скорее!..» Вадим не привык к такой спешке – кое-как задрал ей юбку, неловко спустил колготки. Озадаченный экспансивным нетерпением Ольги, принялся за дело без вожделения. Стол был низковат, Вадим широко расставил ноги, напрягал поясницу. (Подумал с досадой: «Хоромы эти, что ли, ее так возбуждают?») Утолив первое желание, проворчал: «Пожалуйста на диванчик, мадам!» Она перевалилась на бок, выскользнула из-под него; оправила юбку, включила торшер. Покамест Вадим дрожащими руками застегивал пуговицы, Ольга успела дотить бутылку. Расширенными глазами уставилась на Вадима, хрипло расхохоталась:

– Ну, чего смотришь? Деловым людям по-быстрому трахаться надо... – Взглянула на часы, спохватилась: – Я на кухню, закуску

готовить. А ты стулья сюда принеси!

Спустя четверть часа в прихожей задребезжал колокольчик. Ольга привела в столовую двух гостей – мутноглазого наголо обритого мужика и сухонькую девчонку в вытертых джинсах: «Это Коля. А это – Светлана». Коля, ни слова не говоря, хозяйски придвинул тарелки, принялся за еду. Ольга суетилась, подкладывала закуски:

– Выпьешь с нами? Что, как всегда?..

– Я сам, – Коля налил себе полфужера водки. Выпив, обернул губы ладонью; скосил на Ольгу глаза, усмехнулся едко: – Ну, пойдем.

– Вадик, развлеки Свету, – с ноткой досады, как показалось Вадиму, сказала Ольга. И, наклонившись, шепнула ему на ухо: – За мной не ходи. Я недолго.

Вадим остался с глазу на глаз с незнакомой девчонкой. Она молча курила, сама наливала себе коньяк, ловко обдирая бананы. Чтобы не скучать, Вадим приналег на «северное сияние» (две части шампанского, сверху – одна часть коньяка); Света его поддержала. Полчаса спустя Вадим уже «травил» анекдоты, гладил ее худое колено, – девчонка уставилась на него, будто всасывала; от коньяку зрачки расширились во весь глаз.

Когда Света пошла в спальню, Вадим, прихватив бутылку, поплелся за ней. На деревянной двуспальной кровати не имелось ничего, кроме матраца. Пьяно чертыхнувшись, Вадим улегся лицом к стене и тут же заснул.

Среди ночи он почувствовал подле себя чье-то движение. Встрепенулся спросонок, вытянул руки, шаря впотьмах. Кто-то стащил с него брюки, гладил грудь и живот, щекоча ноготками. Вадим попытался привстать – его рот прикрыла маленькая ладонь, влажные губы целовали сосок. «Кто? Чего надо?!» – Нетрезвый мозг кое-как восстановил происшедшее. Вадим заворчал, лягнул, спихнув девчонку с кровати. Нашарил в изголовье шампанское, хлебнул из горлышка: его жутко «давил сушняк». Перевернулся на другой бок, опять было захрапел, но вскоре последовало еще одно странное пробуждение.

Оно наступило от некоего сладостно-щемящего чувства. Мягкие губы, подвижный язык обихаживали низ Вадимова живота, подбираясь к месту, которым овладели уже цепкие пальцы. Вадим задергался – тщетно: руки и ноги его были скручены и

привязаны к боковинам кровати. Вадима обуял страх: замычал, как бык на бойне. Лязгая зубами, спросил:

– Ты кто?

– Да я это, Света, – она ласково прошептала это ему на ухо.

– Ну вот, с перепугу упал... Дурачок!

Она еще долго «работала» с ним; потом села сверху, начала раскачиваться, всхлиывая, вздыхая. Вадим замер, как в гипнотическом сне: в темноте смеющимся пятном белело ее лицо, большие немигающие глаза, приближаясь, пугали лихорадочным блеском...

Наутро Света и Коля исчезли столь же таинственно, как появились. Вадим повез Ольгу в город. Сказывались тревожные бурной ночи: резко дергал рычаг, маневрировал неуклюже. Ольга молча глядела в окно. Она была без макияжа, и Вадим впервые заметил, как подурнела эта некогда «знойная» женщина: под глазами сетка морщин, на шее дряблые складки, над верхней губой мелкими черными волосками пробивались усы... В душе Вадима шевельнулось злое чувство – перед кем благоговел столько лет? Давно пора подобрать «телку» попокладистой, помоложе.

– Ну что, – спросил грубо, – Коля под залог тебя отпустил?

Ольга поморщилась как от зубной боли.

– Вот именно, под залог. Свердловский долг до сих пор не отдали! Срок нам теперь, Вадик, – неделя.

От неожиданности Вадим едва не выпустил руль.

– Свердловский?.. А ты разве не рассчиталась?

Ольга отвернулась к окну, нервно зевнула.

– Рассчиталась... Наполовину.

– Да ты что?! – возмутился Вадим. – Они ж сюда бригаду пришлют!

Ольга усмехнулась, не спеша зажгла сигарету.

– Конечно! Через неделю.

– Через неделю! – внутри у Вадима все ходило ходуном, страх и злость распирали. – Почти сто «лимонов»...

– Ничего, – Ольга выпрямилась, значительно поджала губы, – Коля поможет.

– Коля... Вчерашний?

– Ну да. Не узнал его? Это ж Мясник.

Она устало откинула голову, опустила ресницы.

– Ну настоящий мясник. Всю ночь меня по-тюремному трахал, разворотил внутри все, каз-зел!.. Пришлось терпеть: дело дороже.

Вадим залился гомерическим смехом.

– Дело?.. Ну, ты даешь. – Презрительно фыркнул, покрутил головой. – Дела через это место захотела решать? Это с Мясником, с бандюками? Ох, жаль мне тебя.

Ольга молчала, кусая губы. Когда «мерседес» вырулил к ее элитной пятиэтажке, повернулась, повернулась к Вадиму, отрезала хрипло:

– А себя тебе не жаль? Погоди...

Отъезжая, Вадим увидел: пряча мокрые глаза, Ольга комкала смятый платок.

Глава пятая

«ЗА БОЛЬШЕВИКОВ АЛИ ЗА КОММУНИСТОВ»?

На посту первого секретаря горкома КПСС Евгений Романович Андронов, благодаря веяниям перестройки, пробыл пять с половиной недель. Разгром ГКЧП и последовавший за этим разгон партийных организаций положили конец его партийной карьере. Это, однако, не выбило Андропова из «обоймы». Взамен выбывшего депутата его избрали в областной Совет, а еще через год он стал его председателем. Избиратели, которым осточертели «реформы», в зубах навязли Ельцин с Гайдаром, депутаты-хозяйственники, разочарованные неуклюжими действиями старых лидеров в начале «прихватизации», охотно отдали за Андропова голоса. В свое время Андронов окончил Академию общественных наук. Он имел свое мнение на начавшиеся реформы и умело отстаивал его; в отличие от главы администрации области, не боялся выходить на многолюдные митинги – словом, снискал популярность.

Ругань, угрозы доморощенных демократов Андропова не пугали. На собрании «демократической общественности» города он сказал: «Комиссарить вам, господа, ровно столько, сколько еще отмерено до окончания «прихватизации». Вы сейчас в роли активистов комбедов, которые нужны были до той поры, пока

было кого раскулачивать».

Андронов хорошо понимал, что над Советами занесена большая президентская дубина. Он делал все, чтобы расширить круг сторонников законодательной власти. С этой целью была организована встреча с казачьим атаманом.

В кабинете председателя облсовета Валентин пробыл недолго. Он передал Андронову проект недавно разработанной концепции возрождения областного казачьего общества.

– Почитайте, Евгений Романыч. Вернется наш областной атаман из Москвы – обсудим.

Андронов отложил документ на угол стола. Помедлив, сказал:

– Многие наши не ожидали, что казаки заступятся за Советы.

– Многие ваши истории не знают совсем. Для них внутренний враг – главный враг. Кошечевые да Нагульновы – вот герои! Бей своих, чтоб чужие боялись. – Валентин собрал свои бумаги, в сердцах захлопнул папку. – Брат на брата, сын на отца. Романтика!

Андронов взглянул исподлобья, с прищуром:

– Гайдар с командой народ до нитки ограбили. Что ж, в ножки им кланяться?

– А вот это нас с вами объединяет. Холуям дяди Сэма пора раздать по кайлу! Но ведь вы, как до власти дорветесь, опять начнете лупить и чужих, и своих. Глядишь, и нас, рабов Божьих, в овраг поведете.

Андронов щелкнул пальцами, улыбнулся.

– Ну, это ты переборщил. А надо, знаешь, поговорить по душам. Не только на местах – и в Верховном Совете о казаках мнение неоднозначное.

Валентин поднялся.

– По душам – это можно. Как-никак, в одном цехе работали. В субботу приглашаю на рыбалку. Вернее, рыба будет наловлена, баню протопим. Я на место выезжаю в четверг. – Взял карандаш, бумагу, склонился над столом: – Вот схема, как в эту деревню проехать...

* * *

По окончании ремонта казаки захотели непременно освятить здание штаба. На освящение Валентин пригласил девяностосемилетнего иеромонаха Ермогена.

Отец Ермоген, чуть сутулый, широкий в кости старик, свершал обряд неторопливо и деловито: мерно ступая, ходил по комнатам, кропил стены, окна; хриповато, но четко читал молитвы. Сопровождавший Ермогена молодой священник помогал монаху, не всегда успевая за ним. В одной из комнат закипал начищенный до блеска старинный двухведерный самовар.

– Настоящий? – с любопытством спросил священник.

– Настоящий! – весело подтвердил Саша. – Только мы дооборудовали его. – И он ловким жестом выдернул вилку электрошнура из сети.

Помолившись, сели за стол. Пили чай с баранками, с медом, говорили о старине.

– Скажите, батюшка, – спросил Ермогена Андрей, – давно вы в монашестве?

– С пятнадцати лет в послушниках, – старик дружелюбно оглядел казаков из-под седых клочковатых бровей. – А монахом – с девятьсот шестнадцатого...

Казаки переглянулись. Переставляя стулья, придвинулись ближе.

– Стало быть, еще до революции, – Андрей заблестел глазами, широко улыбнулся. – Чего только ни повидали!

– Отец Ермоген пятнадцать лет отбыл в лагерях, – проговорил поспешно молодой иерей. – Его за веру терзали и мучили.

– Расскажите, батюшка, как жили тогда монахи, – попросил Валентин.

– Монастырь наш был под Харьковом. – Отрешенный взгляд бесцветных глаз старика будто пронизывал отодвинутую в вечность даль отжитого. – Большой монастырь, старинный. Стоял долго: только в тридцатом году закрыли его. Жили мы работой, молитвой, постом. Земли, скота у монастыря было много. Работали все от зари до зари – и послушники, и старые монахи. Старых-то куда больше было: доживали до девяноста, до ста лет – без немощи, без болезней. Иному уж девятый десяток, а он бежит на колокольню как мальчик, только борода развевается!

– До ста лет... – Саша шумно вздохнул. – Аж до ста лет!

– А чем вас кормили? – поинтересовался Андрей.

– Мяса мы вовсе не ели. Только после Великого поста давали вот по такому кусочку. – Монах выставил корявый мизинец. – Рыбу?.. И рыбу редко вкушали. Зато постная пища была самая

разная. И готовили ее всем на удивление! Заезжал как-то к нашему игумену один граф. Игумен его на обед пригласил. Так удивлялся потом граф-то: мои-де повара в сравнении с вашими, монастырскими – подмастерья!

– Ну, а в тридцатом году – что было? – нетерпеливо спросил Андрей.

– А что было? Выгнали всех нас из монастыря, пошли мы куда глаза глядят. Я еще семь лет по монастырям, по скитам глухим походил. А в тридцать седьмом забрали, на север, в лагеря повезли. В пятьдесят втором выпустили – опять в монастырь пошел.

– Весь век – монах... – задумчиво проговорил Валентин.

– Батюшка, а были в лагерях такие монахи, которые отрекались от веры? – громко спросил Андрей.

Отец Ермоген взялся за наперстный крест, сказал твердо:

– О таких монахах не слышал и сам таких не видал.

* * *

Проводив отца Ермогена, Валентин собрал атаманское правление. Не успели начать заседание – явился с докладом дежурный.

– Господин атаман, к вам Александр Владимирович Лысков. Просит принять.

Листая ежедневник, Валентин помедлил с ответом. Потом быстро убрал в стол бумаги, усмехнулся недобро:

– Введите!

Вошел Лысков. Увидел за длинным столом хмурых казаков в камуфляже, смущенно замялся у двери.

– Садитесь, – сухо предложил Валентин. – Что скажете?

– Я по делу, – Лысков присел на стул в дальнем конце стола; озираясь, облизнул губы: – Курить можно у вас?

– Нельзя! – Андрей указал глазами на красный угол. – Видите: святые иконы.

– Тут у вас не только иконы, – Лысков преодолел растерянность, обрел обычный самоуверенный тон. – Вон красный маршал висит.

– Ну, а Жуков чем плох? – спросил Андрей. – Он, кстати, был верующий человек.

– Так ведь это как посмотреть... Петербуржцы, к примеру, его

зело не любят. Вспоминают, как в сорок первом народное ополчение бросил под немецкие танки, а кадровые части в резерве держал, берег.

– Странное у вас представление о резерве, – насмешливо проговорил начальник казачьего штаба, немолодой подполковник запаса. – Выходит, на необстрелянных в разгар сражения вся надежда? Вместо Жукова туда вашего бы Грачева. Уж он бы поучил воевать!

– Ладно, давайте по делу! – перебил Валентин.

Лысков осмелел, заговорил степенно:

– Я только что от полномочного представителя президента. Он удивлен. Что же это получается, казачки? Выходит, вы – за Советы, за коммунистов? – Достал из кармана смятый листок. – Вот что на собрании в поддержку Советов атаман ваш сказал. Цитирую...

Слушая непрошенного визитера, Валентин прошелся по кабинету. Подумал: «Ишь, всполошились демократы-то. Значит, скоро начнется...»

Да, Лысков ничего не делает просто так. До восьмидесят восьмого года о нем мало кто знал. А с восьмидесят восьмого, когда стало «все можно», демократы Ярска обрели в лице Лыскова неистового правдборца. Газетные статьи, пресс-конференции и пикеты, приемы «отцов русской демократии», гастролировавших по Сибири, бешеная борьба за голоса «электората» на выборах, референдумах – все это стало делом жизни Лыскова. Поддержка Москвы позволяла ему ногой открывать двери губернских кабинетов. Одно угнетало: если раньше форумы демократов собирали две-три сотни людей, то после гайдаровских экспериментов число приверженцев Ельцина поубавилось. Демократы принялись назойливо теревить казаков, требуя публичной поддержки «реформ».

Выслушав из уст Лыскова стенограмму собственной речи, Валентин негромко сказал:

– Во-первых, мы для вас не «казачки». Таким словом раньше знаете кого называли? Жупелом коммунизма тоже зря страшаете. Что Советы, что вы – сплошь бывшие коммунисты и комсомольцы. – Положил руки на поясной ремень, подошел к Лыскову вплотную. – Мы не за тех, кто много болтает. Мы за государственных и патриотов.

– Это все демагогия, – Лысков досадливо отмахнулся. – Чтобы любой ценой повернуть на старое, Хасбулатов с Руцким сочиняют про нас небылицы. Они сами такие же западники, как Бурбулис и Гайдар. О другом поразмыслите лучше. Вы – репрессированный народ. Сколько казаков в Ярославском отделе?

– Более тысячи, – ответил начальник штаба.

– Тысяча! Это сила. А по России?.. Нет, вам с коммуняками не по пути. Новый парламент обязательно примет закон о казачестве. Вернут вам ваши льготы, права...

– Новый парламент?.. – Валентин пристально посмотрел на Лыскова. – Это как понимать?

– А так!.. – Лысков явно смутился. – Старый парламент такой закон не примет, можете не надеяться. Назрел вопрос об упразднении этого прокоммунистического съезда!

– Что ж вы предлагаете? – Усмехнулся Валентин. – Съезд разогнать?

– Я предлагаю крепко подумать, – Лысков поднялся. – Чтобы когда дело дойдет до разборок, вы не оказались по ту сторону...

– Ну-ну.

– Представителя президента также интересует, какие выводы будут сделаны вами после сегодняшнего разговора.

...Лысков удалился. Члены правления шумно заспорили, принялись ругать и демократов, и коммунистов. Валентин с маху опустил кулак на столешницу:

– Без дискуссий! Что здесь непонятно? Желают знать – за кого мы: за правых, за левых? Не получается никак – посередине...

Глава шестая

БАНЯ

Хотя дел было невпроворот, Андронов принял предложение Валентина и рано утром в субботу на своей «ниве» выехал в деревню.

Свернув с большака, Андронов долго колесил в серпантине дорог, что вели к многочисленным селениям, раскиданным вдоль реки. Везде он видел одну картину: немногочисленные комбайны на хлебных полях, изрядно поредевшие стада, брошенные, разграбленные фермы и междворы. Деревня, где жила родня

Валентина, была некогда богатым волостным селом, славилась своими ярмарками (по реке тогда свободно ходили пароходы и баржи), величественным белокаменным храмом, что строился по указу сомой Екатерины Великой. Коллективизация и Вторая мировая обескровили село; оно потеряло бывшее значение. Только грибы-ягоды да рыбалка влекли сюда горожан.

Валентина Андронов застал за починкой крыши деревенского дома. Оставив машину у палисадника, председатель облсовета принялся подавать наверх кровельные листы, гвозди. Через четверть часа дело было сделано, и Валентин повел гостя в баню.

Баня, старая, но добротная, стояла на краю сада, в окружении отягощенных ранетками яблонь. Раздевшись, Андронов долго сидел на полке, вдыхал особенный банный дух – пар с ароматом сосны и березы.

– Ух, добро! Прогрелся. – Андронов спрыгнул с полка, взялся за веник. Хлестал потихоньку, с оттяжкой. Валентин охаживал себя также вполсилы.

– Ну, Валентин... – Андронов, тяжело дыша, взялся за ручку двери. – Пойдем, глотнем воздуха!

Распаренные, оба вывалились в предбанник.

– Это не сауна задрипанная, – Валентин ухмыльнулся. – Наша баня не для горячих финских парней.

– Да-а, – Андронов щурился благодушно. – Пить охота.

– А вот, – Валентин достал из-под лавки деревянный бочонок.

– Испей, Евгений Романыч! На доброе здоровье.

Андронов плотно обхватил прохладный бочонок. Пил долго, не в силах оторваться. Отдулся, заулыбался:

– Ого!

– Не какая-нибудь прегнусная кока.

– Ну, атаман... Скоро стану славянофилом!

– Ты-то? – Валентин недоверчиво покачал головой.

– Я-то. Мы ж патриоты.

– Патриоты?.. М-да. – Валентин закрыл пробкой бочонок. – Тогда скажи, Евгений Романыч: а как вы, коммунисты, намерены совместить патриотизм с вашим священным интернационализмом? А?

– Ладно, – Андронов поежился зябко, – после поговорим!

По второму разу хлестались вениками не на шутку. Валентин без усталости поддавал пару. Андронов не выдержал, слез с полка.

– Ну, даешь пылу-жару... Кто баню-то строил?
– Батя мой с дядькой. Дядька и печку сложил.
– А в бочонке что у тебя?
– Квас. Ха-ха! Не пил такого?
– Забористый.
– Так ведь на хмелю, с тертым хреном. А можно и с редькой.
– Уфф!.. Хорошо быть русским. – Андронов отбросил веник, окатился холодной водой из ковша.

– На Кавказе говорят: нет ничего лучше чистого русского, – заметил Валентин. – «Чистого» – это значит ни в чем не замазанного. В чем беда России? В продажности власти. Наши мздоимцы чиновные – это не русские. Они интернационалисты: нацменов за взятки льгуют, а с русского мужика семь шкур обдирают.

– Кто квас-то варил? – Андронов явно хотел сменить тему беседы.

– Бабушка Ульяна готовила. У нее рецепт старый, от матери... Ты еще окатись, Евгений Романович, а то волосы уж трещат. – Валентин подал Андронову полный ушат холодной воды. От прабабушки, говорю, квас. Вещь полезная! Еще думаю: вот бы наладить широкое производство.

– Ну и скажут: Медведев, мол, квасной патриот.

– А, нехай! Демократы хоть все американское хвалят, сами, небось, харчи наши жрут. Слышал? Гайдара спросили: «Какое ваше любимое блюдо, Егор Тимурович?» – «Пельме-ени...» По-годи, скоро начнем кампанию по бойкоту иноземных товаров!

Растираясь полотенцем в предбаннике, Андронов сказал:

– Гляжу на вас, казаков. Самоуверенные ребята.

– Мы-то? – Валентин натянул кроссовки, притопнул. – Мы не самоуверенные. Мы верующие. – Улыбнулся: – Верим в Господа нашего и в то, что добьемся своего с его помощью сами.

– То-то! От властей куда не ждете.

– Не ждем. Наследникам Свердлова-Троцкого казачество – что дробина в глазу. Ха! Станут они нас возвышать...

– На что же надеетесь?

– Жизнь заставит с нами считаться. Когда-нибудь все поймут: надо возрождать сильное государство. Германия – добрый тому пример. На чем она после войны поднялась? На национальной идее!

– Кто ж с янки конфликтовать осмелится? – Андронов густо

заулыбался. – Они теперь для всех вроде как эталон.

– Американцы-то? Да мы их до «путча» можно сказать любили! На фильмы ихние рядами-колоннами шли. Помнишь, Евгений Романыч? Кто и когда их ругал? Ни один простой человек в те годы американца за врага не считал. Сейчас говорят: мы в «холодной войне» проиграли. А кто из нас со Штатами воевал? Ты? Я? Кто «холодную войну» вел? Только госбезопасность да лекторы-международники с «загнивающими» бодались. – Валентин поднялся с лавки, отворил дверь предбанника. (Из сада и со двора разлился аромат цветов, созревших яблок, свежего сена.) – Я уже тогда думал: отчего наши вожди такие непримиримые? Ведь в сказку о правоверных ленинцах никто уж не верил. Ну и какая была между ихними и нашими «шишками» разница? – Развел руками. – Как сейчас видим, вообще никакой.

Пока шли к дому, Андронов молчал. На крыльце обронил:

– Неспроста Иосиф Виссарионович говорил, что с распространением социализма классовая борьба должна обостряться. Захребетники горбачевские давно-о мечтали к политической власти прибавить власть кошелька.

– Виллы, коттеджи безбоязненно строить. «Зеленью» на Канарах сорить.

* * *

Вошли в дом. В прихожей их ждали тетка Валентина – Людмила, дородная круглолицая женщина, и бабушка Ульяна – строгая сухонькая старушка лет семидесяти пяти. Пока мужчины разувались, потолковали о погоде, об урожае. Андронов узнал, что пожилые женщины живут вдвоем, так как Людмила несколько лет назад овдовела, а единственная дочь ее учится в Ярском пединституте.

– Эх, грузди-то нынче, Евгений Романыч, – Валентин растопырил пальцы, будто желая обхватить мифический гриб. – Бросай дела, выбирайся к нам в бор!

– Ну, соловья баснями не кормят! – тетя Люда оттеснила мужчин на порог горницы.

Посреди горницы стоял круглый, под белой накрахмаленной скатертью стол. На столе Андронов увидел свежие ярко-красные помидоры, особым образом порезанные и обложенные изумрудной петрушкой, малосольные пупырчатые огурчики, золоти-

стые рыжики, сбоку, на трюмо, высилась пышная краюха деревенского хлеба, рядом стояли поднос с пирожками, ватрушками, ваза с крепкими уральскими яблочками. Сели за стол. Людмила вынесла две тарелки ухи, баба Уля – полную сковородку жареных карасей.

– Уха – из налима, ерша, окуньков, – глядя на покрасневшее лицо Андропова, весело заговорил Валентин. – А карасик по купеческому рецепту зажарен. Не слыхал?.. Ну, это просто. Ловим карася, запускаем в ведро с молоком... Да, живого! Через полсутки достаем карася, жарим. Сверху сыплем зеленый лучок...

– Ох! – Андронов с интересом разглядывал яства.

– Это тебе не забугорные финтифлюшки: чипсы, гамбургеры, «ножки Буша»... Тьфу! Не к столу будет сказано. Никто не заставит меня это есть.

– Мм-да, – Андронов взялся за ложку. – А нынче что продают? Бренды на этикетках советские, а раскусишь начинку-то – дрянь! Чего кладут, по каким стандартам? Все, давно все не то...

– Евгений Романыч! – остановил его Валентин.

Андронов поднял глаза – и обомлел: баба Уля держала бутылку, на сургучной пробке которой красовался царский двуглавый орел.

– Благодарим, Евгений Романыч, за помощь, – сухонькой рукой баба Уля поправила платок. – Покушайте нашего домашнего. Чем богаты.

Все, кроме Андропова, помолились на образа. Евгений Романович поднялся, поблагодарил женщин. Выпили. Гость засучил рукава ковбойки, с удовольствием принялся за уху. Подцепил ложечкой половинку крутого яйца, прожевал. Спросил удивленно:

– Что это?

– Яйцо. А вместо желтка – икра щуцы.

– Ах, искусники-искусители... Водку-то царскую где раздобыли?

– Это мне от мамы досталось, – баба Уля обтерла губы концом платка, приосанилась. – От кого нам помощь, тех потчуем.

– Ну, за такое угощенье век готов помогать, – засмеялся Андронов. – Спасибо, женщины дорогие.

– Эх, Евгений Романыч! Еще и не ели, а уж – «спасибо». –

Покачала головой тетя Люда. – Мы вот сейчас блины подадим. И еще пирог...

Женщины встали из-за стола, ушли на кухню.

– Да куда ж это... – растерянно пробормотал Андронов. – Валентин, нам столько не съесть!

– Надо, Евгений Романыч, – Валентин заговорщицки подмигнул, – а то они обидятся. Черт да город, Бог да деревня!

Ели-пили почти до полуночи. Разговор вели о сражении при Бендерах, в котором участвовал Валентин и оренбургские казаки, правдами и неправдами пробравшиеся в Приднестровье.

– Мой отец в Отечественную на третьем Украинском воевал, – раздумчиво молвил Андронов. – Рассказывал, как наши румын пачками брали в плен: впрягали в построжки – пушки на передок тягать. С какой радости они снова на нас оскалились?

– Слабую Россию их, шакалов, много сбежалось – кусать, – холодно усмехаясь, сказал Валентин. – Ничего! Мы им зубильники пересчитали.

Вспомнили завод, былые трудовые победы, авралы, товарищей по производству, что нынче разлетелись-расползлись кто куда. Андронов тепло заговорил о старом инструкторе-наладчике дяде Леше – Валентин насупился, заиграл желваками:

– Погиб дядя Леша. Бандиты убили.

– Как – погиб?!

– А так, – Валентин навалился локтями на стол. – Звонит он мне в начале июля: мол, приезжай, дело есть. Ладно, говорю, жди, дядя Леша, после командировки к тебе я – как штык. Рванул в Москву: груз важный сопровождали оттуда. Из Москвы прибыли – тотчас к дяде Леше. В дверь постучали – не открывает. Соседи выбежали: ломайте, мол, дверь. Неладно в этой квартире! Сашка залез через лоджию в кухню. Увидел: сидит наш дядя Леша, проволокой к стулу привязанный, рот пластырем заклеен. Мертвый... Милицию вызвали. Оказывается, жулье глаз положило на эту квартиру. Дядя-то Леша – вдовец и сын его в восемьдесят седьмом в Афгане погиб. Ну вот, «братки» пронюхали это – такие старики у них давно под прицелом – и давай наезжать: продай, дескать, хату! Дядя Леша – мужик твердый, ты знаешь. Видно, послал их... Так ведь вломились к нему, давай мучить. Бумагу подсунули: подпиши! Он долго держался, не подписывал. Потом – не выдержал... Бумагу они заимели, а концы вот не спрятали!

Мы в квартиру вошли – дядя Леша еще теплый был...

– Знаешь, Валентин, – дрогнувшим голосом проговорил Андронов, – я все чаще думаю: ведь на таких рабочих, как дядя Леша, Советская власть держалась.

– Да уж не на таких, как Семен Боровских, – подхватил Валентин. – Ему от той власти одно подавай – награды да блага. А дядя Леша свое дело любил и нам, молодым рабочим, сумел это привить.

– Боровских партбилет выбросил на помойку, на митингах за Ельцина глотку дерет... Перевертыш! – Брезгливо сказал Андронов. – Знаешь, о чем еще думаю? Союз наш погиб потому, что главное слово там было не за такими, как Соломин, Кожин и дядя Леша – «на коне» были Сапожков, Семенцова, Боровских...

– И же с ними! – в тон Андронову проговорил Валентин. – Имя им – легион.

Валентин долго молчал, потупясь. Потом встал, взял стопку.

– Помянем дядю Лешу, Евгений Романыч. Многому он нас научил. Двадцать первого августа сорок дней ему было...

Выпили. Андронов поперхнулся, откашлялся. Запил квасом.

– Ну, пора спать.

Валентин кивнул:

– Да, время позднее.

– Прежде скажи, чем я могу помочь твоим казакам.

Валентин встряхнулся; быстрые глаза его сузились.

– Казакам, Евгений Романыч, весь этот бардак во как надоел! Силовики доблестные империю про...ли, а нам, видно, расхлебывать. Казаки верой-правдой служить желают, не из-под палки... Так ведь не дают! – Отсунул тарелку, положил на стол кулаки: – Границу надо держать? Надо. Порядок в городе должен быть? Обязательно. Кому, кроме нас, это надо?.. То-то. Вот и помогайте нам, принимайте законы скорее. А то, глядите, воровской блаткомитет недавно решил: пора «браткам» внедряться в казачество! Не хотите национал-патриотов – с жульем придется дело иметь.

Глава седьмая

ДВАДЦАТОЕ СЕНТЯБРЯ

К двадцатому сентября, дню своего рождения, Вера готовилась мало. Купила новое вечернее платье, попросила маму загадать, в воскресенье, помочь ей «что-нибудь соорудить». (Это означало: мама примет командование на кухне, а дочь-именинница в ранге «второго номера» будет ей пособлять.) Вера не очень-то «дружила» с кулинарией, хотя любимые с детства кушанья – салат оливье и котлеты по-киевски – готовила не хуже мамы. Однако с расстановкой, с толком, с чувством заняться готовкой ей не позволяли другие дела. Мать это знала, поэтому в особо важных случаях приходила на помощь. Впрочем, к себе Вера пригласила очень немногих. На заводе по случаю тридцатилетнего юбилея директора также «кое-что намечали». Именинница бесцеремонно вмешалась в эту трескучую подготовку, нещадно урезала смету: «Нечего попусту тратиться. Не полтинник справляю!»

Так, в заботах, летело время, не очень желанный день наступил – «тридцатник набрякало».

День начался как обычно. Заводские топ-менеджеры собрались на планерку. В предвкушении юбилейного торжества говорили о веселом, забавном, шутили. Кожин хрустел оберткой большого букета. Ждали директора, поглядывали на часы.

В десять ноль пять в приемной запищал телефон. Кожин взял трубку.

– Евгений Степанович...

– Здравствуйте, Вера Васильевна. Мы все ждем вас. Сегодня такой день...

– День ужасный! Я у председателя областного Совета. Проводите совещание без меня. Постараюсь быть через час.

Кожин пожал плечами, пригласил собравшихся в свой кабинет.

– Начнем, пожалуй. Именинницу сегодня нельзя загружать.

К полудню по городу поползли слухи о том, что «в Москве началось»: «демократы» и «коммунисты» снова схлестнулись, злопамятный президент решил – пора рассчитаться с насмешником-спикером за злые шутки и неприличные жесты. Телевиде-

ние передало содержание президентского указа №1400. Тут уже шутки кончились. Верховный Совет объявил действия президента антиконституционными, принял решение о созыве чрезвычайного Съезда.

Вера в спешке собирала дорожную сумку. (В Москву можно было вылететь на другой день.) Слушая разглагольствования телеведущих, кое-как унимала расходившиеся нервы. Голова пылала. Все валилось из рук. Вечером должны были прийти гости, а именинница, неприбранная, сидела в кресле – пустой взгляд устремлен в окно, руки без сил повисли между колен.

В прихожей раздался звонок. Вера поплелась открывать. Не глянув в глазок, отперла дверь – на площадке в великолепном черном костюме с букетом белых роз стоял Валентин.

Впустив его, она метнулась в спальню. Начала лихорадочно переодеваться (пальцы не слушались, теряя пуговицы, крючки); крикнула из-за двери;

– Валентин, ты проходи! Я сейчас выйду.

Натянула новое платье, кое-как отыскала туфли. Поправляя волосы, вышла в гостиную. Валентин, блестя глазами, подал ей букет. Разжал кулак: на ладони лежали изящные серебряные серьги с топазами.

– Под цвет твоих глаз.

– Спасибо... – Вера с нежной улыбкой рассматривала подарок. – Сейчас их и надену.

Вместе прошли к трюмо. Вера двигала боковые зеркала, разглядывая себя спереди, сбоку. Ей вдруг стало весело. Лицо горело жаровым румянцем, сердце радостно билось. Закинула на плечо Валентина голую руку, длинными цепкими пальцами обхватила затылок. Потянула к себе его голову, поцеловала в щеку. Валентин покраснел от удовольствия.

Пришла мать Веры, Клавдия Кузьминична. Стали съезжаться гости: Соломин и Кожин с женами, Ольга Лыскова. (Она приехала вместе с Вадимом. Связвила по поводу «неюной даты» подруги: «Ну, Веруня-«дева»! Для тебя по знаку зодиака наступают три важных года: от тридцати до тридцати трех!») Ждали еще Андронova, за стол не садились. Вера, хлопоча, курсировала между гостиной и кухней. Кожин менял в музыкальном центре кассеты, сосредоточенно щелкал переключателем. Разговор не клеился. Все с мучительным любопытством поглядывали на теле-

визор, ждали вестей из Москвы. Ольга вполголоса расспрашивала Валентина:

– Я видела тебя в форме. Тебе к лицу... А скажи, какой твой любимый фильм детства? «Тихий Дон»?

– «Гусарская баллада».

– Надо же!

– Мне мать гусарскую форму пошила, уж так я на Ржевского хотел походить. Потом купили «Бородино» Лермонтова с иллюстрациями. Часами разглядывал. А играл больше в индейцев: Гойко Митич был общим кумиром.

– Кого казаки поддержат – Ельцина или Руцкого? – спросил Валентина Соломин.

– В этой заварушке победит тот, за кого армия, – вмешался Кожин.

– Армия за того, у кого деньги! – с апломбом изрек Вадим. – Да и что – армия? – Заложил ногу на ногу, снисходительно усмехнулся. – Бывало, смотришь эти парады: идут под красным флагом защитнички – грудь колесом, рожи красные. Сталью бряцают. – Захрустел пальцами, фыркнул. – А как кремлевские дедки представились, тут богатыри растерялись. Давай народу плакаться в телогрейку: спаси от Миши, спаси от Буша! Задрали лапки как миленькие. Кто ее, армию нашу, боится? – Принялся загибать пальцы: – Из Европы вымели, из Германии вот-вот попрут. В Чечне Дудаев на всех начхал: и на ФСБ, и на армию, и на казаков.

– А ты казаков не трожь, – с едва прикрытой угрозой сказал Валентин. – Нам бы оружие, как в Приднестровье, – чих его вылечим!

– Ты, Валентин, говорят, в Бендерах повоевал? – спросил Кожин.

– Было дело.

– Ну, тогда на Дудаева у вас аркан приготовлен! – попытался обратить все в шутку Вадим.

Приехал Андронов. Отдал имениннице цветы, прекрасно изданный трехтомник Даля. Прошел к гостям, уселся за стол – туча тучей. Вадим услужливо взялся откупоривать бутылки с шампанским. (Ольга искоса поглядывала на него, улыбалась ядовито.) Только разлили вино по фужерам – в гостиную вошли Клавдия Кузьминична с семилетним Димкой.

– Верочка, сын тебя еще не поздравил...

Мальчик окинул большими глазами застолье, продекламировал:

Я иду с цветами к маме,
Жду от мамы похвалы.
Белый лист пестрит цветами:
Хоть не пахнут, но милы!

Подбежал к матери, подал открытку с рисунком.

Андронов притянул Димку к себе, сказал с улыбкой:

– Громко, четко докладываешь. Как солдат. Когда вырастешь, кем хочешь быть?

– Наверно, депутатом, – намазывая икру на тост, промурлыкала Ольга.

Мальчик глянул на нее исподлобья, замкнулся. Вера подала ему красное яблоко:

– Иди, Дима, на кухне твой торт.

Димка отошел от стола; в дверях оглянулся.

– Хочу быть Ломоносовым.

Андронов всем телом повернулся на стуле:

– А почему, Дима?

– Он знал все науки!

Андронов поднял бокал – у глаз по-доброму лучились морщинки.

– Надо бы в день рождения чествовать, хвалить именинницу, – выпрямился, поджал губы, – да новая беда все заслонила! Нам будет нелегко, а тебе, Вера Васильевна, и подавно. Выпьем за то, чтоб ты вынесла все испытания с честью. Ради будущего, ради детей.

– Трудная у Верочки жизнь, Евгений Романович, – с тяжелым вздохом сказала Клавдия Кузьминична. – Никакого покоя нету мне с ней.

– Трудная жизнь – это лучшая школа, – негромко проговорил Валентин. – Тот, кто прошел ее, не может избаловаться. Такой человек всегда будет хозяином своего положения, а не рабом.

Все по очереди поздравили Веру. Когда принялись за еду, Кожин спросил осторожно:

– Евгений Романович, как думаете, кто одолеет: президент или съезд?

Андронов вновь помрачнел. Чуть помедлив, ответил:

– Победит тот, кто лучше подготовился. Шансы Ельцина предпочтительнее. Съезд все решает коллегиально, а заговорщики в узком кругу. Кто здесь поразворотливей, сам понимаешь. – Повернулся к Вере: – Областная телерадиокомпания жалуется на тебя. Говорят, в сегодняшнем интервью ты журналистов страшила.

– Я им сказала, что президент своим последним указом поставил себя вне закона. Выходит, все, кто будет помогать ему захватывать власть, также – вне закона. Включая прессу.

– Круто! По-большевистски. – Съехидничала Ольга.

– Россия так устроена, что главное здесь – захватить власть, – задумчиво проговорил Валентин. – Удержать куда проще.

– Да уж, это только коммунистам угодно было сдать свои райкомы-обкомы без боя! – возбужденно подхватил захмелевший Вадим.

– Когда-нибудь и народ должен сказать свое слово, – заговорил доселе молчавший Соломин.

Валентин отрицательно качнул головой:

– Народ неспособен к самоорганизации. Непременен нужен царь, вождь. Запад это хорошо понимает: лепит нам лжецарей, чтоб они водили нас, как Моисей по пустыне... Что еще? Может и бунт быть. Но и тут нужны главари-атаманы – Разины, Пугачевы. А при Советской власти таких бунтарей выявляли, стреножили: кого – на лесоповал, кого – в психушку. Остальных к повинности приучали, чтобы во всем только на начальника полагались. Помните, как в парткомы, профкомы заявления про супружескую неверность строчили? (Все, кроме Андропова, засмеялись: Вадим и Кожин – залиvisto, от души, Вера – невесело.) Какая уж тут борьба за идеи! Хоть бы лбами нас не ударили. Опять, что ли, русский на русского – кровь пускать?

Глава восьмая

АНДРЕЙ

Двадцать первого Валентин отвез Веру в аэропорт. (У Вадима на это времени не нашлось: будто бы вызвали в налоговую инспекцию.) Прощались у регистрационного окошка. Валентин сказал:

– Ты, Вера, береги себя, на рожон не лезь. Голову легко потерять, я-то знаю. Не тебе ратоборствовать, на то мужики есть. Ведь у тебя сын, помни.

Она кивнула, перекинула через плечо ремень сумки, пошла в другой конец зала. Он догнал ее, помог донести сумку до входа. Быстро поцеловал в губы; сказал, волнуясь:

– Знай, что есть еще я. Будет плохо, будет трудно – звони!

На обратном пути Валентин с Сашкой свернули на автозаправку. Покуда Сашка хлопотал у колонки, Валентин отошел в сторону, закурил. Взгляд его рассеянно скользил по лицам людей, по машинам. Здесь можно было увидеть разные экземпляры – от древних «москвичей» и «побед» до «шестисотого» «мерса». В палитре жизни причудливо смешалось красное с черным и, казалось, никому не дано увидеть просвета. На душе Валентина было пасмурно, тревожно. С беспокойством думал о Вере: «Понесло в самое пекло. Борьба за власть – дело кровавое. Тут не до реверансов, способы не выбирают».

Валентин отшвырнул недокурную сигарету, вернулся к машине. Сашка пялился на новенькую белого цвета «тойоту», притормозившую у соседней колонки. Из «тойоты» вышла высокая и статная блондинка в великолепном белом костюме. Из-под полей роскошной шляпы оглядела суетящееся скопище мужиков – большие зеленоватые глаза сощурились холодно. Достала сумочку; отсчитывая купюры, пошла к кассе.

– Ништяк! Откуда у такой симпатичной девушки такая классная тачка? – с ноткой ленивого интереса спросил Сашка, как только блондинка с ним поравнялась.

– Насосала! – не оборачиваясь, через плечо, бросила прекрасная дама. – Без выходных и отгулов работала.

Сашка застыл, будто пораженный грянувшим громом: челюсть отвисла, в руке – заправочный пистолет.

– Садись, поехали! – зло прикрикнул Валентин. – Способ дюже у ней трудоемкий, нам все равно не понять.

* * *

На центральной площади, перед зданием областного Совета, собрался антипрезидентский пикет: два-три десятка немолодых людей с плакатом «Банду Ельцина – под суд!» и портретами Ленина. Как только Валентин и Сашка поднялись на крыльцо,

какая-то бойкая старушка спросила:

– Это что за молодчики в форме? Кто вы, ребята?

– Казаки.

Старушка уперла руки в бока, закричала визгливо:

– Нам с вами не пути! Мы – за Советы!

Подбежала еще одна, в цветастом цыганском платке. Ткнула Сашку в грудь твердым пальцем:

– Царские слуги! Николая Кровавого хотите на шею нам посадить?!

Валентин отвернулся, плюнул в сердцах. От памятника Ленину подошла группа мужчин с красным флагом. Один, воздев руки, кричал:

– Да здравствует красное знамя! Долой власовский флаг!

Растолкав толпу, казаки вошли в здание. В приемной Валентин сказал с горечью:

– Не жить Советам с такими защитниками. – И – появившемуся в дверях кабинета Андронову: – Евгений Романович, мы запросили Совет казаков России и войскового атамана об их отношении к указу номер тысяча четыреста. Позвоню вам, как только получу ответ....

Спустя час Валентин собрал у себя в кабинете атаманское правление. Попросил собравшихся дать оценку политической ситуации. Не глядя на заспоривших казаков, сел под иконами, стиснул виски.

Совет казаков России и войсковое правление рекомендовали стоять за немедленную одновременную отставку и президента, и съезда. То есть фактически выступить на стороне нардепов. Возникал вопрос: что теперь делать? Участвовать в акциях сторонников съезда здесь, в Ярске? Но эти акции (митинг, гражданское собрание) в провинции ровным счетом ничего не решали. Ехать в Москву, влиться в разномастное воинство, вставшее на защиту Белого дома? Но куда заведут это воинство новые вожди – Хасбулатов, Руцкой? Создавая в конце девяносто первого областную и городскую казачьи организации, Валентин хорошо понимал, что казаки, как патриотическая сила, должны искать союзников. Ездил в Москву на Русский национальный Собор, встречался с руководителями коалиции национал-патриотов. Наслушался призывов к непримиримой борьбе с западной экспансией, жидо-масонами. Чутье правнука репрессированного в

тридцатых оренбургского казака подсказывало: нет, здесь что-то не то. Зазвать казаков в ряды борцов с ельцинизмом охотников много, новоявленные вожди хотят командовать, строить в боевые колонны, требуют присягать им, давать страшные клятвы, а отвечать головой в случае чего будут не они – рядовые бойцы... Такой расклад никак не устраивал.

– Ну-с, братья, что делать будем? – прервав громкий спор Сашки с начальником штаба, резко спросил Валентин. – Высказывайтесь! Начнем по обычаю – с младшего в чине. Давай, Саша.

– А чё тут думать? – Сашка поднялся из-за стола, расправил плечи. – Нам в эту кашу лезть ни к чему! Нас ни коммунисты, ни демократы не жалуют. Кто из них победит, черт его знает. Лучше быть посередине.

– Ага, как в восемнадцатом году, – Андрей заворочался на стуле, уставил на Сашку орлиные немигающие глаза. – Тогда тоже хотели в стороне отсидеться. Что вышло? Свердловы-Троцкие укрепились – и давай казачество корчевать! А сейчас, значит, ждем благ от наследничков их – Гайдаров, Чубайсов? Они ж давно ЦРУ продались – и вдруг давай казаков поднимать, льготить... Нашли дураков!

– Может, Хасбулатов своим чеченским сердцем нас полюбил? – перебил Андрея начальник штаба.

– Кроме Хасбулатова есть еще съезд! – со сдержанным гневом проговорил Андрей. – И съезд борется против распродажи России. Где сейчас должны быть русские патриоты? Там, в Белом доме!

– А мы, значит, как пескари в норах отсиживаемся? – Валентин легко поднялся, прошелся туда-сюда по диагонали комнаты. – Ты это хотел сказать? погоди, я закончу!.. Приднестровье помнишь? Мы туда с тобой добровольно поехали. И отвечали за себя только! А сейчас за всех наших казаков в ответе мы, понял?! Положим напрасно людей – что тогда?

– Все понимаю, атаман, – Андрей встал (было видно, как под одеждой его вздулись мускулы). Подойдя, посмотрел на Валентина в упор. – Помилуй Бог! Все понимаю. Но что же нам – руки сложить? Ты меня знаешь.

– Знаю, Андрей. Ты присаживайся. Какие у тебя предложения?

Андрей вновь уселся за стол, улыбнулся лукаво:

– Предлагаю провести разведку. У меня есть трое ребят, один уже в Москве. Мы рванем туда, поглядим, что к чему. Сообщим прямо с места, что делать.

Валентин задумался. Нахмурия брови, сказал:

– Я с вами поеду.

– А вот это ты брось. Не атаманское это дело. Разберемся как-нибудь без тебя!

...Через день казаки провожали в столицу Андрея с его ребятами. Условились: по приезде в Москву Андрей обо всем увиденном сообщит Валентину, чтобы тот оценил обстановку, принял решение.

Глава девятая

ДЕНИС ФОМИЧ

«Какая власть, такая и масть», – говорят в народе.

В былые времена обком партии считался аккумулятором всех больших начинаний и дел. В новой России средоточием дел, идей сделался центральный рынок, базар.

Понятие «рынок» враз зауважали и бывшие борцы с «тлетворным духом наживы», и «братки», которые раньше гордо дистанцировались от торгашей и барыг. Замусоренное, заплеванное место в центре Ярска стало душой города. А за прилавками и лотками согревали души уже не дети южных широт – доподлинные инженеры, медики, учителя. «Марьянна, вы ли это?» – «Как видишь, Медведев». – «Ушли из техникума? И – сюда, на базар?» – «Ушла, год назад». – «А как же литература – призвание ваше?» – «А я здесь ее воочию постигаю: гляди, сколько «героев» кругом!»

А вороватый механик Норкин открыл близ рынка «трактирь». Небольшой зал трактира вмещал несколько столиков да короткую стойку, зато хозяин встречал посетителей в жилетке и шелковой рубашке, со знакомцами самодовольно вел разговоры «за жизнь»: как он, предвидя приход нового строя, загодя приготовился к этому – тащил из общего котла все, что плохо лежало. Однажды в заведение зашел бывший начальник цеха и член КПСС Николай Федорович Козьякин. Пропустил сто грамм, заку-

сил селедкой. Выслушав философию бывшего подчиненного, сказал с насмешкой: «Дурак ты, Норкин! Чем хвалишься? Пока ты мелочь по карманам тырил, Сапожков целый завод украл. Прикинь, что выходит? Работать по совести ты не хотел и воровать по-крупному не научился».

Заводские работницы пересказывали этот случай как анекдот. «Свобода дадена только ворами, бандитам и проституткам», – с пролетарскою прямою подытожила Римма Колотыгина. – «Да еще начальничкам, что их крышуют», – довесила подруга ее, инструментальщица Зина.

Человек смотрел вокруг – и видел героев нашего времени: продувных ухватистых нищих (с доходом в полсотни минимальных зарплат), ушлых цыган, что вставили золотые клыки любимому псу, коренастую «братву» с глазами гиен и цепкими волосатыми пальцами в перстнях.

У «братвы» дел было по горло. Перекраивались границы сфер влияния «бригад», группировок, создавались и рушились «крыши», менялся размер «общака». «Смотрящий» за городом «разводил» наиболее прытких; чересчур крутых, с непомерными аппетитами отстреливали московские, екатеринбургские «командированные». Обывателю казалось, что милиция, ОМОН существуют лишь для блезиру – город, губернию, страну, наконец, поделила покусошно, рассовала по багажникам иномарок вездесущая необузданная «братва». Да и сами милиционеры стали порой дюже смахивать на «братков» – как по ухваткам, так и по внешнему виду. «Дожимая» и «крышующая» новоявленных буржуев, они уже не оскорблялись своей обидной кличке – «менты».

«Блаткомитет» заседал в кабинете директора одного из овощных магазинов. Стены полутемной, заставленной ящиками и коробками комнаты были свидетелями многих хитроумных замыслов, комбинаций, а также суровых «правил». Массивная хрустальная пепельница почернела от следов тысяч окурков. За столом у стены, вытянув длинные ноги, полулежал Денис Фомич – «смотрящий» за городом, «авторитет» местных воров.

Голова Фомича гудела с похмелья. (В последнее время ему все труднее было удерживать «вожжи» беспокойного «хозяйства» из-за пристрастия к «змию».) А тут еще «замочили» за городом троих «отморозков», возомнивших себя «самыми-са-

мыми», выше всех, даже бессмертных. Едва закончилась пышная тризна, как в Яркск заявила «бригада» «конкретных» екатеринбургских «братков». Они работали по долгам третий день, выцепили нескольких «коммерсов», имевших «крыши» Мясника и Гены Черного – друзей самого Фомича. Видя это, бригадиры «забили стрелу» гостям, попытались решить дело смаху, нахрапом. Не вышло: екатеринбургские пацаны были злы, не желали ни в чем уступить. Потребовалось вмешательство Фомича.

Заскрипела дверь. Фомич поднял голову, оловянно взглянул на вошедшего.

– А, Паша... Присаживайся.

Пашка Колотыгин шагнул к столу, уселся на колченогий низенький стул. Он не снял меховую кепку, не расстегнул полушубок: с утра знобило, побаливал зуб. Вытянул сигарету из лежащей на столе пачки «LM», прикурил, затянулся:

– Чего звал, Фомич?

– Тут за одной бабой должок, – Фомич поднялся, повел плечами, стряхивая похмельную одурь. – А она бодяжит в паре с одним х...сом. Лоскутников Вадим. Знаешь?..

Пашка закинул ногу на ногу, задумчиво пускал дымные кольца. С Фомичом он когда-то сидел (схлопотал два года по хулиганке), поэтому чувствовать себя причастным к делам «смотрящего» ему было лестно. «Раз спрашивает, значит, дело серьезное, – шевелилось в Пашкиной голове. – Эх, мне бы с этого что-нибудь зашибить».

– Как не знать... – Ответил загадочно-важно.

– Это у него жена депутат?

– Ага. Муж да жена, а фамилии разные.

– Сам как он – по жизни?

Пашка поморщился, презрительно оттопырил губу:

– А, так, гнилой... Фуфлыжник. – Спросил осторожно: – А что? Фомич ухмыльнулся.

– Да влип ногами в жир – за волосы не оттянешь! Год со своей падлой, Ольгой, сахаром торговал. За товар они задолжали.

– Сколько?

– Больше сотни «лимонов». Со Свердловска по их души приехали, напрягают.

Пашка покрутил головой, закряхтел.

– Не хило! Ну, и...

– Чего?.. «Бабки» слямзили, хаты, тачки купили. Дрючить их будем!

– А если он к Верке своей, к депутату, жалиться побежит? – Пашка затушил окуроч, сказал веско: – Смотри, Фомич, она баба твердая.

– Это все параша, – Фомич вяло отмахнулся. – Депутатам, Паша, нынче каюк! Трехпалый папа даст в рученьки по пиле – и за дело. Будя языками трындеть. Стране нужен лес!

Выйдя от Фомича, Пашка вновь закурил. Постоял на крыльце, бормоча:

– Вот ведь как жизнь поворачивается! Недолго музыка играла... Отъездил Вадик на черном «мерине». Да-а... Римке, что ли, все рассказать?

* * *

Вечером к Фомичу съехались екатеринбургские «братаны», Мясник и Ольга с Вадимом. Сидели в той же комнате, переговаривались вполголоса; двое «гостей» закурили – Фомич будто не замечал. Мясник склонился к уху «смотрящего», что-то вполголоса объяснял. Фомич повернулся боком, играл желваками, – слушал.

Вадим чувствовал себя подобно европейцу-коммивояжеру, очутившемуся в лапах дикарей-каннибалов. Дела по сахару вела Ольга, она же подписывала бумаги. Вадим только ездил в командировки – договариваться о поставках. О «наездах», разборках знал лишь понаслышке. Думал – его это никогда не коснется. И вот... Сто миллионов. Никогда не держал в руках таких денег! Возможно, это Ольгины дела, но он-то причем?

– Что, сколько за ними? – выставив указательный палец в сторону Ольги, скрипуче спросил Фомич.

– Сто два, – подавшись вперед, ответил один из «гостей» – скуластый, с низким ежиком волос парень.

– Пошто не отдаешь? – обращаясь к Ольге, сурово спросил Фомич. Медленно тер ладонь о ладонь, свинцово щурился, будто приглядываясь.

– Я же сказала: отдам! – Ольга не выказала и тени смущения, будто происходящее ее не касалось. – А эти заладили – сегодня, сейчас... Через месяц получают все до копейки.

– А в этом месяце мы не можем, денег нет, – осмелев, загово-

рил Вадим. – Так не договаривались, чтобы в этом месяце отдавать.

Фомич уставился на Вадима, будто видя его впервые.

– Кто это? – вопрос «смотрящего» прозвучал резко, как выстрел.

Вадим начал сбивчиво объяснять, «как все было»: за ними-де всего-то двадцатка, восемьдесят миллионов Ольга перечислила в Екатеринбург чуть не месяц назад. Если екатеринбургские поставщики деньги не получили, надо запросить банк... Фомич поднялся со стула, пошел на Вадима – оловянноглазый, длиннорукый:

– Ты какое имеешь право?.. – Лицо дергалось, на шее, на лбу вздулись жилы. – Какое у тебя право тут вкаты, каз-зел?! Порву!

Вадим от страха заковенел, в голове пусто звенело. Присел и съежился, ожидая скорой расправы. Ольга умоляюще пролепетала:

– Денис Фомич...

– Молчи, профура! – рыкнул Фомич. – Какие восемьдесят «лимонов»? Нет этих «бабок». – Сунул руки в карманы, приблизил к Вадиму длинное злое лицо. – Зря «бабосы» зажил. Все одно отдавать... Слушай сюда. Полтинник наликой отдашь. Квартиру и «восьмерку» ребятам подпишешь. – Повернулся к «браткам». – Адвоката нашли?.. Вот, в три дня нарисуете все бумаги. (Вадиму.) Ну как, согласен? А?

– Согласен! – радостно загалдели «братки».

– Ну, коль согласен... Раз уж я вас так славно развел, – Фомич потер руки, показал в улыбке мелкие зубы, – тогда его «мерс» себе забираю!

От Фомича Вадим уходил как старик: челюсть отвисла, руки тряслись. Шаркая ногами, поплелся было к машине – на пути встал Мясник.

– Гони ключи!

Вадим почти бессознательно нашарил в кармане ключи от любимого «мерседеса», положил на потную ладонь Мясника.

– Будет в целости, на стоянке! – Мясник криво усмехнулся. – Когда с ребятами расквитаешься, Фомич тачку вернет.

Мясник прыгнул за руль машины, с щеголеватой небрежностью запустил двигатель.

– Стоянка за углом, – ровным голосом, как ни в чем ни бывало,

заметила Ольга.

Вадим дико вытаращился на спутницу:

– Стоянка?.. Я что, с дуба пал – машину им отдавать?!

Ольга обтерла платочком лицо, расправила складку на юбке.

– Отдашь сто «лимонов», оставят твой «мерс».

– Не я «отдашь» – мы с тобой отдадим!

– Я свою долю уже заплатила! – огрызнулась Ольга. – Твоя очередь, Вадик.

– Что-о?! – взвыл Вадим. – Да я отродясь таких денег в руках не держал! – Замер, пораженный внезапной догадкой: – А ведь ты в коттедж их всадила...

– Подержишь, Вадик, – злая усмешка дергала ее губы, – подержишь сто «лимонов». Когда отдавать понесешь.

Гулко стуча каблучками, пошла к «джипу», за рулем которого ее поджидал вернувшийся с автостоянки Мясник.

Глава десятая

У БЕЛОГО ДОМА

Вспоминая свой путь в Москву, Вера слушала тревожное биение сердца. Еще днем она готовилась к отлету из далекого тихого Ярска, а уже вечером очутилась в эпицентре захлестнувших Россию страстей.

В дороге она не испытала никаких происшествий. Обычный авиарейс. Обычные пассажиры. При наборе высоты стюардесса произнесла стандартные слова и в свое время принесла газировку. В аэропорту не происходило ничего, что могло бы насторожить: ни войск, ни дополнительных нарядов милиции, ни какой-либо подозрительной суеты. «Неужели все кончилось?» - выходя из электрички на станции метро «Краснопресненская», думала Вера. – А может, ничего и не начиналось? Может, простым людям глубоко безразличны разборки властей?»

Облик Белого Дома поразил Веру.

В серых ненастных сумерках, наброшенных на Москву, здание высылось как белый корабль, блуждающий в непроглядном сумраке жизни. И люди, что окружили его иль засели внутри, казались другими, не такими, как прежде: ожесточение наложи-

ло свою печать на их лица, воинствующая непримиримость звучала в разговоре, командах. «Ельцин – убийца» – бросалась в глаза всем надпись на бетонном заборе возле осажденного здания. Знакомых депутатов порою трудно было узнать. Гнев и страх читались в их взглядах, а в действиях проглядывала граничащая с отчаянием обреченность.

Съезд народных депутатов заседал почти беспрерывно. Был избран новый российский президент и силовые министры, направлены воззвания на места. Депутаты дали оценку преступной позиции исполнительной власти, осудили антиконституционные действия некоторых высших чиновников, «силовики». Принимались акты об их ответственности, новый генпрокурор на колене подписывал постановления... Но в условиях начавшейся блокады (когда отключили всякую связь, канализацию, окружили войсками) многие сомневались: будет ли эффект от действий съезда, не потрясут ли напрасно воздух парламентские цитроны? Дойдет ли до народа содержание последних съездовских документов? Какова обстановка на местах? Настроение губернаторов? И, главное, где обещанная Руцким помощь армии, ФСБ?.. В то же время пропрезидентская пропаганда набирала обороты: теле- и радиокomentаторы упражнялись в охаивании «мятежников», мобилизованные под знамена «демократов» «звезды» российского кино и эстрады безбожно запугивали народ, что-де не сегодня – завтра придется расстаться с обреченной в муках свободой.

В эти дни Вера чувствовала и боль, и обиду, и огромную душевную усталость. Казалось, над Белым Домом, над залом, где заседали нардепы, подобно мрачной туче копится энергия зла. Когда становилось невмоготу, Вера выходила на улицу – поговорить, потолкаться среди собравшихся у здания людей.

* * *

С раннего детства Вера любила выезды в пионерские лагеря, а также шествия, демонстрации и парады. Тогда отец брал дочку на руки, нес в толпе среди шелеста знамен, транспарантов. Вера слушала марши, песни, переливы баяна – замирало сердечко, лепетала губами, пыталась подпевать. Когда шли мимо трибун, бодро кричали «ура». Чувство товарищества, коллективизма рождало общий подъем, душа ликовала в предощущении ска-

зочно светлого завтра.

Перед Белым Домом с утра до ночи толпились многие сотни людей. Здесь были молодежь и ветераны, гражданские и военные, верующие и неверующие, умеренные и «штурмовики». Красные флаги реяли рядом с бело-желто-черными («черносотенными»), казаки, боевики РНЕ и другие националисты бок о бок со вчерашними коммунистами охраняли парламент. С высоты импровизированной баррикады проповедовал православный священник – призывал пособников лукавого (солдат президента) одуматься, осознать, что творят. Пропрезидентская сторона не оставалась в долгу: громкоговоритель часами изрыгал похабные песенки, грозил «мятежникам» жестокою карой. «Мятежники» формировали подразделения под единым командованием, ждали раздачи оружия, военной поддержки извне. Громко, радостно-возбужденно говорили о многотысячных демонстрациях москвичей в поддержку Верховного Совета и Съезда, кровавых столкновениях демонстрантов с «шакалами Ерина». В рядах осаждающих наблюдались неуверенность, колебания. Были перебежчики. Помощники министра внутренних дел подтягивали ОМОН из губерний, постоянно тасовали согнанных к зданию парламента милиционеров, солдат.

Вера вглядывалась в лица людей – и в который раз задавалась вопросом: что заставило их, рискуя, прийти сюда, мерзнуть ночами у входов, на «игрушечных» баррикадах? Бросалось в глаза большое число молодых лиц (почти все в полувоенной или спортивной одежде). Им-то чем дороги проклинаемые со всех экранов, на всех волнах и частотах Советы?

Сделав вид, что внимательно читает листовку, Вера подошла к группе парней в камуфляже. Парни жгли небольшой костер, расположившись у баррикады. Попивали чай из большого термоса, дружно смеялись. Один сказал бодро:

– Ну, здесь не как в Приднестровье. На той стороне тоже наши ребята!

Другой – большерукий, тяжелый, в вязаной черной шапочке – пробасил недовольно:

– Ага, ты попадись этим «нашим». Они тебе обрежут!..

Третий (сидел к Вере спиной) принял от соседа металлический стаканчик с горячим чаем, проговорил хриплым, обветренным голосом:

– Да-а, тут, братья, кто – кого... На карту миллиарды баксов поставлены! Головы наши немного стоят.

Парень в черной шапке всем телом повернулся к нему, сказал убежденно:

– Правильно, Андрей. У них – миллиарды. Но правда-то, правда – на чьей стороне?

– Правда, да не вся, – усмехнулся тот, кого назвали Андреем. – Больно уж не нравится мне все это... Особенно в последнее время!

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ельциноиды нас мятежниками величают, – Андрей вернул соседу стаканчик, крепко потер озябшими руками колени. – Мятежники – это те же повстанцы. Стало быть, мы – участники восстания. Так?.. Ну, конечно! Теперь скажите: разве так восстания делаются? Помилуй Бог, мы – русские! Сидим в обороне, сопли жуем. Где поддержка армии, где стволы? Думаете, Ерин с Грачевым бездействуют? К сдаче готовятся? Ха!

– Погоди, может, армия восстанет, – не совсем уверенно возразил парень в черной шапке.

– На кого глядя армии восставать?! На нас, что как сурки забились по норам? Если б Руцкой нам выдал стволы, погуляли бы по Москве! В оружейке больше двух тыщ автоматов и пистолетов... Взять их, рассыпаться боевыми группами. Ударить сразу в нескольких точках... Вот тогда ельцинская шобла за бугор драпанет! И армия за нас выступит. А так... Когда и где в России поднялась хотя бы дивизия? Хотя б батальон?.. Тут, братья, дело не чисто.

– Ну, и...

– Либо вожди наши – трусы, – чеканно проговорил Андрей, – либо за нашей спиной уже сговорились... – Встал, повернулся, увидел Веру: – Ба, землячка! Вера Васильевна!

* * *

Андрей и Вера зашли в Белый Дом, расположились у окна в вестибюле.

Андрей выглядел осунувшимся, нездоровым. На давно не бритых щеках пробивалась щетина. Грязные, сбитые в кровь его пальцы то беспокойно крутили пуговицу на одежде, то щелкали зажигалкой. Глаза блестели лихорадочно, бесшабашно.

– Эх, Вера Васильевна! – продолжая начатый разговор, с горечью объяснял Андрей. – Что там смена государственного строя! Сейчас не это – самое главное. (Увидел удивление в глазах Веры.) Знаешь, за что презираем мы дерьмократов? Мы знаем нашу историю, они – нет. Мы не только знаем историю великой России, мы ею живем. Деяния, подвиги предков – в сердцах у нас, в генах. Деды, прадеды кровь и пот проливали, создавали державу. А дерьмократы державу кромсают: Кавказ – туркам, Прибалтику – американцам, Курилы – японцам. Чем слабее Россия, тем больше врагов у нее... – Вздохнул тяжело, покачал головой. – Это невыносимо. Лучше уж – сердцем на амбразуру!

Вера смотрела в окно, прятала в рукавах плаща озябшие пальцы. Сказала устало:

– Все мы здесь это понимаем.

– Не скажи, – Андрей раскурил сигарету, так что за дымом не стало видно его обветренного лица, с чуть курносом облупленным носом. – Собрались тут всякие, со своим интересом. – Задумался на секунду, тряхнул головой. – Знаешь, что главное? Не сгубить людей понапрасну! У костра слышала наш разговор? Ну, вот... Я уже Валентину в Яркс сообщил: сидите, не рыпайтесь! Он ведь тоже очертя голову рвался сюда. (Вера вздрогнула, встрепенулась.) Мы уж как-нибудь сами... Смотри, какие ребята здесь собрались. Цвет народа! Им Россию поднимать, обустраивать.

– Но эти-то, эти... Откуда они взялись? Что ни министр – американский холуй...

– Капиталисты начала века в сравнении с нынешними нуворишами просто ягнята. Те обладали капиталом по праву наследования, эти нас ограбили с благословения воруги Чубайса. – Андрей спрыгнул с подоконника, оправил ремень. – «Недорубленный лес снова вырастает», – сказал в свое время Суворов Александр Васильевич. Наследники большевиков-интернационалистов – вырождаки, свора предателей. Они и ткнули нас – мордой в навоз. Такие дела... Хлебнем еще сраму досыта.

– Дожили, значит, до новой гражданской войны, – с горечью сказала Вера. – В страшном сне не снилось такое!

– К чему пришли, Вера Васильевна? – Андрей покачал головой. – Прадед мой, оренбургский казак, за белых дрался, погиб в Гражданскую. Два деда с Отечественной не вернулись. Мно-

гие миллионы за мировую революцию, за Интернационал головушки положили. А теперь нам толкуют: извиняйте, ребята, промашка вышла. Не тем путем шли, понимаешь! И кто говорит? Потомки «пламенных революционеров». А ведут они нас в буржуинство: им ананасы да рябчиков трескать, нам горе мыкать. Они будут янки сапоги лизать, мы – кровью харкать. Разве Корею, Кубу, Вьетнам нам Штаты простят? Как не так! Отыграются по полной программе, уж ты поверь. – Сощурился зло, тонкие губы дрожали. – Может, кому-то на это плевать, а мне за народ наш обидно.

...В голове Веры бродили жуткие мысли. Она вернулась в зал заседаний. Протиснулась через толпу депутатов, увидела: председатель парламента Хасбулатов, растянув губы в дежурной улыбке, примерил бронезилет. (Тут же суетились журналисты, стрекотала кинокамера.) Депутаты шутили, смеялись, стараясь ободрить друг друга. Сотрудники аппарата Верховного Совета ходили по проходам, раздавали экземпляры проектов новых решений.

В эти минуты Вера вновь ощутила себя малой песчинкой, втянутой в водоворот смутных страстей.

Глава одиннадцатая

ПОБОИЩЕ

Последние сутки, третьего-четвертого октября, Вера воспринимала как жуткий сон. Но сон этот – она с особой ясностью поняла – суждено было видеть всю жизнь.

Вместе со всеми она ликовала, когда толпы москвичей на Крымском валу прорвали милицейское оцепление, пробились к Белому Дому; видела поспешную ретираду солдат президента, штурм здания мэрии, отъезд отрядов Макашова к Останкино. Депутаты наконец выбрались из здания, пьянея от радости, поздравляли друг друга, ждали новых победных известий. В кулуарах кипела невообразимая суета: хлопая дверьми, ходили незнакомые люди, трещали ожившие телефоны. Над всем этим повисло напряженное ожидание: еще немного, уже вот-вот... Пали на город сумерки – от телецентра примчались гонцы, неся вести ужасные.

- Мы к ним для переговоров, они по нас – из пулеметов!
- Много погибших?
- Десятки, если не сотни! Перед телецентром вся площадь усеяна.
- А остальные?
- Рассеялись, их ельциноиды ловят.
- Что же теперь?
- Теперь хана. Грачев с Ериным ввели в Москву бронетехнику, сюда движутся. Погодите, утром авиацию поднимут на нас!
- Где ж наши войска?
- Наши войска – блеф. Все, что было, под Останкино разогнали.
- Да какие же это войска? На всю толпу – один автомат.
- Не скажи. По телеку Гайдар объявил: вооруженные гранатометами и тяжелыми пулеметами бандиты идут к Останкино и правого, и неправого лупят смертно. Выходите, мол, все, кому дороги свобода и демократия, защитите Москву от бандитов!
- У, сволочь. Кто породил урода такого?!
- Да мы же и породили. А кровавый алкаш привлек, приласкал... Еще не все! Поющие проститутки повылезали. Маккартни доморощенный гавкал вслед за Гайдаром: коммуно-фашисты под красным стягом всем нам готовят террор. Вставайте, люди!
- Где он, гнида, коммунистов увидел? Зюганов-то спрятался как пескарь, сюда носа не кажет. Ну и твари!.. Недаром в старые времена лицедеев за забором кладбища зарывали.
- В старые времена Макар бы не вякнул. А если бы вякнул – спознался с гнилым помидором... Услаждал бы пением только подобных себе.
- Да куда ему до Маккартни! Пол, между прочим, Советский Союз уважает. Не то, что этот – паскудный ельцинский клоп!
- Эх, русские! Все-то они прощают...
- Рано утром четвертого октября Вера с группой депутатов вышла на улицу и у входа столкнулась с Андреем. Андрей – страшноглазый, в порванной куртке, с забинтованной кистью левой руки – куда-то спешил. Отвел Веру в сторонку, сказал хрипло:
- Все, Вера Васильевна, амба. Посекли нас в Останкино, как беззубых щенков. Сглупа сунулись с голыми-то руками! Из здания по нас «Витязь» лупит, бэтэры с тыла полощут. – Отер тыль-

ной стороной ладони лицо, улыбнулся печально. – Ладно, ребята мои целы. Как унесли мы ноги оттуда, я их в надежное место отправил.

– А сам сюда зачем прибежал? – с укором спросила Вера. – Здесь же опасно!

– Ну, ребятам тут делать нечего, а у меня вот, – Андрей похлопал по боковому карману, – «макаров» и две обоймы. Еще побарахтаюсь!

– Зачем?!

– Говорят, Клинтон сюда своих «коммандос» прислал. Теперь они с крыш в нас постреливают... Может, пофартит мне – схлестнемся!

– Что ты говоришь...

– Да и с нашими, которые на штурм пойдут, переведаться надо. Как-то у них рука поднимется на своих?.. – Андрей поморщился, как от острой боли. – В общем, Вера Васильевна, дело это наше, мужское. Что бы там ни случилось, будет и на нашей улице праздник! Россия – это не Гренада, нахрапом ее не взять. – Нахмурился, проговорил жестко: – А ты, Вера, выбирайся отсюда, пока не поздно! Не твое это дело – кровавую кашу расхлебывать. Ты красивая женщина, у тебя сын маленький. Должна жить! Береги себя, в Ярск возвращайся... Валентину, ребятам поклон от меня.

Перекрестил Веру; повернувшись круто, направился вглубь коридора.

Вера проводила его долгим взглядом. Смутная тоска сдавила сердце, пальцы невольно сжались в щепоть – положить уставной крест.

В зале заседаний она долго перебирала листки документов. Мысли путались, ускользали. На глаза попала бумага, где неистово обличались действия президентского окружения, направленные на развал и распродажу России в обмен на финансовые подачки Запада. «С этого и надо было начинать, – с чувством горечи подумала Вера. – В колокола бить, звать народ на защиту страны. Был у съезда на телевидении «Парламентский час», была своя пресса... А теперь кто нас услышит?»

Со времен феодальных разборок живет в крови русских вирус братоубийства. Шли друг на друга в междоусобиях Святославичей, Ярославичей; дрались за обладание князьями ярлыка ордынского; топили в крови города и деревни в Великую Смуту, прорубая путь на престол то Лжедмитриям, то Василию Шуйскому, то королевичу Владиславу; после Октябрьского переворота бились в рядах белых, красных, зеленых и только немногочисленность «контры» не позволила продлить эпохальное самоистребление.

Уже мир и Европа ужаснулись кровожадности Кромвеля, Робеспьера, всемирно известные мудрецы и шаманы осудили и прокляли идеи, из-за которых нашлось столько работы плахе английской, гильотине французской, – Русь не слышала их. Молох взаимной вражды еще только зевал, еще вострил зубы, поглядывая с азиатским прищуром на нескончаемые шеренги будущих жертв, готовых ворваться в зловонную пасть его под пение «Интернационала».

Красный цвет возбуждает не только быка. В течение столетия большевики-отцы, их потомки вели «массы» лоб в лоб, наблюдая за неслыханною резней с высот олимпийских. Ристалища эти устраивались на деньги германские, английские, американские; иноязычные племена, рукоплеща, дивились количеству гладиаторов, необъятным размерам арены российской, – ком- и дембояре, их глашатаи зазывали на бойню новые когорты иванов. Заключали с иноверцами похабные соглашения, отдавали чуть не половину страны, лишь бы не мешали вершить азартные игрища, не заслоняли б арену. Если резня делалась вялой, выносили красное знамя.

Осенью девяносто третьего дети и внуки первых «пламенных революционеров», испепеленных некогда дыханием Молоха Революции, возжелали повторить деянья отцов. По городам и весям скликали верных людей. Аrenoю новой смуты стала Москва.

Утром четвертого октября поставленные у Калининского моста танки открыли оружейный огонь по средним этажам Белого Дома. Из разбитых снарядами окон повалил черный дым. На площадь перед зданием парламента выскочили бронемшины, поливая из пулеметов палатки и баррикады защитников Консти-

туции. С неба пикировали самолеты. Когда нападавшие убедились, что безоружным защитникам отвечать нечем, к зданию двинулись цепи солдат. Толпы зевак, щекоча бесплатным зрелищем нервы, наблюдали за побоищем. Некоторые улюлюкали, хохотали. Журналисты Си-Эн-Эн.с телеаппаратурой вели репортаж с места событий. Насмехаясь над безумием русских, показывали то, что для Европы с Америкой уже давно было вроде апокалипсического бреда, навеянного свихнувшимися сценаристами Голливуда.

Ворвавшись в разбитое здание, солдаты ступали по лужам крови, спотыкались об обломки мебели, куски разорванных кумулятивными снарядами тел; преодолевали страх, тошноту, скользя по размазанным по полу внутренностям и мозгам. Стреляли во все подозрительные углы и завалы, швыряли гранаты – прочесывали, «зачищали».

В одной из таких групп старшему, капитану, крикнул впереди идущий спецназовец:

– Командир, там кто-то есть!

Капитан, которому надоела пустая стрельба, осадил идущих за ним солдат:

– Не стрелять!

Ступая мягко, по рысьи, подошел к зияющему дверному проему (дверь была сорвана с петель), встал на колено. Быстро, на долю секунды, выглянул из-за косяка: в противоположном от входа углу за письменным столом сидел человек в камуфляже. Капитан выглянул еще раз. Увидел: руки незнакомца лежали на столе. Воспаленные, полные муки глаза смотрели в упор. Что-то в этом закопченном, чуть курносом лице показалось капитану знакомым. Где-то он видел его... В Афганистане? Карабахе? Почудилось – в глазах незнакомца тоже блеснул живой огонек.

– Ты кто? – громко спросил капитан.

– Русский солдат.

Ответил хрипло, с надрывом. Медленно, как в киноповторе, опустил руку в карман, достал пистолет, приставил к виску.

– Откуда ты?.. – еле ворочая пересохшим языком, успел проговорить капитан.

– С Ярска...

Гулко ударил выстрел, голова незнакомца ткнулась в доску стола.

Капитан вошел в комнату. Взяв убитого за плечи, привалил спиной к стене.

Уже печать смерти легла на лицо незнакомца, но черты его не были искажены ужасом, злобой. Короткий соломенный чуб упал на лоб, на переносице – две глубоких морщины. Губы твердо сжаты. Лицо солдата. Где-то он видел его...

Обыскав труп, капитан не нашел ничего, кроме второй обоймы, авторучки и зажигалки; в нагрудном кармане, в обложке из кожи – Новый Завет.

Вскоре, на улице, к капитану подвели двух «мятежников».

Слегка наклонив упрямую голову, он быстро, с прищуром, оглядел задержанных: оба в защитных камуфляжных костюмах и берцах, на руках – следы от сорванных «с мясом» эмблем. Возраст – лет по шестнадцать-семнадцать, не больше. Мальчишки.

Перекинув на плечо автомат, капитан сказал прапорщику:

– Сам их отведу. Всем ждать здесь.

Он повел пленников, забирая в сторону от скопившихся на площади автобусов, автомашин. (Там уже специально выделенные команды сортировали и разводили сдавшихся защитников.) Двинувшимся наперерез из подворотни омоновцам капитан сказал властно:

– По личному распоряжению генерала...

Заслышав громкую фамилию начальника, пропустили без вопросов. Наконец, все трое свернули в глухой переулок. Ребята замедлили шаги, стали испуганно озираться. Капитан смотрел на их длинные тонкие шеи, стриженные затылки, – чувствовал, как в горле катается ком. Громко скомандовал:

– Стой.

Ребята остановились. Неловко переминаясь, жались друг к другу. Поглядывали исподлобья, как волчата.

– В Москве родные, знакомые есть?

– Есть, - тихо, одними губами, ответил один.

– Отсюда живут далеко?

– Нет... Не очень.

– Отправляйтесь к ним! Только не на метро. Как доберетесь, переоденьтесь немедленно. – Капитан снял с автомата рожок, направив ствол вверх, сделал контрольный спуск. – Бегите, ребята.

...Утром другого дня капитан позвонил у двери своей квартиры. В тесной прихожей, не разуваясь, грузно опустился на стул. Достал сигарету, долго возился со спичками: руки дрожали. Спросил, есть ли дома водка. Жена, не задавая вопросов, принесла небольшой хрустальный графин. Не разжимая зубов, капитан вытянул полный стакан. Обмяк, привалился затылком к стене. Зажмурил глаза.

– Вспомнил его! Того, что из Ярска... В Афгане, под Хостом, в бою с «черными аистами» он нас пулеметным огнем с фланга прикрыл. Комбат наш после боя обнял его, я ему руку жал... А вчера сошлись как враги!

Жена тронула небритую его щеку – ладонь сделалась мокрой от пота ли, слез...

Глава двенадцатая

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Горящий Белый Дом Вера покинула с толпой депутатов. Специально приготовленные автобусы развезли их в разные концы столицы, подальше от очага мятежа.

Вера, ее землячка Людмила Ивановна Лебедева и несколько депутатов-мужчин очутились в каком-то милицейском участке. Их появление было встречено улюлюканьем. Обитатели участка сбежались в караулку – поглазеть на поверженных нардепов.

– Ага, попались!..

– Эй, сучонки, где ваш кобель Хасбулатов?

– А его уже Борис Николаич пустой бутылкой в ж... трахает!

– Зачем – пустой?.. Гы-гы!

Один, охальничая, взял Веру за подбородок:

– Гляди, молодячка. Ух, зубы кажет!.. Ну-ка, Федя, тащи ее в каптерку! Рачком поставим и вдуюм по самые гланды!

– Ну! А я вот эту, сисястую, приглядел. Чего вылупилась, коза? Накрылась ваша совдепия!

Ввели мужчин. К одному, чернявому, подскочил красноглазый щекастый сержант:

– Что, припух, рожа твоя жидовская?! – сгреб за шиворот. – Они, гниды, с чеченами снюхались. Дудаеву продать нас хоте-

ли? Отвечать, когда спрашивают!..

Всех поставили лицом к стене. Начался обыск. Дыша табачным перегаром, милиционеры бесцеремонно выворачивали у депутатов карманы. Многоэтажным матом крыли «ссученных совков», «коммунякских подстилок». Вера, белая, как мрамор, забилась в угол, не проронила ни слова.

«Блюстители порядка» торжествовали и изгалялись до ночи, когда приехали двое в штатском. Они что-то шепнули милиционерскому начальнику – и задержанных отпустили.

Кое-как добрались до московской квартиры Людмилы Ивановны. Вера провела там почти трое суток. Обе женщины были подавлены, вздрагивали от телефонных звонков. Порою казалось: все, что с ними произошло – лишь пролог к чему-то невероятно ужасному, что уже топчется на пороге. Не верилось, что наступила развязка.

Надо было возвращаться домой. Обе засобирались, но все валилось из рук. Упаковали чемоданы, купили билеты. Как могли, поддерживали друг друга. В Ярске вылетели девятого октября.

* * *

В аэропорту Веру никто не встретил. Добиралась к себе на троллейбусе, злясь на Вадима. (Привыкла за восемь лет, что муж не отличается предупредительностью, но хоть тут-то уж мог бы подсуетиться!) Дома, несмотря на поздний час, никого не было. Дверь открыла своим ключом.

Позвонила матери, сообщила о приезде. Спросила о сыне.

– Дима у меня, Верочка, – волнуясь, ответила мать. – Он уже спит. Ты-то как?

– Жива-здорова. А так... Потом расскажу! Утром увидимся, я к вам приеду. Сейчас спать ложусь, ноги не держат.

Отключила телефон, забралась в горячую ванну. Следуя совету Людмилы Ивановны, перед сном приняла «мезапам».

Утром ее разбудил настойчивый звонок в дверь. Настенные часы показывали начало одиннадцатого. Накинув халат, побежала открывать. Спросонок не спросила, кто пришел, не посмотрела в глазок. Отворив дверь, попятилась: на площадке стояли трое незнакомых мужчин. Не спросясь, в прихожую зашли двое: бритый, в кожаном черном плаще и сутулый, с папкой в руках. Третий остался за дверью.

Бритый молча прошел в комнаты, по-хозяйски оценивая планировку, высоту потолков. Сутулый присел на стул, насадил очки на жирные скулы.

– Вера Васильевна, я юрист. Пока вы были в командировке, ваш муж продал эту квартиру. Вот документы...

– Мой му-уж?..

– Да! Вот посмотрите. – Раскрыл папку, вынул бумаги. – Видите? Все оформлено, как положено.

Вера лихорадочно схватила листки: на документах стояла подпись Вадима. Рука ее судорожно смяла бумагу.

– Что это значит?!

– Это значит – власть переменялась, – бритый вернулся в прихожую. Увидел на тумбочке ключи от квартиры, положил в карман. – Собирай манатки и шлепай отсель.

– Он не имел права это подписывать... – упавшим голосом проговорила Вера.

– Мужик твой сам все расскажет.

– Я никуда не пойду!

Бритый подошел к Вере вплотную, прищурился недобро. Обдав смрадным дыханием, негромко сказал:

– Не надо дергаться. Сейчас ты оденешься, и мы выйдем все вместе. Дверь я закрою с той стороны. А уж потом беги, жалуйся. Хоть к прокурору!

– Ладно, – взгляд Веры уперся в спину бритого; проступившие морщинки у рта изобразили такую меру брезгливости, что сутулый неловко заерзал на стуле. – Ладно! Без прокурора управимся. Еще поглядим...

– Ну-ну, – отойдя к двери, через плечо бросил бритый. – У нас не как в совдепии ср...ой – четко все, как в аптеке. Так что гляди, не гляди...

Глава тринадцатая

НА БОЛЬШОМ КРУГЕ

В эти дни Оренбург готовился принять Большой Круг казаков России. Все казачьи войска, все отделы послали на Круг делегации. Выборные от Ярска добирались до Оренбурга в одном вагоне с забайкальцами, сибиряками. В Челябинске к поезду прице-

пили еще вагон казаков. Прочие пассажиры смотрели на разнообразие папах и шашек с опасливым удивлением. Впрочем, многие быстро успокоились. Казаки на походе соблюдали образцовый порядок: утром и вечером – общая поверка с построениями на крупных станциях; по просьбе бригадира поезда состав обходил казачий патруль; на все время пути и до окончания Круга был объявлен «сухой закон».

Поезд мчался на юго-запад среди осенней южно-уральской степи. Жители затерянных в сумерках станций и полустанков слышали доносившиеся из окон вагонов то разгульно-веселые, то заунывно-печальные казачьи песни. Поезд шел мимо разграбленных, заброшенных мастерских, заводов и ферм, шел на запад – туда, где в надменной столице среди неостывших после побоища тел русских людей пировали, славя новоявленного царя, бояре. Уже мало кто верил, что когда-либо найдется управа на сатанински-коварную боярскую силу, уже прагматично-расчетливый Запад прикидывал новые выгоды от ослабления, унижения России, как вдруг, назло предательству, смертям и разрухе, - грянула с пограничья, покатила во все концы грозная, вольная песня! Всполошились чванливые англосаксы, побелели ненавистники России Киссинджер и Бжезинский, чуя надвигающийся прилив великой, несокрушимой силы русского человека.

*Как на дикий Терек, как на дикий Терек
Вывели казаки десять тысяч лошадей!
И покрылось поле, и покрылся берег
Сотнями порубанных, пострелянных людей...*

В Челябинске, на привокзальной платформе, пожилой подъесаул добрые четверть часа «играл» шашкой – выделял такие фокусы, что зеваки только ахали, жмурясь от жутко-холодного блеска стремительно рассекавшего воздух клинка.

– Ух, молодец! – утирая платком лицо, с радостным удивлением воскликнул дородный железнодорожник. – Кто ж научил-то такому?

– Батька мой, кто же еще! – не оставляя своего занятия, белозубо оскалился подъесаул. Из вагона вышел молодцеватый поджарый казак и начал проделывать то же, но уже двумя шашками.

– И на что только людей нет! – сказала немолодая женщина.

В ее голосе читалось сомнение: то ли осуждать увиденное, то ли без стеснения удивиться. – А мы-то думали, Гришка Мелехов был последний казак.

– Не скажи, – возразил ей высокий строгий старик. – В Отечественную они себя показали! Дрались, как подобает... В Шпрее коней купали!

– Да, казаки в трудный момент не раз выручали, – кивнул одобрительно железнодорожник.

– А теперь что, не трудный?! – запричитала желчная сухая старушка. – Теперь-то они за кого? За капиталистов будут нас ногайками потчевать!

Поезд тронулся. Казаки рассыпались по вагонам, оставив спорящих на платформе.

В купе, занятом Валентином и тремя его товарищами, шел разговор о недавних московских событиях. Сотник-красноярец рассказывал Сашке:

– Так, говоришь, четверых вы в Москву послали? А мы, брат, еще хлеще вляпались. Полсотни ребят туда отрядили!

Увидя входящего в купе Валентина, Сашка подвинулся, уступил место.

– Присаживайся, атаман. Тут у братьев новостей целый воз. – Красноярец: – Пятьдесят человек! А известно, что с ними?

– Это ты у Баркашова спроси! – нахмурился красноярец. Он у нас в Красноярске оч-ченно активную агитацию развернул! Дескать, вы, казаки, за великую Россию и мы, члены РНЕ, тоже. Видите, давят нас инородцы? Видите, как в бывших республиках над русскими изгаляются? Чьих рук дело? Гайдаров, Чубайсов и прочих поганцев. Они империю америкосам и жидо-масонам продали, теперь Россию распродают. Что делать? Нужна мощная организация, железная дисциплина! Русское Национальное Единство – не хухры-мухры: имеет надежные связи с армией, структурами бывшего КГБ. Есть оружие, учебно-тренировочный центр. Главное – в нужный час собраться, ударить... Будет и на русской улице праздник. Власть – национал-патриотам! Агентов Запада – на фонари!

– Втянули парней в авантюру! – отозвался чей-то бас с верхней полки.

– Вступили в РНЕ лучшие, молодые, – продолжал красноярец. – Цвет русского народа вступил! Ну, двадцать первого сентября

самолетом направили мы полусотню в Москву. Через неделю Баркашов снова звонит: высылайте еще людей! Но уж тут мы почувствовали подвох, тормознули остальных-то ребят. В день нашего отъезда на Круг один-единственный казак живым оттуда вернулся...

– Рассказал: в Белом Доме провокаторы заправляли, – с верхней полки свесилась бородатая голова. Казак протянул руку, окуренными пальцами подхватил стакан с чаем. – Собрали со всей России русских ребят-патриотов – и под пушки! Сами-то все, небось, живы-здоровы, заправили грёбаные!

– Все! – подтвердил красноярец. – И Хасбулатов, и Баркашов, и Руцкой. Ни один депутат не погиб. А ребят наших после капитуляции – на стадион и к стенке! А сколько при штурме, в Останкино полегло? Говорят, сотни! Си-Эн-Эн ликовало: смотрите все, как защитникам великой России кровь пускают!

– Вот они, демократы, – вспыхнул Сашка. – Вот, значит, как с нами, русскими, поступили...

– В танках, что по Белому Дому лупили, тоже русские сидели, – возразил красноярец. – Кантемировцы хреновы! Купились, говорят, за «штуку» «зелени» да за пять «лимончиков» «деревянными».

– Таких ребят положили!

– Настоящих русских парней...

– Н-да, провокацию учинили – на зависть Геббельсу.

– Иуды! – мрачно проговорил Валентин.

Ему было не по себе – неотвязно грызла мысль: как там, в Москве, Андрей с ребятами? Как Вера? Ощупывая карманы (искал сигареты), вышел в пустой тамбур. В противоположном конце коридора показался отец Михаил, войсковой священник из Красноярска. Забыв про курево, Валентин двинулся навстречу ему.

– Батюшка, я хотел бы побеседовать с вами.

Священник поднял свои небольшие внимательные глаза, сказал мягко:

– Пойдемте, сотник.

Зашли в купе отца Михаила: теплая ряса на вешалке, термос на столике, походная икона в углу. Валентин присел напротив священника, сказал с болью:

– Батюшка, в Москве произошло кровопролитие. Погибло

много русских, православных людей. Тяжело на душе! Что делать, скажите?

Отец Михаил слушал вдумчиво, оглаживая небольшую темнорусую бороду.

– Да, братоубийство – тягчайший грех. Господь не простил нас за былые кровопролития. Не покаившись за прошлые злодеяния, новые совершаем!.. Что делать, говорите? Молитесь! Исполнять долг православного христианина.

– Скажите, батюшка, – с ноткой тревожного любопытства продолжал Валентин, – можно ли военному человеку стреляться, чтобы не попасть во вражеский плен? Самоубийство ли это?

– Самоубийство, – наклонив крупную голову, подтвердил отец Михаил.

– Как же быть? Ведь плен – позор, мучения тяжкие.

– Что ж, – поджал губы священник, – и Христос муки терпел.

– А когда гранатой и себя, и врагов подрываешь? Тоже – самоубийство?

– Нет! Погибнуть в бою вкупе с врагами России и веры православной – великий воинский подвиг.

* * *

В Оренбург прибыло более восьмисот казаков. Фойе административного здания, где проходил Большой Круг, пестрело разноцветьем мундиров всех одиннадцати казачьих войск. Стоя у парадного входа, Валентин любовался статью, выправкой терцев, кубанцев, богатой отделкой оружия. Особый восторг вызывали донцы – кряжистые бородатые казаки в двубортных синих мундирах, с отцовскими шашками, убереженными, несмотря на все репрессии и реквизиции. Глядя на них, Валентин мысленно восклицал: «Жив казачий род, стоит Россия!»

Друзья-товарищи из разных войск узнавали друг друга: раздавались шумные возгласы, радостный смех. К Валентину подошла группа терцев (знали друг друга по Приднестровью); после дружных объятий начался обмен новостями.

– Мы, Валентин, ну оч-чень весело сюда ехали, – подкручивая пшеничного цвета усы, говорил молодой, подвижный как ртуть вахмистр. – Ух, потешились!

– Побачим, побачим...

– Понимаешь, с нами в поезде черноты всякой ехало – как при

Мамае. Как-то идем по составу, вижу: в тамбуре чеченцы. Базарят о нас похабно – каркают, как грачи. Но я-то терских кровей, понимаю по-ихнему! Мигнул своим: одного хватаем – и нагаек в задние ворота! Другой аж затрясся, просит: казаки, я вас уважаю, миллион отдам, только не позорьте!

– Зауважал, сволочь.

– Ну, и этому еще десяток «горячих» ввалили! Через час-другой глядим – в поезде тишь да гладь, ушли «звери»-то.

Отсмеявшись вместе со всеми, бородатый плотный хорунжий сказал:

– Все ж, братья, Россия – не поезд. Порядка покуда в ней нет!

Вновь заговорили о московском побоище, выплескивая горечь и гнев.

В дверях показался белоснежный китель атамана Союза казаков – и вся группа, не сговариваясь, потянулась туда.

– Скажи, батько, чего сейчас ждуть? – спросил главного атамана бородатый хорунжий. – В Москве никак опять – гражданская война?

– Да, казаки, худо, – атаман обвел всех острым взглядом. – Положение шаткое, неустойчивое. Власти напуганы. Хотели запретить проведение нашего круга, да побоялись.

– Ишь ты!

– Время тяжелое, братья. Казачья доля – нелегкая доля. Но время на нас работает, верьте. Вспомните двадцатые-тридцатые годы. Если уж их пережили, так неужто нынче попятимся?

– Верно, батько!

– В единстве – сила наша. Глядите, сколько казаков сюда съехалось. Оренбуржцы спрашивают: неужто мы казачье царство создать задумали здесь?

Спустя полчаса атаман Союза казаков в своем докладе на Круге сказал:

– Неприятеля, ненавистники России из ЦРУ и подобных структур открыто признали: казачество России на данный момент – единственная серьезная сила, препятствующая развалу и разрушению нашей державы, так как именно казаки способны к самоорганизации. Нас боятся, нас хотят расколоть, подкупить, подчинить. Что делать? Как быть? Надо во всем следовать заветам отцов и дедов: видеть в друге – друга, во враге – врага. Часто спрашивают: а какая у вас, казаков, идея? Есть ли программа?

Программа наша простая. Это – земля, казачья служба, возрождение духовных традиций. Разберем по порядку. Земля. На ней жили, хозяйствовались предки наши. И нам она досталась в наследство не затем, чтобы продувануть ее, распродать. Наша земля должна кормить своих верных сыновей, своих защитников. Казачья служба. Каждый русский человек, гражданин России обязан служить Отечеству. Кто – в армии, кто – у школьной доски, кто – за операционным столом. Казаки исстари несли военную службу, охраняли бескрайние границы России. Если государство не на словах, а на деле займется организацией казачьей службы, мы, казаки, приумножим на этом поприще славу отцов и дедов. Возрождение традиций. Мы – часть великого русского народа, имеющего неоспоримые заслуги перед всем человечеством. Наша история как никакая другая богата великими свершениями, подвигами. Наши предки совершили их потому, что несли в себе высокий духовный заряд – не щадя живота, служили Богу, Отечеству. На светлой, прекрасной идее воспитывали детей. Наш путь – путь, указанный десятками предшествующих поколений. И мы с него не свернем! Враги России больше всего на свете боятся возрождения нашего патриотизма, торжества государственной идеи, низвержения безбожного космополитизма. Им не нужна сильная, могучая Россия. Но она нужна нам! Иначе что мы оставим своим детям и внукам в наследство?

* * *

На другой день, построившись в колонну по четыре, выборные на Большой Круг двинулись на берег реки Урал, к месту массовых расстрелов казаков в годы большевистского террора.

Вперед выдвинулись оркестр и взводы кадет. В колонне шли казаки разных возрастов, разной комплекции. Каждый старался держать ногу, атамана одергивали отстающих. Вскоре все восемьсот, ступая грозно и тяжело, печатали шаг. Развеваясь по ветру, плыло над головами казачье знамя, оркестр в десяток труб выдувал полузабытые марши.

Шли почти через полгорода. Жители Оренбурга высыпали на тротуары, балконы, приникли к окнам. Сила могучей колонны завораживала, заставляла сердца восторженно биться.

Вышли к набережной возле бывшего Неплюевского кадетско-

го корпуса. С крутого высокого берега хорошо были видны и река, и роща на той стороне. В этой-то роще и полегли в лихое время казацкии головушки.

Стоя в общем строю, Валентин пытался представить те далекие страшные годы.

Людей брали из домов по ночам, свозили в тюрьму сотнями со всего Оренбуржья. Сначала – бывших офицеров, урядников. Потом рядовых, просто штатских – им тоже клеили ярлыки расстрельных статей. Потом пришла очередь «красных казаков». Тюрьма переполнена здоровыми, грамотными людьми, которых ненавидят, боятся власти, которые объявлены врагами лютыми, хоть и родились на этой земле, хоть и связаны с палачами единокровным родством... Последняя ночь. Заходят в камеры, зачитывают списки несчастных: «Выходи!..» В грузовиках везут на правый берег Урала. Чекисты с винтовками, револьверами. Прозрачный свет фонарей. Глубокий ров. «Именем трудового народа!» Слова торопливой молитвы. Выстрелы. Предсмертные хрипы. Ругань чекистов. Оскал ущербной луны: живым – власть, убиенным – забвение...

– Господи, упокой души их! – прошептал, крестясь, Сашка. – Эх, увидели б они нас сейчас! Что бы сказали?

Глава четырнадцатая

«СТРЕЛА»

Из Оренбурга в Ярск Валентин прибыл поездом, рано утром. Дома, кое-как стянув сапоги, лег было спать, – уже в восемь утра залился нудными трелями телефон.

Звонил дежурный из штаба.

– С благополучным прибытием, господин атаман.

– Спасибо, – спросонок хрипло буркнул в трубку Валентин.

– Вас спрашивала Вера Васильевна Воронова. В журнале есть запись. У нее к вам срочный вопрос.

Валентин набрал рабочий телефон Веры. Услышал в трубке ее взволнованный голос.

– Вера, это я.

– Валентин, ты можешь приехать? Я должна тебя видеть.

– Еду.

Перед уходом он хотел было побриться, - так и замер у зеркала с намыленной щекой. Дрогнувшее сердце подсказывало: за эти долгие тяжелые дни что-то случилось. Так и не побрившись, смахнул со щек мыльную пену, побежал во двор, где ждал примчавшийся на «УАЗике» Сашка.

Вера заперла кабинет, поручив помощнику направлять всех посетителей к Кожину. Сидели в мягких креслах в уголке отдыха: Вера рассказывала, Валентин слушал.

Она подробно поведала обо всем, что случилось за последние три недели: об осаде и штурме Белого Дома, об Андрее, о своем возвращении в Ярск и «наезде» жуликов, случившемся третьего дня. Слушая ее, Валентин не усидел – заложив руки за поясной ремень, принялся расхаживать по кабинету.

– Ну, а Вадим-то где?

Она гневно сдвинула брови; губы дрожали.

– Не знаю. Ни ответа от него, ни привета. Звонила Ольге – она говорит: жив-здоров. Почему носа не кажет? Бойтся!

– Весело живете, – Валентин перестал ходить, уселся за телефон. – Ваша квартира приватизирована?

– Да.

– Кто владельцем записан?

– Мы оба – я и Вадим.

– Ха! Что за бумаги они состряпали?

– Я их толком не разглядела. Этот бритый – кажется, я знаю его... Помнишь, в ресторане он к нашему столику подходил?

– Мясник?!

– Да, кажется. Выхватил у меня бумаги, я только подпись Вадима и разглядела.

– Все это, Вера, как говорят бывалые люди, понты. Квартиру они отобрать не смогут. Здесь явно прослеживается – напугать, а затем вытянуть деньги у вас... Ты ничего им не обещала?

– Обещала... – Вера подошла к Валентину, положила руку ему на плечо. – Сказала, что крупный разговор с ними еще впереди.

Валентин с некоторой иронией поглядел на Веру, рассмеялся.

– Правильно. Умница! – Снял телефонную трубку. – Ты будь здесь, никуда не высовывайся. Димка где, у бабушки? Позвони им, чтобы дома сидели. – И, набирая номер: – Сегодня мы на этом деле поставим точку! Или восклицательный знак.

В воровской среде не составилось единства во взгляде на казаков в этой жизни. Если с «братвой», «отморозками», «мужиками» и прочими было все ясно, то – что такое казаки? Чего добиваются? Какие у них понятия? На все это в головах «бригадиров», «смотрящих» не находилось ответа. В последние годы появились крикливые вездесущие демократы, усилились «афганцы», нацмены. Свое место на «ярмарке тщеславия» они заняли быстро и прочно. А казаки: чем собираются жить? Что у них есть? Как намерены ужиться с властями, ментами? Неведомо откуда взявшаяся казачья сила настораживала, пугала.

Засылали к казакам «испытанных корешей» – большинство атаманов не очень-то им доверяло. А те, что проникли в казачьи общества, потом, на «сходняках», не могли толком ничего объяснить. Ну, молятся казаки Богу, за воровство, мошенничество секут, на войне добровольно лезут под пули. Коммерческих льгот не имеют. Все это с точки зрения российского жулика пониманию как бы мало доступно. Когда стало известно, что казаки создают, регистрируют частные охранные фирмы, добиваются у властей права «держат» границы, отвечать за охрану порядка в селах и городах, – «смотрящий» за городом, хмыкнув, изрек:

– Вон они куда... За порядок, значит. Ну и будут – полументы!

Вскоре, однако, все убедились, что казаки в обиду своих не дают, в стычках с «братвой» действуют решительно, сообща. А тут еще в Приднестровье казаки набили рожи Бог весть что о себе возомнившим румынам, навезли оттуда «стволов»... «Блаткомитет» постановил: с казаками не связываться, спорные дела решать миром – особенно если «клиенты братвы» не правы.

Все это учитывал Валентин, готовясь к «стреле» с людьми Мясника.

«Стрелу» забили во дворе Вериного дома. В назначенный час туда на пяти иномарках пожаловали крепкие спортивного вида молодчики в кожаных куртках. Молча курили, жевали жвачку, зорко поглядывали по сторонам. Из нового белого «джипа» вышел Мясник, легонько, носком ботинка, попинал покрышки, не спеша направился к видавшим виды «жигулям» Валентина.

Поздоровались. Валентин скупым жестом пригласил бригадира в салон. (К «жигулям» подкатил было лупоглазый мерно

жующий «браток», – увидя, что атаман беседует с Мясником тет-а-тет, удалился.) Тем временем пять казаков в камуфляже с эмблемами охранного предприятия рассыпались возле своего «УАЗика», курили, шутили, как ни в чем ни бывало.

– Второй раз беспокоишь меня, атаман, – в голосе Мясника чувствовалась неуверенность – вертел головой, ожидая подвоха (неровен час, накроют менты). – Уже второй раз.

– Так ведь по делу, – Валентин, не мигая, смотрел в глаза «бригадира». – Зачем женщину обижаешь?

– Какую женщину? Депутата?

– Да. Ее весь город знает. Заслуженный человек. А вы бумажки липовые предъявляете, барыг на эти дела подпрягли. Считаю, что вы не правы!

Мясник ощерил желтые зубы, сказал развязно:

– Из-за бабы, значит, сыр-бор. Только мы тут не причем. Никто ее пальцем не тронул. Мужик ее задолжал!

Валентин – темнея лицом:

– До Вадима с Ольгой мне дела нет. Они музыку заказывали, с ними и разбирайтесь. А насчет Веры я тебя один раз предупреждал. Не забыл? Ты что, круче всех крутых?

– Ага, с самым большим винтом... Как я свердловчанам деньги верну?

– А ты сам, что ли, сахарок продаешь? Вместе с Ольгой? Что ж вы тогда кричите: нам, дескать, до торгашей дела нет, торговать-спекулировать запаadlo?

– Вот, значит, какой у нас пошел разговор!.. – «завелся» было Мясник. Но вдруг осекся, прислушиваясь; вытянул шею.

Свистя в выхлопную трубу, из-за угла дома плавно вырулила зеленая БРДМ. («Братки» повысовывались из окон машин, тараща глаза.) Бронемашина была самая настоящая: с башней и пушкой, боевыми вмятинами на броне. Ворочая башней, встала у выезда, отрезав «джипу» Мясника пути ретирады. Из башенного люка в новеньком кепи с кокардой вылез ухмыляющийся Сашка. Он спустил длинные ноги на борт, весело помахал Валентину рукой. Черный зев двадцатимиллиметрового орудия, опустившись, нацелился на «джип» бригадира. Казаки достали «винчестеры», рассредоточились за броней.

– Это... откуда? – Мясник ни жив ни мертв вжался в сиденье.

– Это – оттуда, – со злой усмешкой отрубил Валентин. Разжал

кулак, сунул ладонь под нос «бригадиру». – Короче: бумаги, ключи от квартиры сюда!

Мясник высунулся из машины, закричал запыленно:

– Авшалум, неси чемодан!

Прибежал сутулый юрист с «дипломатом»; приседая как в реверансе, отдал Валентину подписанные Вадимом документы, ключи.

– Вот и ладно, – Валентин бегом просмотрел бумаги; небрежно свернув, сунул в карман. – Бывайте здоровы.

Мясник не уходил, топтался возле машины. Косясь на БРДМ, с опаской спросил:

– А как я эту дуру объеду?

– А ты по газону, – Валентин не спеша достал сигареты, чиркнул зажигалкой, с наслаждением затянулся. – Машина у тебя – вездеход... Дуй, не бойсь, отцвели хризантемы уже.

Глава пятнадцатая

КРЕЩЕНИЕ

Бронемашину Валентин получил от военкомата для обучения кадет-казачат. Как раз в день «стрелы» БРДМ требовалось перегнать во двор казачьего штаба. Конечно, боезапаса не было никакого, замок с орудия снят.

У страха глаза велики. Казаки потом долго смеялись, «братва» не один день была «на ушах». Кончилось тем, что «смотрящий» (а он не жаловал Мясника за жадность и спесь) среди своих объявил:

– Все правильно. Казачки молодцы. Не собздели! Я тоже в десантуре служил. А батя мой покойный – герой. Понимать надо.

Это была правда. Из-за своей армейской службы Фомич так и не был «коронован» как «вор в законе». В дни загулов он являлся друзьям в десантном тельнике, увешенном орденами и медалями отца (золотая звезда Героя Советского Союза после смерти фронтовика прилипла к рукам какого-то председателя сельсовета), «толкал речь за жизнь», а то и пел под гитару.

В Ярске жила легенда о том, как Фомич в первый раз «сел». В юности он полюбил одноклассницу Надю, и она отвечала взаимностью. Перед уходом в армию Денис взял с девушки клятву, что

она его непременно дождется. Демобилизовавшись из «рядов СА», он летел в родное село как на крыльях – и что же? Надя предала их любовь, вышла замуж. Жестоко обманутый «демпель» был охвачен бешенством, в голове его «перемкнуло». В райцентре он прибил не то инкассатора, не то почтальона, взял крупную сумму наличных. На другой день зауральский Каскарилья угощал все село, беспрерывно пел и плясал, завивая горе веревочкой. Наутро его взяли. Время было советское, деньги народные. «Срок мотать» пришлось «от звонка до звонка». Впоследствии Фомич и Надежда сошлись; она родила ему двух детей. Но простить ее он не смог – бил и матерно поносил во хмелю. Оба нашли свой конец в один день: разбились на «мерседесе», уходя от милицейской погони.

Словом, последствия неудачной для «бригады» Мясника «стрелки» замяли. Вера с Димкой перебрались к себе. На двери сменили замки, по вечерам в квартиру наведывались Валентин и Сашка. Вера напряженно работала, пыталась поправить пошатнувшиеся дела завода (заказчики грешили неплатежами, государство придавило налогами), но – не было обычного настроения, ныла душа.

Грызла мысль: для чего жила свои тридцать лет? Идея, которой служила, оказалась ненужной, как дедовская шинель. Замуж вышла, сына зачала без взаимной любви. Даже то, чему отданы многие годы, – завод – медленно умирает. Есть еще Валентин... Но как, не развязавшись с одним, броситься на шею другому? Долгими декабрьскими ночами Вера металась в постели, кусала подушку. Замирала, прислушиваясь к полету времени, что безвозвратно уносило минуты. Все, что давно созрело в душе, ожило, затосковало. В полусне приходили такие видения – дрожала, как в лихорадке. Что-то придется еще испытать? Жизнь не кончена в тридцать лет...

В начале предновогодней недели в рабочий кабинет Веры появился Вадим.

Пока Вера спешно заканчивала неотложные дела дня – звонила, вызывала людей – Вадим молча сидел в мягком кресле. Курил, болезненно помаргивая припухшими веками. Когда зажигал сигарету, руки тряслись. Рубашка – не первой свежести, замок зимнего сапога давно поломался и не застегивался.

Закрыв за последним посетителем дверь, Вера облизнула

пересохшие губы:

– Я рада, что ты жив и здоров.

– Рада, говоришь?! – Вадим сразу взорвался. – Тебе хорошо в кабинетике рассуждать. Постояла бы, как я, под стволом!

Вера не раз замечала: в своих бедах и неудачах закоренелый гордец Вадим всегда винил кого угодно, но не себя. Вначале это ее бесило, потом махнула рукой. Жизнь Вадима так уж сложилась, что он с пониманием воспринимал только поощрения и награды. Какого труда стоило достижение вершин жизни, он и не ведал: привык не добиваться трудом желаемого, а брать. Если взять не удавалось, искал виноватых.

– Спасибо, любимый, – проговорила Вера с брезгливостью. – Из-за тебя я еще под стволом не стояла!

Вадим как будто смутился: глаза забегали, руки суетливо шарили по карманам. (Насчет «ствола» он, конечно, загнул.)

– Было б за что, – продолжала Вера. – А то за твои долги! Если не умеешь работать, лучше бы дома сидел. Уж как-нибудь прокормила...

Подняла глаза – и сердце упало. Вадима нельзя было узнать: на щеках красные пятна, глаза сузились как у кошки.

– Что ты понимаешь своим овечьим умом? Овца!.. Работать меня еще поучи! С «совками» своими уже наработала!

Да, она задела самую большую его струну. Как ликовал Вадим, открывая «свое, собственное» дело, как хвалился оборотистостью перед «совками»! Все пошло прахом...

Вера смотрела на мужа и не узнавала его: упершись руками в столешницу, тяжело, мешковато приподнялся над столом; лоб избороздили морщины, отвисшая челюсть дрожала.

– Что наработаешь, когда жулики влезли? Это тебе не в обкомах заседать!.. А ты-то со своими «совками» – чего добилась? Ельцин вас потоптал как клопов, по щелям разбежались – вонять.

– У меня есть завод.

– Завод?! – не дойдя до двери, Валим обернулся, взвизгнул: – Заткни его себе в!.. – Взялся за дверную ручку: – Ты меня достала... Я на развод подаю! Если не согласна, тогда – до встречи в суде!

Стиснув руками голову, Вера упала в кресло. Щемящая боль сдавила горло, затылок. Слепо шаря в сумочке, искала таблетки. Шептала как в забытьи:

– Что я, что я наговорила? Не надо было так... Столько лет прожили, сын ведь у нас... И ни я, ни он – ни слова о Димке. Господи, что же это такое?!

Когда в кабинет вошел Валентин, Вера была будто в горячке, едва узнала его. Валентину немалых усилий стоило одеть Веру, довести до машины. Из Вериной квартиры позвонил знакомому терапевту – тот быстро приехал. После осмотра врач сказал:

– Похоже, нервный срыв. Нужен невропатолог. Есть у меня знакомый, завтра утром вместе приедем. А пока купите вот это. – Записал на бумажке название препарата.

Валентин сгонял в аптеку за таблетками. (Кое-как с Клавдией Кузьминичной заставили Веру их выпить.) Ночь провел в соседней комнате, на диване – спал, не раздеваясь. Утром приехали два врача. Рослый громогласный невропатолог затратил на осмотр и беседу десять минут. Весело, будто гол забил, заключил:

– Неврастения. Роды тяжелые были?.. Ага! И Белый Дом упал, так сказать, на чашу весов. Что ж, отправим на месяцок в стационар. Подлечат, и все будет о'кей.

– Это что, в психушку? – встрепенулся Валентин. – Не отпускай!

Эскулап оставил на Валентина блеклые выкаченные глаза:

– А вы кто? Муж?

– Читайте, что муж, – глянув исподлобья, с усилием проговорил Валентин.

– Ладно, – неожиданно легко согласился врач, – выписываю рецепты. Если больной станет хуже, вот телефон – вызывайте бригаду.

На другой день Вере стало немного лучше. Валентин подошел к постели, взял ее руку.

– Вера, скажи, ты крещеная?

– Нет.

– А Димка?

– Н-нет, не крестили.

– Хочешь, попрошу отца Ермогена?.. Он вас окрестит.

Вера помолчала, подняв глаза к потолку. Ладонь ее, теплая и

сухая, покойно лежала в руке Валентина; у виска пульсировала голубая жилка.

– Хочу.

Через два часа Валентин привез отца Ермогена, сопровождаемого молодым худощавым дьяконом. Сашка внес иконы, купель, церковную утварь. Вера встретила всех в прихожей. Она была в спортивном костюме, причесана, но без макияжа. Тут же крутился Димка. Девяностосемилетний иеромонах, не сняв полушубка, первым делом направился к Вере.

– Детонька моя, плохо тебе?

Он взял ее холодные руки. Выцветшие глаза смотрели зорко, низкий, чуть надтреснутый голос был и ласков, и тверд.

Вера подняла голову, встретила взгляд монаха – лицо задрожало:

– Плохо...

– Ничего, детонька, успокойся, – Ермоген погладил ее по голове. – В горницу пойдёмте.

Лишь только расставили иконы, наполнили водою купель, иеромонах громко сказал:

– Казаки, обождите в прихожей. – Вере: – Разденься до пояса и с ребеночка рубашку снимите... Ковш несите!

Свершив обряд крещения, отец Ермоген еще долго молился, потом беседовал с Верой и Димкой. (Мальчик притих, доверчиво трогал узловатые морщинистые пальцы монаха, касался тяжело наперстного креста.) На прощанье Ермоген сказал:

– Оставляю вам храмовую икону Пресвятой Богородицы. Молитесь! Да минуют вас беды, напасти и хворь.

Глава шестнадцатая

ВАЛЕНТИН

– Знаешь, Валентин, Верочке сразу после крещения лучше стало! – взволнованно рассказывала Валентину Клавдия Кузьминична. – Молится она утром и вечером. Вчера в ее комнату захожу – она к иконе прижалась, плачет, слезы бегут. А утром встала – такая свежая, ясноглазая...

Валентин и сам видел, что дело пошло на поправку. (Недаром старого монаха считали истинным носителем благодати.) Вера

не принимала таблеток, микстур, но часами сидела возле иконы, читала Библию. Пересказывала Валентину свои ощущения – глаза сияли.

– Когда молилась, рассмотрела на иконе каждое пятнышко, каждую вмятинку. И одеяния Пресвятой Девы, младенца Иисуса. И лики... Отчего я раньше мимо икон проходила? А теперь кажется – заново родилась.

Слушая ее, Валентин улыбался, довольный. Ласково обнял за плечи, подвел к окну.

– А не пора ли на улицу? Смотри, какой денек сегодня. Предлагаю в церковь сходить.

Несмотря на слабые протесты Клавдии Кузьминичны, Вера тут же пошла одеваться.

Придя в храм Александра Невского, оба до конца отстояли службу. Вера молилась еще неумело, озиралась по сторонам, щурясь от блеска царских врат, иконостаса. На пути из храма сказала:

– Кажется, из-под куполов не просто свет струится – изливается на нас благодать.

Валентин остановился, положил руки Вере на плечи:

– Поедем к нам в деревню! – И, будто осененный блестящею мыслью, повторил страстно: – Поедем, Вера! Там и Новый год встретим. У Димки каникулы. Возьму его на рыбалку. Свежий воздух, тишина – все на пользу. Будет хорошо, ты увидишь!

Вера тряхнула головой, сказала просто:

– Поедем. Если хочешь – хоть завтра.

* * *

Церковь на взгорке. В бездонной лазоревой выси сурово чернеют кресты. Издалека видать, как над голубоватым частоколом далекого леса подобно воеводским шеломам впились в небесную твердь церковные купола.

Строился Никольский храм повелением государыни-матушки Екатерины в честь одоления в сих местах пугачевских «злодеев». Строился двадцать пять лет и стоит уж без малого два века.

Много воды утекло с той поры, как впервые здесь бухнули колокола. Содрана позолота со всех семи куполов, разрушен левый придел, сгнила и провалилась крыша. Там, где осыпалась штукатурка, как раны зияют красные кирпичи, а под высокими

сводами прибежище голубей. И кажется, что растекавшийся окрест перезвон давно уже снятых колоколов растворился, исчез в небесах, а приникнешь к холодной мшистой церковной стене – загудит в ушах...

Трогая щербатую стену, думаешь о тех временах, когда гудение колоколов поднимало в небо тучи ворон и галок, когда на паперти колыхалась толпа и золотые ризы блестели в ладанном тумане. За литургией в Духов день творили «память всем от века умершим», возносили под своды, к недоступно-суровым лицам святых горячий шепот молитв. Византийское величие, благолепие, красота.

Все это было когда-то, да минуло, кануло в вечность. Другое было время и люди другие. Даже кладбище неподалеку от церкви не напоминает о той поре: там зарыты останки сыновей и внуков тех, кто когда-то встречал Пасху, – одну из сотен прошедших и предшественницу многих грядущих.

Каждый вечер над куполами в черной бездне небес дивным самоцветом загорается лучистая, но холодная и колючая звезда. Она видела то, что неведомо старой церкви; ее, подобно ныне живущим, видели те, чьи кости покоит старей, где давно уж могилы сравнялись с землею, погост.

Возвращаясь с прогулок, Вера и Валентин подолгу простаивали у храма. Вспоминали прошлое, заговаривали о настоящем.

Здесь, в деревне, Вера ощущала все по-иному. По-иному текло время, по-иному, в тишине, билось неугомонное сердце. Выходила вечером на крыльцо, долго смотрела на звезды. Думала о своем.

Родня Валентина, тетя Люда и баба Уля, приняли Веру и Димку как родных. Первым делом истопили баню. Вера попарилась вдоволь, с азартом. Димка хлестался собственным веничком, просил подтапливать баню почаще. В канун Нового года пекли шаньги и пироги. Праздник справляли впятером, с песнями возле большой разлапистой елки.

Не раз Валентин водил гостей на рыбалку. Сопровождаемые овчаркой Вьюгой, шли к речным старицам, где были расставлены многочисленные «фитили». Валентин долбил застывшие лунки, доставал сплетенную из алюминиевой проволоки снасть, выбрасывал на снег золотистых карасей, полосатых с рубиновыми плавниками окуней, пятнистых зубастых щук. Димка приседал

на корточки, разглядывал диковинных для него, городского мальчика, рыб. Вера брала на ладонь кусочки льда, похожие на хрусталь, улыбалась мягко, загадочно.

Тетка и бабушка Валентина ни о чем «клично-сердечном» Веру не расспрашивали, были по-деревенски обходительны, гостеприимны. Спрашивали о работе, о жизни столичных знаменитостей, депутатов. Но, конечно, не это их волновало – в глазах той и другой Вера читала извечный женский вопрос. Она и себе его не раз задавала. И сердцу становилось тревожно, – чем-то этот упрямый и нежный человек стал близок. Чем он так взволновал ее?

*Очаровательные глазки,
Очаровали вы меня.
В вас много неги, много ласки,
В вас много страсти и огня!*

*Я опущусь на дно морское,
Я поднимусь под облака...
Но я в них что-то замечаю:
Они не смотрят на меня...*

Должно быть, неспроста каждый вечер Валентин ставил пластинку Лидии Руслановой на выдавший виды проигрыватель.

Страстная душа Веры не могла быть в бездействии. То, в чем десять Вера боялась себе признаться, захлестнуло, завладело всем ее существом. Ждала главного – слова любви к себе.

Валентин не пил, не гулял, а ходил в эти дни будто хмельной. Душа его тосковала и пела. Будто играючи, выполнял просьбы Веры, потрафлял капризам и шальным придумкам Димки. Радовался каждому новому дню. Возвращаясь как-то с рыбалки, сказал:

– Понимаешь, в юности хотелось подражать рыцарям, мушкетерам. Нельзя, мол, любимой женщине себя навязывать, пусть она сама выбирает. Кредо такое было, что ли... Дурак был, дурак!

Так Вера узнала от него о том, что так долго хотела понять.

В ночь перед отъездом Вера пришла в комнату Валентина. Неистово-нетерпеливые ласки, глубокий, туманящий головы поцелуй, – все у них было молча, без клятв и горячечных слов. Им не нужно было друг другу ничего говорить. В минуты любовной страсти всякая женщина преобразается: обостряются черты

лица, приоткрываются губы, по-особенному вздрагивают ресницы. Валентин восхищенно смотрел на охваченную любовным экстазом Веру и был поражен, насколько она прекрасна, желанна. Через бездну, некогда их разделявшую, был перекинут мост. Лишь при расставании, целуя ее глаза, Валентин почувствовал на губах соленую влагу, – слезы желанной любви, пришедшей нескоро.

* * *

– Мы все хотим счастья, ждем от жизни радостей, праздников. Знаешь, мне снятся лица ребят возле Белого Дома. Некоторым было лет по семнадцать! Их нет, а все будто забыли... Мы вместе живем и веселимся, а смерть каждый встречает в одиночку... Разве цель, ради которой они шли под пули, стоила того, чтобы так распорядиться жизнями их?

– Андрей верно сказал: дело это мужское.

– Но ведь многие из тех, что погибли, даже имен не оставили!

– Эти люди пали за Русь, за веру. Они не будут забыты. Не век пьяное чудовище будет править... Мы узнаем их имена. Золотыми буквами высечем! – Валентин тяжело вздохнул: – Панихиду бы отслужить по Андрею...

– А может – он жив?

– Нет. В октябре ко мне фээсбэшники приходили. Пытались узнать, кого мы послали в Москву на защиту нардепов. Потом рассказали о парне, который во время штурма не захотел сдаваться – застрелился на глазах у солдат... По всем приметам это мог быть только Андрей.

– Может, другой кто-нибудь...

– По описанию – он.

– Ты веришь, что Андрей застрелился? Да он без крестного знамения шагу ступить не мог!.. Глаза закрою – стоит предо мной как живой.

... Этот разговор происходил в автомобиле, на пути из деревни до Ярска.

Глава семнадцатая

ПОХМЕЛЬЕ

Заявление о разводе Вадим отнес в ЗАГС сгоряча. Правда, он был железобетонно уверен: от супруги на это согласия не последует. За восемь лет совместной их жизни Вадим убедился, что Вера ему верна как жена, надежна как мать их ребенка. Да, порою живет страстями, но страсти эти далеки от адюльтера, любовных интриг. Стало быть, ему нечего опасаться за Веру, потому как соперников – нет.

Вадим не раз угрожал Вере разводом: жена все время была на виду, а он как бы в тени. Самолюбие его страдало. Но вот они с Ольгой открыли собственную фирму, пустились в коммерческие обороты. Статус Вадима тотчас возрос, он вращался в кругу бизнесменов, не отходил от Ольги, которая, как сам говаривал, была ему «очень близка по духу». Вера не выказывала ревности, даже как будто была довольна, что Вадим «перебесился», что есть и у него какая-то цель. И в самом деле, она была по горло загружена работой, заботами о ребенке. Радовалась уж только тому, что муж, злясь на собственные комплексы, не ревнует ее к значку депутата.

Впрочем, Вадим не особенно ревновал. Положение жены – депутата, директора – его вполне устраивало. Связи Веры, возможности возглавляемого ею завода помогали Вадиму и Ольге двигать свои дела. «Что б мы делали без твоей женушки, Вадик? – мурлыкала любовница-компаньонша в дни наиболее значительных успехов их фирмы. – Как славно, что ее выбрали. Виват народу-труженику!»

Надежды лопнули, как мыльный пузырь. За пристрастие к «залупастым Советам» Веру исторгли из столичного истеблишмента; еще поговаривали, что злопамятный «гарант» не остановится на достигнутом, достанет недругов в губерниях и уездах. В это же время Вадим влип в «сахарную историю», бандиты и жулики «ошкурили» его «до трусов».

Как только хватка Мясника и его подручных на время ослабла (уразумели, что с «лоховатого» больше нечего взять), Вадим «лег на дно» – «зализывать раны», размышлять «за жизнь». «Наезды» кончились, можно было перевести дух. От воров удалось

утаить некоторую сумму в рублях и валюте. Теперь, отсидевшись, он рассчитывал начать все «по новой», вернуться в бизнес. Вадим снимал «гостинку» в рабочем поселке. Туда он загодя перевез видеоманитофон, небольшой телевизор, кое-что из личных вещей. Жил тихо, лишний раз не высовывался. С соседями близко не сходил, хотя вел себя вежливо. (На этаже сложилось мнение, что Вадим – не иначе как «адвокат или мент цветной».) О месте новой его дислокации не ведала даже Ольга.

С Ольгой отшельник связывал надежды на лучшее будущее. «Крутые» жулики покамест ее не трогали, фирма продолжала работать: открылись большой магазин, автостоянка, выкупались склады с подъездными путями. В голове Вадима рождались новые планы. В снежный февральский день он взял такси (любимый «мерс» так и остался под Фомичом), поехал за город. Миновав сосновый бор, «волга» взобралась по гололеду на гору, на которой красовался Ольгин коттедж.

Отпустив машину, Вадим долго ходил вокруг ограды. Снова разглядывал хоромы подруги, щурился от налипших на ресницы снежинок..

На фоне соседствующих дачных домиков «замок» смотрелся празднично и величаво, как боярин рядом с крепостным мужичьем. Со своего возвышения он как бы господствовал над округой, поглядывал презрительно, свысока. Строение-мечта, символ эпохи, расколовшей людскую массу на «крутых» и «лузеров», хозяев и слуг.

Вадим не усматривал трагедии в этом расколе. Люди в неравенстве рождаются, в неравенстве умирают, без чинов и мощны они только в бане, рассуждал он. Вот, к примеру, Ольга. Ее расчетливость, деловая хватка не могли не восхищать. В свои тридцать лет она уже многого достигла. Водила знакомства с крупными предпринимателями, банкирами, силовиками. В мэрии пинком отворяла двери кабинетов. Так неужели ее, Ольги, место – на одной ступени с провонявшей навозом дояркой или пресловутой кухаркой? Что ни говори, свою «фазенду», свою иномарку она вполне заслужила.

Настроение Вадима было приподнятым, праздничным: еще не вечер, жизнь продолжается! Он громко, требовательно позвонил у парадного, весело ввалился в открытую Ольгой дверь.

– Привет, королевшна! – поцеловав подругу в щеку, Вадим

направился к лестнице.

Ольга цепко взяла его за рукав, усадила на мягкий пуф в прихожей. Она была в темном брючном костюме, пальцы испачканы пастой от шариковой ручки. Волосы растрепаны, глаза холодные, с устало-равнодушным прищуром. Быстро зажгла сигарету, придвинула большую хрустальную вазу – стряхивать пепел. Вадим сделал вид, что ничуть не смущен неласковостью приема.

– Ну настоящая королевшишна, – шутивно-подобострастно переломился в поклоне Вадим. – Ах, какой дворец, грандиозно, ей Богу! Еще короля сюда не хватает.

– Уж не ты ли в короли набиваешься? – выпуская дым из ноздрей, лениво спросила она.

– А что, – приосанился Вадим, – я еще ого-го! – Загадочно улыбаясь, пошарил в кармане: – Королевишне – королевский подарок. – Достал изящный золотой браслет, поднес к свету торшера. – Прими в честь прошедшего юбилея.

Ольга приняла подарок, взвесила на ладони. Сунула в карманчик жилета.

– Спасибо.

Помолчали. Вадим не спеша закурил, откашлянулся и сказал:

– Я решил выходить из подполья. Пора пахать. Жулики вроде отстали... Надоело без дела, ей-ей.

У Ольги кверху прыгнули брови.

– Потрясающе.

– Оля, мы могли бы вместе...

– Вме-есте?! – будто ища защиты, она выставила перед собою ладони. – Вадик, окстись! Если нас вместе увидят, Мясник меня пошинкует.

Сердце Вадима дрябло затрепетало, в глазах зарябило.

– Причем здесь Мясник?

– Не дуркуй. Сколько ты им еще должен? Двадцатку?

– Но можно ведь заработать, отдать...

– Они ждать не любят. А если ждут, то «счетчик» включают. – Покачала головой, откинула прядь со лба. – Короче, Вадик: твое второе пришествие не планируется.

Вадим молчал, собираясь с мыслями, искоса взглядывал на Ольгу. Не впервые подумал: постарела, подурнела бессменная любовница. Сытое лицо, мужской подбородок; из-под тугого

пояса выпирает живот. Подавив липкую дрожь, сказал:

– Слушай, Оля. Я развожусь с Верой, ты знаешь. Ты мне сама говорила...

– Что? – Ольга притворно зевнула.

– Мы ведь любили друг друга.

– Ну!.. – устала на Вадима мрачно-ледяные глаза. – Неужели?

– Не ломай комедию.

– Это ты ломаешь комедию. Теперь, когда Верка твоя без мандата, на кой ты мне нужен?

У Вадима прыгнули щеки.

– Так, – глаза зло вспыхнули. – Так-так. А теперь, значит, нужен этот гиббон Мясник?

Ольга, глядя мимо него, пожала плечами.

– Не твое дело.

Вадим хлопнул себя по коленям, вскочил.

– Конечно! Уж кому давать – это ты единолично решаешь. – Зажав одну ноздрю, сморкнулся в угол. – Однако сколько ...ой ни рули, в рай не въедешь. Следом за мной и тебя кинут! Смотри, прогадаешь, Ольга Марковна.

* * *

Неожиданный, чудовищно потрясший все существо Вадима нокаун.

В самом деле, после визита к Ольге соображал он неважно.

Как это все понимать после стольких лет их близости? После стольких общих дел, многочисленных клятв? На кого она его променяла?! Что с людьми делают деньги...

Просыпаясь, Вадим долго не мог подняться с постели. Курил, сморкался, думал с тоской: «Неужто все это приснилось?» Борясь с закоренелой неврастением, кое-как одевался. Немалых усилий стоило вскипятить чайник, прибрать в комнате. Если требовалось выйти из дому, шепча ругательства, влезал в сапоги и дубленку.

Прошла неделя, прежде чем Вадим смог привести себя в нормальное, деятельное состояние. В конце концов, надо было решать, что делать. Еще теплилась надежда: Ольга была не в духе, поэтому кое-что ляпнула сгоряча. Чтобы проверить это, Вадим предпринял разведку.

В разгар рабочего дня он явился в свой офис, якобы для того, чтобы забрать личные вещи. Пробыл там добрых полчаса, тянул время попусту, заговаривал с секретаршей. Ольга не вышла к нему из своего кабинета. Наихудшие опасения оправдались.

На ватных ногах Вадим добрался до «лежбища». Запершись в комнате, курил, метался, как затравленный лис. Садился к окну, стискивал голову – справлялся с хаосом нахлынувших мыслей. Вместо анализа поступков он то предавался воспоминаниям (то и дело всплывали в памяти чудные деньки, проведенные с Ольгой), то корчился от тоски (столь многое безвозвратно утратил). В эти минуты Вадим ощущал себя одиноким, беспомощным, жалким.

Вслед за этим пришли новые ощущения. Он воображал Ольгу в дни их последних свиданий. Снова и снова прокручивал в памяти последний разговор с нею, вспоминал оттенки ее голоса, ее взгляд. Грубоватые манеры, тяжеловесные формы... Увядаящая кокетка. Зачем такая нужна? Ее поезд ушел! Перед внутренним взором Вадима встал облик Веры...

Вадим подскочил, как ужаленный. Подбежал к зеркалу, уставился на свое отражение: сморщенный лоб, отвисшая челюсть, стеклянный блеск глаз. Ха-ха, сам-то хорош! Помятый, небритый. В хлев, в бичёвник от жены, от семьи убежал. Вера, жена... С ней-то чего делить? Та же Ольга его, Вадима, к ней ревновала. (Вадим так и застыл перед зеркалом, не видя своего отражения, устремленный в себя.) Ведь правда! Ольгу бесило, что Вадим женился на Вере, а ей, «роковой красотке», достался толстомясый коротышка Лысков. Вспомнились дни, когда Вадим и Вера бывали на людях. Только слепой не мог видеть, что большеглазая, стройная Вера нравится многим, что Вадиму не худо бы гордиться женой. А он?.. За восемь лет супружества сколько раз подарил ей цветы?

Вадим встряхнулся; зашагал взад-вперед, обдумывая дальнейшие действия. Значит, так. С Верой – мир, Ольгу – забыть. Хватит шариться по помойкам. Пора возвращаться до дому. В чем он виноват? После того, как жулики «нагнали холоду в ж...у», был взвинчен, конечно. Да не впервой! Вера переморщится и простит. Как-никак, у них сын. Как помириться? Нужен предлог. Ба, послезавтра – Восьмое Марта!

Утром другого дня Вадим зашел на почтаamt, снял трубку теле-

фона-автомата. Набрал рабочий номер Веры. Помощник директора, узнав Вадима по голосу, тотчас соединил его с шефом.

– Вера, это я. Хочу приехать к тебе. Сию минуту, сейчас!

– Зачем?

Голос Веры звучал устало-безразлично. Это не очень насто-рожило Вадима: жена часто бывала такой после нередких их ссор.

– Как зачем? Завтра – Восьмое Марта!

– Ну и что?

– Ты это брось. Цветы хочу тебе подарить.

– Ты оригинал. Как в том французском романе: мужчина влюбляется в собственную жену после того, как она перестала ей быть.

– Какой там роман! Вся наша жизнь – роман.

– Твоя-то уж точно. А от меня что тебе надо? Я не хочу тебя видеть.

– Слушай, Верок, не ломайся. У меня нет ключей от квартиры, ты знаешь. Дай мне ключи, об остальном после поговорим.

– Зачем же?..

– Что зачем? Ты покуда еще мне жена!

– Вадим, нас с тобой в прошлый четверг развели. Без твоего присутствия. Никак, забыл? Немудрено! Когда ты мне в последний раз позвонил, пьян был как сапожник.

* * *

Это был глубокий нокаут. Результатом нокаута стал беспробудный запой.

Никогда раньше Вадим не пил в одиночку, любил компании, кураж, баловство. Но после скулодробительных ударов судьбы он изменил всем привычкам – невытый, нечесаный сутками лежал на диване, крутил видеоманитофон. Водки было много, полная сумка. Томатный сок, маринованные огурцы составляли закуску.

Просматривая видеотеку, Вадим наткнулся на забытую кассету с записью их с Верой свадьбы. Вновь предстали пред ним молодые лица друзей, радость в глазах матери и отца – они были так счастливы, так довольны его выбором. «Невестки лучше, чем Верочка, я не мог себе и желать, – не раз повторял отец. – Вера – твой якорь, Вадик. Якорь жизни! Помни об этом».

Отец любил, потрудившись вволю на садовом участке, сидеть на скамейке под посаженными им яблоней и березкой. В эти часы он был особенно благодушен: по-доброму разговаривал с сыном, вспоминал разные веселые истории, давал советы. Вадим не выносил вида лопаты и тяпки, не желал, как плебей, ковыряться в земле. Физический труд тяготил его – он то и дело набивал мозоли, растягивал мышцы и связки. После подневольной работы разговоры с отцом не клеились... Как теперь пригодилось бы родительское участие! Как мало он слушал отца!

То, чему бурно радовался сын – приходу нового, демократического порядка – в считанные месяцы свело в могилу отца. Строй, при котором авторитет инженера не ставится в грош, он не принял. (Здание оборонного КБ, где работал отец, досталось какому-то банку, а сам он в 59 лет сделался безработным). Незадолго до кончины сказал: «Нет у меня за тебя спокойствия, Вадик. При социализме тебе не жилось, все о марафете европейском мечтал. Но и в буржуйскую кодлу тебе не вписаться, имей это в виду. Вы еще не знаете, какие они, всамделишные буржуи. Зубы у них не ваши, щенячьи... Все поколение ваше пойдет на распыл!» Уже два года, как матери и отца нет на свете... Старая пленка сохранила и визит молодоженов в ЗАГС, и возложение цветов у Вечного огня, и шальное «горько!» гостей. Глотая пьяные слёзы, смотрел Вадим на тосты свадебного застолья, шутейное похищение невесты, танцы под ритмы заводского ВИА. Снова и снова крутил Вадим эту пленку, находя в подобном самоистязании какое-то непонятное наслаждение. На шестой день запоя Вадима обуял волчий голод. На водку он больше смотреть не мог. Опорожнив двухлитровую бутылку минералки, Вадим направился в недорогое кафе.

Он заказал три салата, горячее, апельсины, кофе, мороженое. Ел так, что немногочисленные посетители (было утро, кафе только открылось) косились на него, будто на дикаря. Утолив первый голод, Вадим отвалился на спинку стула – сидел не двигаясь, помаргивал сонно.

– Ва-адик, привет! Вот так встреча!

Вадим поднял глаза – перед ним стояла худощавая девица в джинсах и свитере. Блестя маникюром, прижимала к груди изящную сумочку; в больших зеленоватых глазах читалось неуголенное любопытство.

– А-а... Что-то не узнаю... – Вадим завозился на стуле, с беспокойством мял подбородок, ощущая колючее лоно недельной щетины.

– Ну и память! – девчонка рассмеялась. – Мы с тобой осенью спали, на Ольгиной даче. Забыл?..

– Света?

– Слава аллаху, – девчонка уселась напротив. – А я тебя сразу узнала, хоть ты и... Ну, даешь! Как дела?

– Нормально. Я только-только из командировки. Три дня в дороге – не спал, не жрал.

– Ну!.. А то гляжу – ты будто из подполья. Ох, сушняк давит... Мы всю ноченьку коньяк пили – все в хлам. Еле жива!

Вадим заказал еще двести грамм коньяка, кофе, мороженое. Света залпом осушила фужер, глаза ласково заблестели. Придвинулась ближе.

– Я тебя не забыла с той ночи. Ну, куда ты исчез?

Ночь она провела у Вадима. Вадим не пил, все пытался выпросить у захмелевшей подруги, что ведомо ей об Ольге, о Мяснике. Света мало что знала. Через два дня она снова пришла. Вадим прибрал в комнате, вынес мусор. Он ощущал прилив сил, смеялся, шутил. Что ни говори, одному уж больно тоскливо. Ночь коротать лучше вдвоем.

Пили коньяк, закусывали купленными на рынке и подогретыми в духовке шашлыками. Как обычно, в обществе дамы Вадим чувствовал себя «на коне». Хвалился:

– С жёнкой развёлся, дислокацию поменял. Вот, пока здесь кантуюсь. Через месяц квартиру куплю.

Света уложила его голову себе на колени, запустила ногти в проволоку давно не мытых волос.

– Машина у тебя – класс. Прокатишь?

Значит, она видела мой «мерседес», подумал Вадим. Ах, проклятый Фомич!..

– Прокачу весной, в мае. Сейчас слякоть, не езжу.

В ту ночь они «надрались до визга». Вадим размахивал руками, вещал, что он дюже крутой и несметно богатый. Правда, деньги-де вложены в дело. Но скоро «масть повалит», можно будет прошвырнуться в Грецию, в Штаты, купить коттедж, виллу, по сравнению с которыми Ольгина «фазенда» – просто сарай.

Светлана поведала возбужденно, как недавно пал от рук

неизвестных Мясник. Мягким мартовским вечером «бригадир» поставил на стоянку свою «авдотью», направился к дому, до которого было шагов сто пятьдесят. На пешеходной дорожке его уже ждали посланцы Аида. Первая пуля задела в ногу – Мясник, хромя, побежал по пустынным дворам. Второй стрелок зашел Мяснику со спины и метров с восьми сноровисто разрядил вдогонку ему пол-обоймы. Мясник упал, но еще пытался ползти в направлении дома. Первый стрелок подошел к лежащему и из «макарова» послал пулю в голову. «На глушняк?» – деловито поинтересовался второй. – «На глушняк!» – громко ответил подельник. В сумерках оба исчезли, как тени. Заслышав крики и выстрелы, обыватели вышли на лоджии – лицезреть кровавое шоу. Целый «кубик» окрестных девятиэтажек видел конец «бригадира».

Случилось это аккуратно на девятый день, как на трассе Ярск – Екатеринбург «замочили» троих залетных «братков».

Обрадованный Вадим предложил выпить по полной «за избавление».

Дальнейшее Вадим помнил плохо. Он кое-как раздел Свету, та отчего-то ломалась, упрячилась... Потом долго-долго, как нередко бывает, если без меры «вмазал», «пилил», – девчонка не выдержала, начала царапаться, выскользнула из-под него. Очнулся Вадим поздним утром: лежал на диване в одних плавках среди грязных, скрученных простыней. Света сидела на подоконнике, курила «Winston». Она была одета, причесана. С неприкрытым раздраженьем сказала:

– Ну и хорош ты базлать! Всю ночь тебя будто душил кто-то...

Вадим сел на диване, набросил на плечи одеяло. Голова раскалывалась от боли, глаза слезились. Еле ворочая языком, спросил:

– Пиво есть?

Света молча подала початую бутылку «жигулевского». Вадим сделал добрый глоток.

– Слушай, Вадик. Я с предками разругалась. Домой идти не хочу. Можно, поживу у тебя?

Вадим поморщился: лишние глаза, глупые вопросы... Он не любил, когда лезут в душу, а сейчас как никогда хотел одиночества. Ему еще надо понять кое-что, разобраться в себе. А тут – чужая баба под боком. Наплёл, что, дескать, богат, как Крез, вот

она и «клеится».

– Еще чего! – усмехнулся брезгливо.

– Ну, Вадик...

– Нет, я сказал!

С неприязнью взглянув на подругу, Вадим закашлял, отвернулся к стене. Света фыркнула зло, подбежала к столу. Слила в свой стакан недопитый коньяк; выпила залпом, вытерла губы.

– Ладно, Вадик... – Надела сапоги, шубейку. Взялась за ручку двери, выпалила скороговоркой:

– Говорила тебе, просила: надень презерватив. А ты как свинья... Сам виноват! Теперь, если заболеешь, я не при чем.

– Что-о?

– Спид, вот что!

Ушла, хлопнув дверью.

Вадим сорвался с дивана, бросился вслед за ней. Уже в коридоре спохватился: куда? Босиком, в одних плавках...

Глава восемнадцатая

«ХОД КОНЕМ»

Ни телефона, ни адреса Светы Вадим не спросил. Сперва было все нипочём: ну ляпнула девка со зла, пострадать захотела... Но чем больше Вадим трезвел, тем сильнее грыз его страх: а ежели правду сказала?

Метался по комнате, натыкаясь на мебель. Что же это такое? Напастей на его голову – как из рога... Господи, неужто он, Вадим, инфицирован? Что тогда? Хотелось выть, кусаться, крушить.

Ни родни, ни друзей. Один, как перст. Кто подаст руку, кто посоветует? Может, Лысков?

Хлопнув себя по лбу, Вадим побежал к телефону.

– Саша, это я, Вадим.

– Пропащая душа!

– Может, ты и прав.

– Что такое?

– Похоже, и впрямь пропадаю.

Лысков помолчал, соображая. Спросил с любопытством:

– Да что стряслось-то? Ты где?

– Нам надо встретиться, Саша, – упавшим голосом попросил Вадим.

– Что ж, если надо... Сейчас не могу, давай после работы! Где назначишь?

Вадим назвал свой адрес. Напоследок прибавил:

– Приходи, Саша. Я буду ждать.

Готовясь к визиту Лыскова, Вадим купил коньяку, маслин, сыру, грудинки, салями. Пересчитал деньги, вздохнул: оставалось чуть больше трехсот долларов. Но Лысков непременно должен прийти. Очень уж он любопытен.

Лысков приехал в шесть вечера – грузный, веселый, в расстегнутой кожаной куртке. Выставил от себя бутылку белого сухого вина. Потирая нос и щеки, сказал:

– Денек был сегодня – дрянной. Ох, насобачился! Давай по махонькой дернем, закусим.

Вадим с готовностью согласился: он перенервничал за день, имел острую потребность «расслабиться».

Поглощая коньяк и вино, повели разговор. Лысков пил не пьянея, одну за другой. Вадима развезло уже в самом начале. Пришлось рассказать о «сюрпризе», что преподнесла утром Света. Лысков слушал, зыркал острыми глазками, разглядывая пристанище друга. Налегал на закуски, трепал Вадима по плечу, утешал:

– Э, брось. Врет, б...на! Ладно, на всякий пожарный анализы сдашь. Я организую!

Исподволь он подвел Вадима к разговору о причинах их с Верой развода, о бизнесе, на который «наложил лапу» Маясник. Вадим, хмелея все больше, принялся материть Фомича, Мясника, прошелся по Ольге...

Очнувшись утром, Вадим обнаружил, что лежит на диване в одежде. На столе – недопитый коньяк, в трубку свернувшийся сыр. Входная дверь – нараспашку.

Преодолевая головную боль, встал, прикрыл дверь. Откупорил бутылку пива. Пил, крепко тер затылок, пытался вспомнить нюансы вчерашнего разговора.

Что мог он, Вадим, рассказать Лыскову об Ольге? Не дай Бог, ляпнул про былые отношения с нею. Лысков дюже злопамятен! В дверь постучали.

– Кто? – оставив бутылку, недовольно спросил Вадим.

– Я.

Вадим узнал голос Лыскова и пошел открывать.

Вошли трое незнакомых мужчин. Тот, что постарше, сказал:

– А мы к вам.

– Ко мне? – удивился Вадим.

– Да-да, – ласково подтвердил незнакомец.

Вадим встал, дрожащими руками натянул брюки, рубашку.

Спросил:

– Чем могу?..

Незнакомец достал авторучку, блокнот.

– Скажите пожалуйста, какое сегодня число?

– Кажется... тринадцатое. А что?

– Вы уверены?

Вадим, пораженный внезапной догадкой, затравленно озирался.

– Понятно, – сощурясь на батарею пустых бутылок в углу, сказал незнакомец. – Скажите, за вами следят?

– Сейчас вряд ли.

– Вы чувствуете страх, отчаяние?

– Н-нет... Вас Лысков, что ли, прислал?

Незнакомец, не поднимая глаз, делал пометки в блокноте.

– Мы хотим вам помочь. Вы, наверное, сами чувствуете, что вам трудно управлять собой. Ваши длительные запои могут вас погубить. Кроме того, соседи жалуются. У нас есть от них заявления.

– Да вы что! – Вадим был уже вне себя. – Какое у вас право?! Без согласия родственников...

– Но у вас же никого нет, – врач захлопнул блокнот. Внимательно посмотрел на Вадима, сказал мягко: – Вы не волнуйтесь. Просто надо подлечиться немного. Недельки две-три – и вы на ногах. Не надо буйствовать. Одевайтесь, пойдете к машине.

* * *

В медицинском «рафике», а затем в кабинете дежурного психиатра Вадим лихорадочно обдумывал свое незавидное положение. Конечно, визит «психов» к нему – дело рук Саши Лыскова. Вадим явно разболтал по пьянке то, о чем следовало даже под пыткой молчать. Лысков и так уже о многом догадывал-

ся: самонадеянная Ольга порою пренебрегала конспирацией, то и дело поддразнивала супруга намеками на «рогатость». Теперь Вадим во власти Лыскова, и тот может посчитаться с бывшим корефаном за все. Интриговать и мстить Лысков был мастак. Недаром стал в городе предводителем демократов.

Перед дежурным психиатром Вадим держался спокойно, говорил о себе с долей иронии. Молодой врач задал вопросы, заполнил бумаги. От Вадима не укрылось, что собеседник испытывает некие колебания. Перед уходом Вадим вполголоса его попросил:

– Пожалуйста, сообщите жене, что я здесь. Ни она, ни сын ничего не знают. Могут надеяться только на вас.

Услышав о жене и сыне, врач покачал головой, записал телефон. Вадим внутренне молил Бога, чтобы эскулап позвонил.

Действительно, там, где очутился Вадим, можно было уповать лишь на Бога. Из отделения с усиленным наблюдением, куда его спровадил мизантроп Лысков, выбраться было непросто. Тут обретались индивиды, которых изолировали от общества «все-речь и надолго». Особенно «радовали» двое, старавшиеся во всем походить на незабвенного Цоя, – как по наружному виду, так и по внутреннему содержанию. Оба были уверены, что их кумир жив и пребывает рядом, в этом же доме. Только один видел его в белом медицинском халате, другой – в полосатой пижаме. Оба постоянно «слышали» песни бессмертного автора и запевали их – в основном по ночам. Вадим смотрел на их проделки и думал: «Эти придушат – и ничего им не будет! А Лысков такое лечение назначит – через месяц печень отвалится. Что же делать? Жаловаться? Голодать?» Все же Вадим решил не сдаваться. Подавляя тревогу, обдумывал, как бы избежать употребления вредных препаратов, наладить хорошие отношения с персоналом. «Что имеем – не храним, потерявши – плачем!» Злодейка-судьба швырнула на самое дно.

Такова жизнь: стоит лишь оступиться – тут же тебя нещадно топчут, пинают...

Глава девятнадцатая

НОВОЕ ДЕЛО

В дневнике Валентина (открытая общая тетрадь лежала на столе) Вера прочла такую запись:

«Слышали Вагнера «Гибель Богов»? Мне эта музыка представляется как прелюдия к русскому бунту.

В смутное время захватить власть над Россией желающих хоть отбавляй. Наиболее бронелобые политики в борьбе за скипетр идут на все. Понимают: главное – захватить. А удержать не так сложно: общественное мнение не очень обременяет.

Новая власть, утвердившись на необъятных просторах, примеривает горлатные шапки, рассаживает по городам и весям своих – для кормления. Изредка лишь поглядывает: что там народ? Народ на «заботу» отвечает долготерпением легендарным. Боярам – боярово, а мы жили и жить будем. Кто кого, еще поглядим. Не забуду, как покойный дядя Леша осадил оборзевшего начальника цеха: «Чего орешь? Ты у меня четырнадцатый. Всех пережил! И ты не задержишься здесь – так обращаться с народом».

Да, народ наш давно уж боярам не служит – не стоят они того. А мудрецы чужеземные никак в толк не возьмут: боярство российское всегда служило и служит только себе. Когда надо, как хамелеон – цвет свой меняет. Сегодня они коммунисты, завтра, глядишь, буржуи до мозга костей.

Привыкло оно, боярство, единолично Россией владеть и властью делиться ни с кем не желает. Ни президентам, ни канцлерам заморским пирога российского не видать. Пусть до поры ходят в друзьях-приятелях. Пусть величаются, головы наивным американцам и немцам морочат. Были денежки ваши, стали наши. Что, господа, рты-то разинули? Это мы цвет кожи меняем, ку-ку.

И потому завладеть Россией господам иностранным дано разве во сне. Не родилась еще сила, которая пересилит силу аппетита боярского. Ни долларов, ни марок не хватит.

А что же народ? Молчит народ, не дает ответа. Это-то молчание бояр и страшит: хоть бы плакал или ругался, проклятый. Не ровен час – наложит лапу на горло боярское. Потому и воруют бояре – перепугу, в ожидании апокалипсиса. Только ведь не

удержат бразды, потому что особь их выморочная, вырождающаяся – это я по их деткам сужу.

Народ наш без идеи – что поп без креста. Была бы идея – будет и вождь. А вокруг вождя вновь соберется боевое ядро – отчаянные головушки, который пойдут до конца... Партия это или гвардия – как хошь называйте. Только без них гром не грянет. Плюнут люди на власть, которая давно от них отвернулась. Время настанет – и вновь Советы начнут создавать.

Так и сосуществуют до часа грозного: народ молчит, бояре воруют. Когда, подобно грому небесному, зазвучит над всеми «Гибель богов», поздно будет улещивать, каяться. Чтoб презирать свой народ, много ума не надо. Чтoбы любить – надо его понимать».

Вера отложила дневник. Спросила:

– Валентин, а здесь дата поставлена: декабрь девяносто первого. Выходит, ты ни дня демократам не верил?

– Какой нормальный человек мог верить этим канальям? При Брежневe воровали втихую, при Борьке-бражнике потащили все, что плохо лежит. Для этого перестройку, реформы придумали.

Валентин и Вера коротали время вдвоем. Пили чай. Вера листала поэтический сборник казачьих авторов (там были и стихи Валентина). Чувствуя радостное волнение, прочла:

Глаза твои я вижу десять лет,

Но лишь вчера мне счастье улыбнулось...

Да, теперь она поняла его мир. Валентин, великодушный и сильный, сделал так много, чтобы встать вровень с нею, чтобы она могла им гордиться. Его библиотека занимала три стены, полки были устроены до самого потолка. От необычайного разнообразия книг глаза разбегались. Тут были Пушкин и Тютчев, Шолохов и Булгаков, Стендаль и Хемингуэй, собрания сочинений Карамзина, Соловьева. Комната была лишена европейских изысков: деревянный крашенный пол, беленый потолок, простые обои и рамы. Над старинным, карельской березы креслом – казачья шашка, гитара. Здесь ум Валентина жадно впитывал сокровища мудрости, готовился к будущей трудной работе.

Валентин снял с полки альбом с фотографиями, снятыми в Приднестровье, положил перед Верой. Раскрыв его, Вера вглядывалась в лица казаков-добровольцев – участников неизвест-

ной войны.

– Знаешь, когда до меня дошло, что старый режим обречен? – Валентин задумчиво разглядывал небольшую оловянную статуэтку. – В восемьдесят пятом году в командировку меня послали, в Муром. Там продукция главка складировалась. Оказалось, боеголовок наших лежит – на полвека вперед. Зачем столько, скажи на милость? Действительно, понаделали пушек вместо масла – всем поперек горла...

– Я в политике шишек набила, – проговорила Вера, покачивая головой, – места живого нет. Сама себя спрашиваю: мне это надо? Людей жалко было, людей обманутых. Мне повезло, в депутаты избрали. А могла бы как все – без работы остаться, без средств. Никогда не понимала правителей наших! Во власть лезут по головам. А стоит кому возвыситься – делят, грабят нас, как оккупанты.

– Будущее за национальной идеей – это уже многие понимают. В чем она состоит? Страну пора собирать из осколков. Единодержец нужен – за нравственностью слуг народа следить. Воров и мздоимцев наказывать без пощады! Отчего в народе живет память о Петре Великом, о Сталине? Они со всех спрашивали одинаково – и с кесаря, и со слесаря. При них солдат за заслуги мог маршалом стать, а простолюдин – министром. Цель и воля объединяли. В этом – корень успеха. В чем наш народ подкачал? Сперва соцлагерь кормил, надрывался, теперь – мировой капитал, да в придачу паразитов своих! Эх, эти воры на троне всех уж достали... Пора нам объединяться, снизу и сверху. Про бояр забыть, самим свои проблемы решать.

* * *

Неугомонный Валентин не давал покоя ни себе, ни другим. По его инициативе был образован союз предприятий, сотрудничавших с казачеством. Сельскохозяйственные товарищества, в которых работали казаки, выступили союзно, добиваясь возможности реализации своей продукции на отдельном, казачьем рынке. Завод Веры получил немало заказов на ремонт сельскохозяйственной техники, изготовление узлов, запчастей. Казачье охранное предприятие заменило погрязшую в мошенничестве заводскую охрану.

Казаки были при деле: хлебопашествовали, охраняли. Со-

здавали экономическую базу. Воспитывали кадет-казачат. Под единым руководством казачество представляло серьезную политическую силу. Эта сила была востребована в марте девяносто четвертого, когда за год до срока прекратил существование областной Совет. Кандидатом в депутаты областной Думы по одному из районов выдвигался Евгений Романович Андронов.

Район был приграничным, казачьим. Не все там имели намерение голосовать на выборах «за коммуниста». Валентин собрал группу поддержки, поехали по селам, станицам. На собраниях избирателей выслушивал наказания и жалобы, спорил до хрипоты, разъяснял. Группа вела активную агитацию, используя все возможности.

Андронов выиграл выборы, стал депутатом Думы, а затем ее председателем. По окончании политических баталий он принял Веру и Валентина в своем кабинете.

– Ну, Валентин, ты взял трудную высоту, – разливая по рюмкам коньяк, Андронов весело блеснул глазами. – Между прочим, в райцентре у меня почти не было шансов. Листовок дали тебе – кот наплакал. Как выкрутился? Рассказывай, атаман.

Радуясь победе Андропова, Валентин с трудом сохранял напускную невозмутимость.

– Вознесем хвалу самиздату! Мы от руки листовки писали – доступным, простым языком. Развешивали в основном на подъездах. Нам потом говорили: официальная агитация давно надоела. Но если простой смертный не поленился, призывает письменно за Андропова, стало быть, есть в этом свой, человеческий смысл!

Андронов рассмеялся.

– Ну, спасибо! Однако теперь это в прошлом. Есть, ребята, новое дело. (Валентин и Вера переглянулись.) На днях я, Вера Васильевна, встречался с крупнейшими акционерами вашего объединенного предприятия. Подавляющее их большинство за смену высшего исполнительного руководства – генерального директора, заместителей. Хватит им жировать! Оклады хапают по пять и более тысяч долларов, а производство упало в семь раз. Народ от этого беспредела уже воеет. В общем, Вера, почти все хотят видеть тебя генеральным.

Вера залпом допила свой кофе. Оперлась локтями о стол, сжав ладонями заалевшие щеки.

– Хватит с меня, Евгений Романыч. Вы забыли, что я восемь лет

была депутатом. А депутат не имеет личной жизни. Не имеет и пола! Порой сомневалась, что я – женщина, мать... Ну почему все время – Вера Васильевна? Что, я – Светлана Горячева, Маргарет Тэтчер? Вся жизнь – борьба... А мне уж тридцатник!

Андронов помолчал; крепкий его ноготь машинально обстучивал хрустальную пепельницу.

– Да, понимаю. Досталось тебе – трем мужикам под завязку хватило б... Но ведь такой как ты, Вера, у нас больше нет! – Наклонился через стол, сказал тихо: – Погодите, скоро начнется обратный процесс. На ряде заводов администрация области будет выкупать контрольные пакеты. И к оборонке государство повернется лицом, дайте срок. Разве можно, чтобы в таком деле компрадоры рулили? – Покачал головой. – Пока смены нет, кому еще Россию из разрухи вытаскивать, подымать? – Усмехнулся лукаво: – Да разве выдержишь так – с кастрюлями, у плиты? Заветное слово «надо» еще не забыла? Соглашайся, Вера, очень прошу...

Глава двадцатая

ВЕСНА

Ветреный холодный апрель завершался пасхальной неделей. В Светлое Христово Воскресенье небо очистилось, солнце обогрело землю, деревья. На Красную горку сыграли свадьбу Веры и Валентина.

К свадьбе готовились месяц. Пригородная оранжерея прислала три корзины цветов. Заводские кулинары изваяли огромный, полуметровой высоты бисквитно-кремовый торт. Казаки везли из станиц судаков, щук, телятину. Училище культуры подготавливало концерт для гостей торжества.

Незадолго до свадьбы на областном круге казаки избрали Валентина атаманом отдела. Посмотреть на венчание директора завода и казачьего атамана пришли многие заводчане, съехались с дальних концов области казаки. В церкви было полно народа; благочинный, иеромонах Ермоген обстоятельно свержали обряд. Казаки, кадеты без головных уборов шпалерами стояли у входа. Солнце весело играло на серебре погон, эмблем и кокард, насечке шашек, кинжалов.

При появлении «молодых» толпа на паперти заволновалась, надвинулась. Стрекотала телекамера, щелкали фотоаппараты. На сиденья ожидавшей молодоженов открытой машины посыпались розы, гвоздики. Пожилые женщины-заводчанки радостно всхлипывали:

– Верочка наша... Красавица! Дай, Господи, ей счастья, здоровья!

Вера в светлом, сшитом просто и элегантно свадебном платье до жути была хороша: тонкое, изящное, смуглое от природы лицо, глаза – как ночь, длинные ресницы. Не подкачал и жених – в белоснежном парадном кителе, осанистый, широкоплечий.

Кортеж из дюжины автомашин потянулся на набережную. Столы на сотню гостей стояли на вольном воздухе, на дворе здания казачьего штаба.

За столами звучали здравицы, тосты. Без счету кричали «горько!». У ворот стояли казачки в цветастых юбках, платках – наливали прохожим из бочонка вино. Молодые артисты пели народные песни. Два казака затеяли пляску, лихо выкидывая колена, вбивали в асфальт каблуки. Их голосисто подбадривали: «Давай, жги!» Андронов и областной военком, сопровождавшие их чиновники в такт отбивали ладонями, подпевали.

– Во дают! – светлея лицом, дивился Андронов. – Плясуны, певуны, ратники, хлеборобы. Ух, молодцы! Долго пляшут. Не устанут, не упадут?

Седоусый казак на это ответил:

– Не упадут. Казака и убитого не повалишь. Мы ж русские. Сдюжим!

Когда гулянье сделалось общим, Вера и Валентин вышли на набережную. Облокотясь на парапет, смотрели на быструю весеннюю воду. Теплый южный ветер ласкал шею, лицо. Глаза были не в силах оторваться от света, неба, воды. Сердца наполнились радостью.

– Хочу сказать тебе, – Вера положила голову на плечо Валентина, – я этот день никогда не забуду.

– Счастливые мгновения мы заслужили, – Валентин не отрываясь смотрел на реку. – Сейчас мне хочется думать только о нас. Эх, какие в жизни могут быть повороты!

– А меня все последние годы не оставляло предчувствие: будет что-то необыкновенное, улыбнется счастье – как в детских

мечтах. Но строить свой успех на чужой беде грешно, ведь правда? До вчерашнего дня места себе не находила из-за Вадима. Лысков его в психушку упрятал! Кое-как вытащили оттуда, Андронов помог. – Подняла глаза, посмотрела на мужа искоса. – И у него еще будет удача: Бог поможет, пошлет!

– Смотри, – Валентин указал на реку, – льдина оторвалась.

Последнюю большую льдину медленно относило от берега. Гонимая течением на стремнину, она раскололась, обломки закружились в волнах. Исчезли, канули в прошлое последние приметы зимы. Течение жизни, как течение бурной весенней реки, торопясь, увлекало в манящую светлую даль. «Сколько еще впереди весен и зим, – подумалось Вере, – сколько прекрасных минут!»

Все остается в прошлом – потери и обретения, осени и зимы жизни. И каждый год, назло смерти, приходит царица воскресающей жизни – весна.

Часть третья

СВОЯ КОЛЕЯ

Глава первая

ЛУННЫЙ РАССВЕТ

Кончался век.

Все, что доселе пребывало в сплошном дурмане, ругая судьбу и себя, стравивало одурь. Всё, что трепетало предвкушением невероятного, теряло иллюзии, утрачивало надежды на непомерные перспективы.

С трудом, как перемогающий внезапную тяжкую хворь человек, управлялась Россия от привязчивой западной заразы.

Изменилось не только лицо страны – изменился сам человек.

Тот, кто еще лет десять назад был хозяином в доме, кормильцем в семье, мастером в работе, и ему, казалось, до самой смерти предназначалось таковым оставаться, - сделался вдруг честолюбцем и сребролюбцем, обнаружил в себе таланты великого коммерсанта, дельца. Едва ли не каждый второй проникся уверенностью, что до богатства шажок и не сегодня – завтра он будет причислен к ареопагу финансовых воротил, которых никто не уважал, но которым бешено завидовали. Захватывало дух, кружилась голова от сладких соблазнов...

И вот человек продает последнее, нажитое десятилетиями барахлишко, и очертя голову пускается в коммерческие обороты. Многие в пух и прах разорялись, по воле жуликов и проходимцев попадали под пресс «братков», а то и под суд. Заучив слова «рынок», «бизнес», все они жили мечтою – наследием варварства – и забывали о звериных законах нового, чужой волей навязанного всем порядка.

С пеной у рта апологеты «свободного рынка» обличали старый порядок, при котором экономикой занимались будто бы любители и потому, мол, она грешила жуткими перекосами. Так не годится. Экономические законы столь же сложны и разнообразны, как игра в шахматы на гроссмейстерском уровне. И вот в клуб мирового сообщества явился новый игрок – небритый, с

волосатыми пальцами дядя в смокинге с чужого плеча. С порога он потребовал устроить сеанс одновременной игры. Во время матча «рассеянин» хамил единоземцам, беспардонно мухлевал, тырил чужие фигуры, а с иноземными мастерами затеял вязкую игру в поддавки. Арбитры вместо того, чтобы гнать к чертовой матери альбатроса рыночной какофонии, охотно подыгрывали ему: восприняв понятия «откат» и «оффшор», они не оставались внакладе.

Значительная перемена произошла в женщинах. Они по-своему восприняли новую жизнь, шагнувшую в их жилища с обольстительно светившихся телеэкранов. Если опыт, образование – капитал, то почему бы не подзаработать на том, что присутствует лишь женской природе? Дочки Афины и Геры в срочном порядке переучивались на фурий, то есть свободомыслящих стерв.

И детям новая жизнь подарила необычайные радости. Они враз позабыли о клюшках и шайбах, мячах и велосипедах, рогатках и пластмассовых пистолетах и со дворов и спортплощадок дружно переместились за «компы»: совершать виртуальные подвиги, зарабатывать виртуальные деньги.

Дико даже представить: что, ежели перенестись хотя бы на миг в горбачевское время, встать в очередь у магазина и, как Кассандра, поведать зевакам, что ожидает страну, город, наконец, их самих через десять лет – в нынешнем царстве «свободы и равных возможностей»?

Продутые насквозь «ветром перемен», голодные, двуличные люди суетились, толклись день и ночь в ожидании наживы, удачи. Другие все больше задумывались о борьбе, решающей нашу судьбу.

Кончался век – в муках родившийся, по чьей-то злой воле на муки обрекший многие племена и народы.

Кончался век, наваждение продолжалось.

Глава вторая

ВЕРА

На торговых «пяточках» и на рынке Вера часто встречала бывших сотрудников – знакомцев своих по заводу.

За прилавками и лотками стояли бывшие квалифицирован-

ные станочники и наладчики, испытатели и лаборанты, конструкторы и технологи. Эти «бывшие» еще недавно восхищали умением освоить уникальное оборудование, находить неординарные технические решения, «лепить» сложнейшие изделия. Теперь они сделались «ракушечниками» и «челноками», растворились в массе ушедшей рыночной братии. Вера не проходила мимо знакомых лиц, останавливалась, беседовала «за жизнь». Некоторые (меньшинство) стеснялись, вели разговор неохотно. Другие (большинство) жаловались на финансовые проблемы, коварство «рынка», ругали всех и вся. Третьи, у которых дела шли получше и водились деньжата, глядели горделиво, расписывали немыслимые прожекты. Кое-кому Вера предлагала вернуться на завод – к интересному делу, стабильному заработку. Соглашались немногие: большинство привыкло к «вольным хлебам», обычный трудовой режим был уже в тягость.

За какие-то несколько лет неузнаваемо изменилась страна, изменились и люди. Обман, мошенничество, клятвопреступление сделались нормой, порядочность, верность слову считались уделом «лохов» и простаков-доброхотов.

Порой Вера (и не одна она) дивилась: как еще дымятся и громяхают заводы, взлетают самолеты, бегут поезда? Как не провалилось царство в тартарары?

Капитальное строительство в городе почти не велось – строили только элитное жилье да торговые центры. Зато квартиры нижних этажей жилых домов сотнями выводились из жилого фонда, скупались под магазины. Городское хозяйство переживало кризис: дороги, коммуникации, здания – все это без должного надзора и ремонта разрушалось, ветшало. Мать Веры, Клавдия Кузьминична, обожавшая творчество Михаила Булгакова, как-то сказала: «Профессор Преображенский не любил пролетариат за разруху и за то, что из гардероба калоши исчезли. А сейчас, при буржуях, канализационные люки крадут – это как? На дачных участках все баки для воды утащили, печки разворотили, чтобы железо добыть. Кто постарался? Наркоманы, нищие, беспризорные. Такая разруха никакому классическому и не снилась!»

Новый, «свободный» порядок принес массу новых проблем. Качество подготовки технических специалистов сильно упало. Чтобы вышло что-нибудь путное, на заводе их приходилось доучивать, а порой – переучивать. В цехах возродили наставниче-

ство. О своевременном приходе молодой смены больше всех пекся шестидесятилетний Соломин. «На технической интеллигенции, на рабочих Советский Союз держался, – рассуждал в кругу коллег бывалый технарь. – А краснобайствовать, пыль в глаза народу пускать – в этом наши гуманитарии доки. Пожинаем плоды их популизма: были великой индустриальной державой, а теперь – пожалуйте бриться – развивающаяся страна... Приехали!»

Ругали современных студентов, «подгребавших» на занятия к альма-матер на иномарках и за деньги сдававших контрольные точки. Сочувствовали вузовским работникам, перебивавшимся на нищенских ставках. Зато добрым словом поминали преподавателей советского времени, которые «учили как следует, без скидок на блат и мошну». Об двух из них поведал коллегам Кожин.

Доцент Гноль преподавал в Ярском политехническом институте четверть века и являлся личностью почти легендарной. Невысокий сухощавый немец был педантичен во всем; он даже ванну принимал не иначе, как установив определенную – по градуснику – температуру. На экзаменах спрашивал мягко, но требовательно и всегда справедливо – оценки выставлял по заслугам. На лекции надевал черные нарукавники, чтобы не испачкать мелом обшлага пиджака. У доски священнодействовал как художник – каллиграфически выводил надписи и чертежи. Материал излагал увлеченно, забывая порой обо всем, как глухарь на току.

Как-то на одном из лекционных занятий, когда Гноль, объясняя принцип действия механизма, прохаживался между рядов, два матерых заочника вполголоса разговорились «за жизнь». Один сказал: «Слушай, Мишаня, я десять лет на заводе. До замначальника цеха дорос! Сижу вот и жду, когда нас здесь хоть чему-нибудь нужному учить будут – ну, тому, что на производстве потребуется». – «И не говори, – охотно отозвался приятель. – Сам сколько раз думал: на ...я нам эта теоретическая механика?»

У Гноля, уловившего последнюю фразу, моментально вспотели очки. Такого поношения обожаемой им дисциплины, да еще от великовозрастных заочников, он не мог ожидать. Замер как громом ударенный. Развел руками, спросил изумленно и ломко:

«Как – на ...я?»

На аудиторию пала звенящая тишина. Студенты были обескуражены, студентки – напуганы до дрожи в коленях. Все знали Гноля как предтечу толерантности: он даже голоса не повышал и грубого слова не обронил. И вот, пожалуйста, – отмочил... Какой пассаж!

Немая сцена закончилась тем, что покрасневший как свекла доцент опрометью выбежал из аудитории. Лекция была скомкана; случай этот перешел в разряд институтских преданий.

Еще одной легендой механико-технологического факультета был «сухой доцент» Барсов. Как заместитель декана, он вел беспощадную борьбу за успеваемость. «На ковер» к Барсову за срыв сдачи контрольных точек боялись попасть даже самые отъявленные лоботрясы. Как преподаватель, Барсов добился от студентов трепетного почитания своей дисциплины – гидравлики. Кто был не дурак, понимал, что гидравлику надо учить, иначе – капут. Ленивых и самонадеянных, пытавшихся обхитрить, обойти грозу факультета, используя знакомства и связи, ждал незавидный удел – сгореть «в огне позора». Ходатайство покровителей вело лишь к тому, что на экзамене Барсов начинал гонять незадачливого протеже по всему курсу, пока не выявляя суть халаящика до нутра. «Понимаю, что в будущем гидравлика может вам не понадобиться, – пояснял студентам свою позицию Барсов. – Но чтобы стать настоящим инженером, надо взять за правило изучать все дисциплины с той же степенью рвения, как гидравлику». Никто, даже сам ректор, не мог заставить Барсова поступиться своими принципами – оценивать знания объективно и справедливо. Барсов был участником Великой Отечественной, воевал в разведке, имел, кроме прочих наград, два ордена Славы. Однако заслуги заслугами, но как только Барсову исполнилось шестьдесят, его спешно проводили на пенсию.

Преподаватели советской высшей школы еще долго снились своим бывшим студентам, и многие вспоминали о них с ностальгией. Не раз Кожин, досадуя на очередной «ляп» новоиспеченных специалистов, рычал: «Эх, вы, инженера, мать вашу! Гноля с Барсовым на вас не было».

... Долго и кропотливо, не жалея сил и времени, Вера поднимала завод. Колесила по России и СНГ, выставляла продукцию на разные ярмарки – добивалась новых заказов; «ужимала» управ-

ленческий персонал, сокращала расходы – дотошно считала копейку. Все это ей, матери двух сыновей, давалось с немалым трудом. Рождение младшего, Валентина (Тин Тиныча – так окрестил его счастливый отец), на время выбило ее «из обоймы». Когда же мальчику исполнилось полтора года, Вера объявила о своем возвращении к делу.

Ее заместители, Соломин и Кожин, постарались обставить это событие по-дружески, празднично. Сидели на веранде летнего ресторана, любовались разбитым вдоль фасада здания роскошным цветником.

Стоял теплый солнечный август. В ясном лазурном небе не было ни облачка; птицы, весело щебеча, порхали между кустов и деревьев. Негромко играла музыка. Великолепно одетые официанты (сплошь молодые мужчины) неслышно скользили между столиков, были по-европейски предупредительны. Вера рассеянно слушала развеселившихся спутников, улыбалась одними глазами. Для нее это развлечение было некстати: Валентин в ранге военного журналиста находился в «горячей точке» (шла первая чеченская кампания), домой писал и звонил редко, скупно. На шесть долгих недель на Веру навалилась тревога. Ночами почти не спала, ждала: вот-вот стукнет входная дверь, звякнет звонок. Вставала пред иконой Пресвятой Богородицы – и молилась, молилась... Не благ, не удачи – впервые у Бога просила покоя. И то: уж сколько раз лодку жизни ее трепали штормы и бури! Где оно, тихое женское счастье?..

Страсть уступала место спокойному, доброму чувству.

Росли сыновья. Старший, школьник, души не чаял в сводном братишке: играл с ним, читал русские сказки – пытался воспитывать «как подобает» (выражение папы Вали). Мальчики различались характерами. Старший, Дмитрий – астенически неусидчивый, вспыльчивый, своенравный. Младший, Валентин – спокойный, чуть медлительный, смешливый крепыш. Клавдия Кузьминична, не могла нарадоваться-наглядеться на внуков. Ее вполне устраивал новый зять: ведь он был куда проще, надежнее горднца-пустоцвета Вадима.

В кампании Кожина и Соломина Вадим пришел в ресторан, сел за столик напротив Веры. Он тоже был не чужим на заводе: с недавнего времени ведал снабжением.

Жизнь обтесала Вадима. Вместо былой страсти к путешестви-

ям и гулянкам – уединенная жизнь, вместо «теплых» компаний – занятия теннисом. Вера не препятствовала встречам бывшего мужа с сыном Димой. Они виделись довольно часто: тренировались, беседовали «за жизнь» уже «по-мужски». О былых амбициях, попытках возвыситься «над людишками» Вадим вспоминал с легкой усмешкой.

... Как водится, после энной рюмки компания забыла, по какому поводу собралась. Разговор затеялся на самую большую для Веры тему – о чеченской войне.

– Не надо было ничего этого начинать! – горячо доказывал Кожин. – Зачем парней наших гробим? Дать дикарям свободу, пусть друг дружку режут, грызут.

– Ага! Чтобы, значит, кавказский гнойник еще сто лет нарывал? – Возразил Соломин. – Добить! Не считаясь с потерями.

– И-ишь, «не считаясь»! – Вадим, доселе равнодушно молчавший, вдруг взорвался. – С чьими потерями, а?.. Здешних чеченов надо депортировать на родину предков. Что они вообще делают здесь? «Бабки» для «духов» куют. На границу – «колючку», пулеметов, «градов» побольше. Перекрыть «кислород»!

– Блокада? – поинтересовался Соломин.

– Конечно! Русского солдата поберечь пора. И так уж голов поклали без счета.

Вера, вздохнув тяжело, поднялась, пошла к выходу. Мужчины недоуменно переглянулись. Кожин спросил вдогонку:

– Вы далеко, Вера Васильевна?

– Любоваться цветами.

Вышла в сквер, к цветнику. Прошла между клумбами. Смотрела на большие белые хризантемы, улыбаясь уголками губ. «Вечные производственники» не сподобились даже цветы подарить даме. Вид трав, цветов, листья всегда действовал на нее успокаивающе.

Тем временем Кожин разлил еще по одной. Вадим изредка прикладывался к большой кружке с пивом. (Крепкое спиртное он перестал принимать с той поры, как по воле выжиги Лыскова «кантовался» в психушке.) Как наиболее трезвый, первым оценил ситуацию:

– Нам лучше сменить пластинку.

– Так оно, – согласился Кожин. – Валентин-то в Чечне под пулями, а мы тут Вере на нервы капаем.

– Надо поддержать её, мужики, – с полупьяной решительностью проговорил Соломин. – Расскажем лучше про наши успехи!

Но перечисление «трудовых побед» мужского руководства завода не вдохновило директора. Не то чтобы за время ее декретного отпуска помощники сработали плохо, – у Веры был не тот душевный настрой, когда можно было во всем легко соглашаться. Действия Кожина при заключении последней сделки Вера сочла опрометчивыми. Чтобы не испортить вечер грубым разносом, жестом остановила дискуссию, суховаато сказала:

– О делах наших, судари, потолкуем завтра. Всем спасибо. Быстро допила кофе, собрала вещи в сумочку.

– Не провожайте. Еще не поздно. Вас здесь трое... Компания!

У ворот городского сада и на улице толпился пляшущий, поющий народ: отмечался День города. Много здесь шаталось молодых полупьяных мужчин, веселых девиц с початыми пивными бутылками. «Отцы» и «лучшие люди» города сидели под тентами за столиками летних кафе. Нарядные дети весело щебетали, бурно хлопали, наблюдая за номерами эстрадных артистов. На мостовой и газонах валялись мусор, пустые бутылки – добыча вездесущих нищих, бродяг. Хмурые старики-пенсионеры выстроились в очереди возле дешевого магазина. Глядя на них, не знавших радости ни в детстве, ни в старости, Вера подумала: «И моя мама могла бы вот так...» – и сердце ее сжалось от внезапной тоски.

До дому Вера дошла пешком. Перед сном вышла на балкон, долго стояла, глядя на багровый диск закатного солнца. Где-то далеко, на юго-западе, идет война, свищут пули. Там, в гуще опасностей и тревог, дорогой её человек...

Где же ты, Валентин?!

Глава третья

«СЛАДКА ЯГОДА ОДУРМАНИТ...»

Заводская текучка затягивала с головой. Предприятие пережило и кризис августа 1998-го, и энергетический диктат Чубайса, и тупоголовые придирки налоговиков. После многих лет совместной работы Вера могла позволить себе возложить изряд-

ную долю проблем на проверенных и «обкатанных» замах. Сама же нечасто задерживалась сверхурочно: подрастающие сыновья требовали все больше внимания.

Осень двухтысячного года поломала размеренный ритм. Первого сентября отмечали юбилей старинной подруги Веры, Риммы Колотыгиной – двадцатипятилетие ее трудовой деятельности на заводе.

Юбилей справляли в заводской столовой. Кроме Веры, Соломина, Кожина и начальника механического цеха остальными приглашенными были простые станочницы – подруги Веры и самой именинницы еще по комсомольско-молодежным бригадам.

Готовясь к торжеству, женщины расстарались на славу. Принесли музыкальный центр и любимые, заветные записи; салаты, торты и пироги – кулинарные шедевры каждой хозяйки. Цветы и фрукты – дары щедрой осени – обильно украшали столы.

Поначалу ощущалась общая скованность. Приглашенные расселись кучками, толковали вполголоса. Жизнь последних лет не располагала к банкетам, коллективным застольям. От вечерних платьев и выходных костюмов многие уж отвыкли.

За столом вспоминали былое: план государственный, планы личные – то, чем еще не так давно жили все, от рабочего до градоначальника. Говорили о коллективизме, который раньше крепко объединял многие тысячи, а нынче уцелел, сохранился здесь, на отдельно взятом заводе. Юбилярша помещалась во главе стола, «дирижировала» застольем. Громогласно смеялась, как всегда грубовато шутила. В этот день она забыла про больные ноги и резь в пояснице. Глаза молодо улыбались, по щекам разлился румянец. И товарки ее покраснелись; блестя глазами, произносили громкие здравицы. Вера сидела сбоку, скромно помалкивала, десертным ножом чистила яблоко.

После пирогов с рыбой (живые озерные караси были доставлены на кухню прямо в день торжества) и фаршированных щук Римма подперла рукою щеку, перекрывая своим низким голосом общий гомон, запела:

*Ромашки спрятались, поникли лютики,
Когда застыла я от горьких слов...*

Враз стих звон посуды. Баянист растянул меха великолепно-го инструмента, и женщины подхватили это такое знакомое и такое далекое:

Зачем вы, девочки, красивых любите?

Вера слушала – и вспоминала то время, когда эта песня была необычайно любима, когда ее не пели лишь дети да «зеленая поросль». Тогда Вера, как и все современные школьницы и студентки, вышучивала подобные «колхозные шлягеры»: их-де уважают лишь «поддатые советские тетки», которые сами заслужили, что «он прощения не попросил». Нескоро она поняла, что песни, задевшие душу народа, так же вечны, как вечна человеческая душа.

*Сладку ягоду рвали вместе,
Горьку ягоду я одна...*

Баянист расстарался на славу. Быстрые пальцы его легко летали по клавишам, лицо сохраняло торжественно-спокойное выражение часового. А женщины пели все громче. Лица их просветлели, воспоминания об ушедшей молодости неизреченной грустью стояли в глазах.

Что взволновала доселе молчавшая под спудом тревог и невзгод неубитая память? Что вспомнилось им?

Беззаботная ли девичья юность, когда не знали слова «проблемы», когда много делалось и немало сбывалось, когда все горело в руках? А может, вечерняя танцплощадка, длинноволосые гитаристы на эстраде, стайка закадычных подруг у ограды и – он, впервые взявший ее за руку по случаю «белого танца»? Или их свадьба: с суетливым гомоном разухабистых свах, цветными лентами и куклою на капоте автомашины, канатом, натянутым перед подъездом для выкупа «молодой», театральным похищением и счастливым вызволением невесты и – баяном, под который, забыв о магнитоле, пели-плясали все гости.

Как давно... как недавно все это было!

То одна, то другая женщина нет-нет да вскидывала голову, радостно заблестевшим взглядом обводила лица поющих подруг: неужто она вместе с ними опять в той далекой, сказочно-безмятежной жизни?

– Смотрю я на баб наших, – приблизив веселое лицо к уху Кожина, заговорил Соломин, – веришь ли, диву даюсь! «Сообщество» забугорное да свои иуды пятнадцать лет топчут, дают – хуже Мамаю, – а они живехоньки! Пляшут, поют. Развеселая наша породушка!.. За морями-то нас трижды похоронили, а мы – на-кось, выкуси! – хлеб сеем, железо куем...

– Да уж, «сообществу» бы наши заботы! – Кожин подлил в рюмку Соломина коньяку. – Слышал, Терентыч, про «подвиг» американской семьи на нашей земле?

– Ты о чем?

– Вот послушай. Приехали сюда по культурному обмену, что ли, трое американцев – отец, мать, сын шестнадцати лет. Решили, значит, здесь, в Ярске, пожить, поработать, жизнь нашу понять. Родители оба – преподаватели, устроились на работу. Сына в десятый класс гимназии определили. Квартиру им в Ярске дали... Ну, прожили они месяца два – тут в мае отключают горячую воду. А без горячей воды американка выдержала меньше недели. В общем, выпряглась, обругала русских варваров и скрипнула в Штаты. Мужик после отъезда супружницы запил: приобщался воочию к русской культуре. Долго ли, коротко ли с «зеленым змием» боролся, – потом тоже уехал. Остался парнишка-американец один-одинешенек. Ну что? Откуда ни возьмись друзья появились, жизнь его сделалась развеселая – не то что в Нью-Йорке зачуханном. Тут с баксом в кармане он – король... Пиво – портвейн – водка – «травка»! И тэ дэ и тэ пэ... Первого сентября явился он в гимназию после «отдыха» – учителя не узнали. Короче, прилетели мама, папа, кое-как отрешили сынулю от скверной компании. – Кожин чокнулся с рюмкой Соломина и молодецки выпил. – Смекаешь? Все трое, можно сказать, жизнь себе поломали. А из-за чего? Из-за временного отсутствия горячей воды!

– Эх, Женя, – Соломин весело рассмеялся, – они, горемычные, еще зимы нашей не видели. Что за странный народ! Ни ума, ни души, ни сердца – одни понты. Вишь, захотели экономически нас задавить. А нас не возьмешь ни железом, ни баксом. Ни Аллен Даллес, ни Збигнев Бжезинский и во сне не видали, что без зарплаты русский рабочий будет за станком стоять, крестьянин хлеб сеять, солдат без пайка – воевать.

Со смехом вспомнили недавний визит на завод американских экономистов и социологов. Въедливая американка Дженнифер, увидав в цехе за станочной работой белых женщин, горячо залопотала, что негоже в машиностроении использовать женский труд: он чересчур тяжел, да и квалификация женщин не такая, как у мужчин. «Если вам не хватает рабочей силы, возьмите ее в Казахстане, – присоветовала сердобольная мисс. – Мы

у себя в Техасе делаем именно так – на тяжелый труд набираем рабочих из Мексики. Это дешево, это выгодно!» Ей возразили: зачем брать людей из сопредельного государства, когда в Ярске изнывают без дела тысячи работоспособных мужчин? «А теперь потолкуем о квалификации русских женщин, – проговорила Вера, надевая рабочий халат. Она встала к станку и в течение минуты обточила деталь. Снимая халат, сказала: – В советских вузах неплохо сочеталась теория с практикой. Поэтому советская система образования признана лучшей в мире. Дело мастера боится!» С английским переводом последней фразы вышла заминка. Уразумев, американцы наперебой стали просить на сувениры изготовленное руками Веры изделие.

Соломин с удовольствием поведал, как ответил американской журналистке на ее пассаж по поводу благотворного влияния конкуренции на их экономику. «А у нас налицо сговор монополистов и надувательство потребителя, – втолковывал он с обезоруживающе-добродушной улыбкой. – Честная конкуренция – это миф. Не конкуренция, а честное соревнование работников с давних времен обеспечивало России производственный рост!.. Что есть соревнование? Наше соревнование отличается от вашей конкуренции, как русский хоккей от канадского». С натугой выслушав перевод, американка кивнула, бросила дежурную фразу, но, похоже, ничегошеньки не поняла.

Тем временем Римма, уловив перемену настроения женской части компании, поднялась, знаком руки оборвала музыку.

– Ну, девчонки, хватит реветь-то. Танцевать хочу! Мужики, чего припухли? Кавалеры приглашают дам! Перед горячим хоть жир растрясем...

Двое мужчин направились к магнитофону; заспорили было – какую запись поставить первой. Заводчане налили еще по одной. Римма взволнованно продолжала:

– Славный сегодня день. Уж и не помню, когда последний раз так собирались... Будто лет на пятнадцать помолодела, ей Богу! Как в допутчистское время: и начальство, и работяги вместе гуляют. – Отсмеявшись скрипучим смешком, повернулась к Вере. (Глаза расширились, заволоклись нежно.) – Верочка, подружка моя золотая! Работаешь ты как проклятая, все за нас, за баб простых, бьешься. За мужиков, ребятишек наших, за хлеб насущный... – Подошла к Вере, взявшись за плечи, подняла ее с

места. – Мне тут много всего пожелали. Много хорошего. Всем спасибо на добром слове! – Поклонилась компании, снова поворотилась к Вере. – А тебе, Вера Васильевна, персонально от всего сердца спасибо. Когда ж тебе еще спасибо сказать? Весь наш завод у тебя на плечах. – Притянула Веру к себе, жарко, звучно расцеловала. – Мы ведь тут как у Христа за пазухой... Как в другом государстве живем! Работа – ух! – стружку со свалки успевай вывозить. И работа есть, и зарплата. Что еще надо? – Погладила по плечу смущенную Веру. – Всем бы так жить. На область тебя, Вера, поставить – вся бы Россия нам, любимым, завидовала!

– В губернаторы ее надо! – звонко чокаясь, весело выкрикнула одна из работниц.

Римма хлопнула бокал об пол, подбоченилась, вскинула подбородок.

– А что? И потянем! Не все мужикам-то рулить. Пусть будет у нас первая женщина-губернатор. Вроде Маргарет Тэтчер!

– За Веру Васильевну! За губернатора! – Подхватила компания.

... Потом были танцы, песни, новые тосты – «под щуку», «под голубцы». В самый разгар веселья Вере насилу удалось ускользнуть с разудалого торжества. Юбилей Риммы еще долго с удовольствием вспоминали.

А разговор о губернаторстве получил-таки продолжение.

* * *

Через несколько дней на завод пожаловала делегация народно-патриотического объединения «Народовластие».

На минувших губернаторских выборах «Народовластие» поддержало Андропова. После его победы на ряд ключевых постов в администрации области были назначены выдвиженцы «Народовластия». Вера знала о том, что в то время плотно обсуждалась возможность ее назначения – заместителем губернатора – директором департамента госимущества, промышленной политики и потребительского рынка. Однако этот вопрос так и не вышел из кулуаров, был «спущен на тормозах». Руководство «Народовластия» на девяносто процентов состояло из коммунистов (после победы Андропова область тут же причислили к «красному поясу»). Прочие патриоты-государственники не счи-

тались правоверными, им не очень-то доверяли. Вера же после бойни октября девяносто третьего весьма нелестно отзывалась о руководстве КПРФ, которое не захотело поддержать защитников Белого Дома. Зюганова она величала «вечным пораженцем», «облаком в штанах», «потрясателем тухлого телеэфира». Зюгановцы подобные выпады прощать не привыкли. Между Верой и верхами «Народовластия» выростала стена отчуждения.

Результатом закулисных манипуляций стало назначение на пост вице-губернатора области вездесущего Сапожкова. Этот шаг здорово подорвал авторитет народно-патриотического объединения в глазах Веры. Сапожков с бешеной энергией занялся приватизацией остатков государственного имущества. Вскоре целый ряд бывших еще «на плаву» промышленных предприятий оказался в руках богатых соседей-уральцев.

Вера не раз поражалась необъятным границам зависимости, которая существует между главой региона и его окружением. Этой зависимости, как некой заразе, подвержены все – даже самые твердые, самые стойкие. В этом Вера убеждалась день ото дня все больше. После сенсационного назначения Сапожкова отношения Веры с Андроновым безнадежно испортились.

Нежданных гостей Вера принимала в своем кабинете. Визитеров было трое – все высшее руководство областной «партии власти». (Присутствовал также Кожин – с недавних пор член координационного совета «Народовластия».) Их решимость вести переговоры на чужой территории уже говорила о многом.

После дежурных приветствий заговорил председатель «Народовластия» – широколицый, с ленивой улыбкой и острым взглядом мужчина, отставной генерал КГБ.

– Вера Васильевна, вы накопили большой политический и управленческий опыт, – генерал ронял слова не спеша, чуть покашливая. (У Веры усмешка дергала губы: ну-ну, для нее, «многопытной», верно, уже заготовлен новый «хомут».) – Есть мнение: вы, с вашим авторитетом, годитесь на более масштабное дело.

Вера молча играла брелком карманных часов. Она всем своим видом изображала полное равнодушие. Генерал владел искусством подчеркивать значительность пауз, но этих тонкостей не знал чуждый политического этикета Кожин. Он не ко времени и «расстегнулся»:

– Мы вам в губернаторы баллотироваться предлагаем.

– Вот как? – Вера подняла брови. – Даже через ступеньку? Она намекала на несостоявшееся свое назначение вице-губернатором три года назад.

– Пост губернатора и есть ваша ступенька! – не моргнув глазом, парировал генерал.

Его напористо поддержали соратники. Они принялись убеждать Веру с таким видом, будто Рубикон уже пройден и промедление смерти подобно. В течение нескольких минут Вера не могла вставить и слова. Наконец, это ей удалось.

– А как же Андронов?

Вопреки ее ожиданиям, этот вопрос никого не смутил. Генерал прикрыл глаза тяжелыми веками, невозмутимо произнес:

– А что Андронов? Будет выдвигаться – пусть создает избирательный штаб. Есть из кого! А ваш штаб, Вера Васильевна, – обвел рукой сидящих за столом товарищей, – вот он, готовый.

У этих людей, подумала Вера, не бывает спонтанных решений. Все обмозговано и подготовлено загодя. Между Андроновым и верхушкой «Народовластия» (она это знала) уже давненько идет крупный раздрай. Но чтобы коммунисты так демонстративно отвернулись от «красного» губернатора... По всему видно, «сватают» её неспроста. Тут нельзя выказывать растерянности, удивления. Поле политика – вне «поля чудес», но граничит с оным вплотную.

– Сейчас время серьезное, Владимир Андреевич, – обращаясь к генералу, Вера взяла суховатый тон, взглянула колюче, – а мы здесь толкуем о каких-то несерьезных вещах... Разве можно вот так – с бухты-барахты?

На лица визитеров легла тень беспокойства. Генерал неодобрительно закряхтел, застегнул пуговицы пиджака.

– Понимаем: такое предложение надо обдумать, взвесить. Давайте назначим время нашей следующей встречи.

Нет, они не блефуют, подумала Вера. Дело было нешуточное.

– Хорошо. Встретимся послезавтра.

Вера сдержанно попрощалась. Проводив визитеров, взяла маленькую пластмассовую лейку с теплой водой, принялась поливать цветы – это помогало ей думать.

Конечно, положив руку на сердце, следовало признать: управлять целой областью – не женское дело. А, собственно говоря, почему? (Вера застыла с полупустой лейкой посреди комнаты,

невидяще уставясь в окно.) На телеканалах, в газетах все жалуются: мало-де женщин в правительстве и Госдуме! Вера знавала многих женщин-депутатов, чиновниц... Но чтобы их – в правительство? (Усмехнулась.) Зачем России наказание такое?

Важно осмыслить: представляет она, Вера Воронова, глубинную суть, весь масштаб деятельности губернатора? Да, она не раз ловила себя на мысли, что, будь она на месте Андропова, то «поступила бы так», – то есть в ряде случаев совсем по-другому, наперекор губернаторскому окружению. И не из упрямства, а потому, что лучше владела некоторыми вопросами. Не раз бывало – время доказывало ее правоту. (Вздохнула.) Но чему ж радоваться, когда «поезд ушел»?

Есть у нее представление, каковы приоритеты развития области: знакомилась с выкладками экономистов, социологов. Сама кое-что предлагала. Но... (Поморщилась, припомнив с досадой попытки убедить андроновских преторианцев в пользу многих дельных проектов.) У действующего губернатора – своя политика. Политика эта свелась к отсутствию внятной стратегической линии: во что вкладываться прежде всего, что развивать? Четыре года областная администрация занята «выколачиваем» трансфертов и затыканием «дыр» – в народном образовании, здравоохранении, сельском хозяйстве... Будто губернатор и все его «вице» только для того и нужны, чтобы уломать, добыть, отобрать. «Это похоже на неверное понимание своих ролей номерами орудийного расчета, – развивал тему «Андропова и его команды» Валентин. – Когда командир орудия берет на себя функции заряжающего, а наводчик снаряды подносит, толку не жди». Что обрела от этого область? Все то же – место в первом десятке... с конца. Что будет, если Андронов с проверенными товарищами – «комсомольцами» (почти все помощники губернатора были его соратниками еще по комсомольской работе) – что будет, если эта «рать» продлит свою деятельность на следующие четыре года? (Покачала головой сокрушенно.) Это ж полное торжество бюрократии в отдельно взятой губернии! Тогда лучше ей, Вере Вороновой, соглашаться на выдвижение. Хоть немного расшевелить «мутное царство»! Да, появление ее в списке реальных претендентов на губернаторский жезл без сомнения «обозлят гусей». Тем более (и это известно многим) шансы у нее есть.

Вера отставила лейку, подошла к книжному шкафу, взяла с

полки фотографию семьи: она, Валентин, сыновья на фоне лесного озера. Приблизив фото к лицу, задорно проговорила:

– А почему бы нет?

Глава четвертая

ВАЛЕНТИН

Медленно, мучительно долго оправлялся Валентин от душевных ран чеченской войны. Полтора месяца близ передовой казались бесконечной, ужасной дорогой. На этой дороге он, военный писатель, видел десятки смертей, сотни убитых, замученных; тысячи обездоленных – трижды обманутых, ограбленных, морально растоптанных, потерявших голову в кровавом хаосе людей. Валентин перелистывал записи, черновики – перед глазами вставали сцены боёв, лица русских солдат, лица врагов... Сюжеты задуманных им рассказов порой казались ему графоманией, бесконечно далекой от правды. Все первые недели по возвращении из Чечни Валентин ничего не мог делать. Возился с сыновьями, часто ходил в церковь. Решение жены участвовать в борьбе за губернаторский «жезл» Валентину не понравилось.

Время включаться в выборы было для Веры неподходящим. Со сменой верховной власти в стране начинался новый передел собственности. В губерниях тоже готовились подхватить этот «почин», экспроприировать кое-что из приватизированного некогда «плохими парнями». Фигура губернатора обретала особое значение в этом процессе: ведь в России собственник без власти или без «волосатой руки» – все равно что лев с клыками и когтями кошки. «Пойми, – говорил жене Валентин, – для чинуш ты – чужая. Не их поля ягода! Ну, ладно, допустим, на выборах победишь. Начнешь аппаратчиков прессовать, от «кормушки» отсаживать. А у них за каждым – связи, знакомства. Дети, внуки... Они ведь тоже за «наследством» в очередь встали! Короче, попрет на тебя «вся королевская рать» гидра многоголовая. Сожрут – не подавятся».

Вера и так досадовала, что не устояла перед уговорами, влезла в «кусачее дело». Хоть и твердила упрямо, что Валентин ничего не смыслит в правилах аппаратной игры, но внутренне не могла не признать его правоту. Лучше бы он ей не говорил ничего!

Наблюдая за стилем работы «команды» Андропова, Вера не раз подмечала, что время «красных губернаторов» безнадежно уходит. На смену выпускникам высших партшкол в двери областных правительств настойчиво стучались молодые энергичные менеджеры, оборотистые предприниматели, вкусившие плодов «дикого рынка». Эта была новая, не во всем близкая по духу власть предрержащим каста. Вера не понаслышке знала многих ее представителей. Не раз слышала жалобы: «Эх, Вера Васильевна! Нам бы вместо ископаемых брежневцев губернией поручить! А то уж пол-области соседи скупили!».

Это была правда. Покуда Андронов, торжествуя победу, представлял «испытанных сподвижников» на ключевые посты, ушлые соседи-уральцы скупили пакеты акций многих элеваторов, мелькомбинатов и птицефабрик. Столичные чужаки по-тихому захватывали управление крупными заводами. Андронов поздно ввязался в борьбу с «пришельцами», но его действия были импульсивными, без четко продуманного плана. Программа экономического развития области за четыре года губернаторства Андропова так и не была принята. «А чего ждать? – спрашивал воинственно настроенный Кожин. – У нашего губера что за плечами? Комсомольско-партийный энтузиазм. Ни заводом, ни цехом командовать не сподобился. Предприниматель для него – все равно что для продотрядовца кулак-мироед. Пора кончать с политэкономией! Все видят, каких дров андроновцы наломали. Победить можно, если действовать против их правил». Ему вторил Вадим: «Сколько можно отродье партбюрократии в рай возить на горбу? Надо идти на выборы, в драку ввязаться... Чего бояться? Не нам, а им есть что терять!»

Подобные рассуждения Вера всерьез не воспринимала. К участию в губернаторском марафоне ее побуждали свои, сокровенные причины. Какие – Валентину оставалось только догадываться.

Глава пятая

РУБИКОН

Отец Веры проголодал военные и послевоенные годы. Ему, как и многим, приходилось радоваться оладьям из мороженой картошки, жмыху и щам из лебеды и крапивы. Повзрослев, дети

войны увидели золотое косыгинское время. Глядя на продовольственное изобилие, они были рады за собственных чад и проклинали минувшую злую войну. Воронов-старший всерьёз полагал, что продовольственное снабжение Ярска в начале 1970-х было таким, что лучшего и желать не приходится. «Теперь еще жильем людей обеспечить да промтоваров подкинуть, – блестя глазами, рассуждал он, – вот тебе почти коммунизм!»

Ровный в отношениях с дочкой, Василий Иванович не терпел, однако, когда Вера оставляла недоеденное в тарелке. «Ты это брось, – говорил он сурово. – На такое только гнилая буржуазия горазда». В десять лет Вера еще не отличала дворян от буржуев; смотрела фильмы «про них» – «Анну Каренину», «Анну на шее» – и не могла понять, за что отец невзлюбил этих воспитанных, облаченных в великолепные туалеты людей? Как-то она спросила: «Папа, а почему буржуазия – гнилая?» – «Потому, доча, – серьёзно ответил отец, – что буржуи не сеют, не жнут – всё за них бедные работники делают. Зато богатеи друг перед другом чванятся как павлины, а простыми людьми брезгуют. Для них не оставить в столовом приборе куска – дурной тон. Зачем доедать, когда у них всего много? Нехай объедки прислуга бедная подберет!»

Вера крепко помнила эту беседу с отцом, а любимый фильм родителей «Угрюм-река» смотрела множество раз.

... Колеся с удостоверением кандидата в губернаторы по городам и весям, Вера остро ощущала пульс выборного процесса, внимательно следила за настроением людей.

Стояла слякотная поздняя осень. Глазам открывалась череда голых иззябших перелесков и рощ, неубранные, донельзя засоренные поля (на уборочную хронически не хватало горючки), остовы брошенных, разграбленных ферм, пустующие мехдворы. Запустение, разруха... Не верилось, что еще недавно здесь кипела работа, текла жизнь: в яслях звенели детские голоса, по вечерам в клубах «крутили кино», молодежь собиралась на дискотеки. Было ли это?

Под стать обстановке были и люди. Бедно одетые женщины выглядели бесконечно усталыми, в глазах мужчин ворочалась неизбывная злая тоска. Вокруг были человеческие лица, искаженные гримасой голода и отчаяния.

Вера глядела на придавленную беспросветную жизнь «па-

ству» и вспоминала десятилетней давности митинги и пикеты «в поддержку демократических реформ». Ее открытое неприятие «беззаветного борца с привилегиями», щедро раздававшего «суверенитеты», погубившего Союз, не раз освистывалось, охивалось. Однажды в ходе митинга, когда Вера уже сходила с трибуны, седовласая женщина, по-видимому, пенсионерка, запустила в нее гнилым помидором, полупьяные мужики из толпы матерились: «Ишь, сучка, на Борю нашего тянет! Видать, не кисло ей в Верховном Совете, есть что терять». А слесарь Миша, «дружбан» Пашки Колотыгина, и наладчик Семен Боровских, «демократ до мозга костей», взялись было мобилизовать работников завода на процедуру отзыва Веры с поста народного депутата России. Мише тогда еще не было сорока, но он во втором браке успел «настрогать» троих сыновей. «Что же ты, Михаил, – как-то спросила его Вера, – за Ельцина народ призывает, а о детях своих не подумал?» – «Да хуже вас, коммуняк, никого быть не может!» – зло ощерился Миша. Потом спохватился, спросил: «А причем здесь дети?» – «А притом, уважаемый, что мальчишки твои ни институтов, ни техникумов уже не увидят. Ладно, если школу закончат». – «Народ пужать классно вы насобачились, – пробурчал насупленный Миша. – А я Ельцину верю».

Жизнь доказала правоту Веры. Но кому стало от этого легче?

Философия «ельциноидов» была простой, как три копейки: «Боря – хороший: не только свой гешефт имеет, но и нам, смертным, зарабатывать не мешает». «Правоверные большевики смертно бились за власть, – говорил Валентин, – буржуев и уклонистов рубали со всей пролетарской ненавистью. А нынешние крысы обкомовские за вход в буржуинство сдались демократам без единого выстрела». Безоговорочная капитуляция партийной верхушки перед «прихвизаторами» показала: к девяносто третьему году в стране уже не было ни компартии, ни рабочего класса.

Сколь безоглядно верили популистам в достославном прошлом, столь недоверчиво поглядывали на кандидата в губернаторы в настоящем. За десять последних лет не раз обжигались... У большей части земляков-избирателей вообще пропало желание «голосовать».

Картины нищеты, безмерного людского отчаяния не давали

Вере покоя. Во время встреч с избирателями ее не покидало неотвязное чувство вины – за свое благополучие, хорошую одежду, золотые серьги в ушах. Разве эти бедные работницы, подёнщицы и пенсионерки обязаны верить ей? Ведь, положив руку на сердце, она, Вера Воронова, давно перестала быть человеком их круга. С гневом думала о популистах-политиканах, которым вся эта «масса» становилась нужна только на время выборов, раз в четыре года. Вглядываясь в глубину набитых «электоратом» залов, Вера не раз ловила себя на мысли, что эти люди и есть народ, «россияне», которые вот уже второе десятилетие выдерживают нечеловеческое напряжение «новой, свободной жизни».

Все это видел и понимал Валентин.

На юркой «девятке» он возил по районам Веру и ее помощников по избирательному штабу. Он же редактировал агитационные материалы. В поездках больше следил за дорогой, в политические дискуссии не вступал. О причинах этого Вера попыталась неспешно.

– Знала бы ты, – заговорил с женой Валентин после одной из поездок, – чего я в Чечне насмотрелся... До гроба мне этого не забыть! Рукопись вот еще совсем измучила. Вроде и пишется, а – все не то. И надо писать об этом, и рука как чугунная. Это ж Чечня! Кровь, грязь... жестокость средневековая. Там наши парни за Россию бьются не щадя живота. А как сюда вернуться они – вот те и Рассея! Что увидят-то? И тут война, только не бомбят, не стреляют. Кругом алчность, трусость, измена. По деревням будто Батый прошел... Эта новая жизнь души людские коверкает, мнет, вот что страшно. Еще вчера жил-был человек – ничего себе, крепкий, надежный. А сегодня поглядишь на него – свинья свиной! За деньги кого хошь «подставит», за кого хошь проголосует. Ты-то за каким в это... влезла? Жанна д' Арк! Экспериментам здесь не место! Это война, понимаешь?

– У всякой войны есть конец, – подчеркнуто-невозмутимо ответила Вера. – Что же будет после конца?

– А что будет? Народ вынес невероятные муки, спас державу от разорения, от кабалы. Теперь, когда бояре богатства нахватали, можно свой наводить порядок: за патриотизм, за государственность вякать. Новую «руководящую и направляющую» создавать – чтоб князьков-«мандаринов» держать под присмот-

ром. Объявить врагами нескольких олигархов. Главное – это новую узду надеть на народ. Свобода, дескать, такая... Стоило вообще огороды-то городить?

– Им-то стоило. В смуту воровать ловчее. Нельзя же было, в самом деле, одним декретом всю империю «реформировать»: дескать, то, что тобой, народ, в муках создано, отныне стало наше!

– У простых людей все отобрали: и хлеб насущный, и идеалы. Раньше хоть и жили трудно, зато величием державы гордились. Сейчас, когда журналоги ёрничают: «Ну где же ваша национальная идея, где она?» – крикнуть хочется: да идея-то есть! Возрождение России как ведущей державы – вот цель воистину великая. Но им это – как серпом по!..

– А помнишь, было время – белоэмигрантов жалели. Как же: изгои, Родины большевиками лишённые. А сейчас смотришь на новых буржуев – и старых нисколько не жалко. Потому что большинство трудовых людей в своей стране – эмигранты. Кто, спрашивается, их в эту жизнь загнал? Вчерашние «верные ленинцы», внуки пламенных борцов с белогвардейцами, буржуями и уклонистами.

– Лихо! Выходит, бонзы партийные и для белых, и для красных – еще те благодетели.

Все же, стиснув зубы, Валентин помогал жене в ее «сумасбродном деле». И новую книгу все же закончил. Рассказы и очерки, написанные по следам обеих чеченских кампаний, составили отдельное большое издание. Из Москвы то и дело звонили писатели, журналисты – справлялись, как продвигается дело. Книгу ждали и в Ярске многие знакомцы Валентина – участники чеченских кампаний.

* * *

После поездок по избирательному округу в компьютерном дневнике Валентина появилась новая запись.

«Удивительное дело, как у нас любят сравнивать несравнимое и о ничтожном «это – великое» молвить. Видать, с немалого перепугу в ответ на возмущение обманутого народа плутократы загалдели, как попугаи: «Вы что, хотите снова все отобрать и поделить? В 1917 году мы это уже проходили!»

Жизнь наша несусветно абсурдна. И отличается от жизни

отцов и дедов, как «Тихий Дон» в постановке Сергея Бондарчука от «Тихого Дона» Сергея Герасимова.

Что говорить, для имущих 1917-й стал страшной трагедией. Кое-кого в самом деле по-человечески жаль: их состояния наживались предками в течение многих столетий, и платой за них была тяжелая и опасная служба России. Нынешние богатеи обрели капиталы благодаря счастливым стечениям обстоятельств при несправедливом разделе общенародной собственности. Любой мог оказаться на их месте, равно как любой другой имеет на присвоенное имущество одинаковые с ними права. Так что равняться со старорежимными купцами и дворянами нынешним нуворишам не дано: те добывали состояния, проливая реки пота и крови, эти – потратив разве слюну на облизывание седалища ЕБН».

Глава шестая

ВАДИМ

Вадим впервые в жизни всерьез заинтересовался политикой.

Последние годы он жил анахоретом. Не без помощи Веры купил однокомнатную квартиру. Новой семьей не обзавелся, друзей, кроме Кожина, не имел. Свободное время тратил на теннисные баталии (теннис Вадим полюбил всей душой: страстно играл, не менее страстно «болел»), коллекционирование компьютерных игр, свидания с сыном Димой. Четырнадцатилетний подросток нередко «радовал» мать попытками «прояснить обстановку». Впрочем, его не очень-то угнетало, что у него «два отца».

Одиночество приучило Вадима к размышлениям, созерцанию. Не имея острой заботы о хлебе насущном, он исподволь наблюдал за людьми, пытался анатомировать причины и следствия их дел и поступков. Особенное любопытство вызывали метаморфозы, происшедшие с друзьями, знакомыми в последние десять лет.

Интересно было наблюдать за теми, кто в одночасье разбогател, возвысился над «толпой». Для таких внешние атрибуты богатства напрочь заслонили не только прошлое, но и всякую перспективу. Жили настоящим – сытым, суетливо-тревожным:

за бизнес и собственность голова болела днем и ночью. (Оно и понятно. Только босякам, голытьбе все нипочем. Недаром в старину пели: «Богачу-дураку и с казной не спится, бедняк – гол, как сокол, ходит, веселится!») При этом каждый пытался играть какую-то роль: этот – европеизированного финансового магната с шикарными авто, «навороченной» связью и офисом, наполненным молодыми сотрудницами, у которых «из ушей ноги растут»; тот – крутого, твердокаменного дельца, могущего «кинуть», «напрячь» кого хошь... Не было только таких, кто бы заботился о больных, беспризорных, жертвовал на храмы, приюты, хотя б изредка вспоминая о вечном.

Как-то в преддверии Девятого Мая Вадиму вместо Веры довелось присутствовать на заседании попечительского совета, наблюдавшего за областным госпиталем для ветеранов войн. Члены совета – руководители богатых предприятий, банков, областной военком, силовики и чиновники разного ранга, – сидя под портретом маршала Жукова, лениво переговаривались о мелочи дел: на лицах многих читалось радостное предвкушение грядущих торжеств. Начальник госпиталя тем временем делал доклад... В конце заседания вице-губернатор спросил его: «А как у вас с питанием пациентов?» Оказалось, за весь истекший год больные ни разу не получили ни мяса, ни рыбы, им почти не выдавалось масла, жиров. Из десятка юридических лиц – членов попечительского совета реальную помощь госпиталю оказал только Верин завод...

Позже, в актовом зале, вице-губернатор, банкиры и генералы, поздравив присутствующих с Днем Победы, слушали жалобы больных ветеранов: «Я в сорок первом встала за станок пятнадцатилетней девчонкой. Нас тут сто семьдесят человек – все хлебнули лиха на фронте, в тылу... Помогите госпиталю с лекарствами! Нашей пенсии на лечение не хватает». – «Дорогие мои, об одном прошу: берегите страну нашу, Россию! А то так получается, что мы, старики, зазря Гитлера побеждали». В ответ банкиры, директора и чиновники ругали бессовестных «прихватизаторов», отнявших у заслуженных стариков спокойную сытую старость, клялись, что завтра... нет, уже сегодня они начнут действительно помогать, вникнут во все проблемы. Огорченный вице-губернатор, сидя в президиуме, утер платочком «скупую мужскую слезу».

Затем, в кабинете начальника, за длинным столом, попечители выпили за Победу и закусили. Разговор пошел о вещах приятных, вновь сделался праздничным. В кампании оказалось несколько привлекательных женщин, «заседание» затянулось. Вадим успел между тостами спросить главврача и директора преуспевающего мостостроительного завода: «Я думал, кормить, снабжать лекарствами больных трудно потому, что их много. А их здесь всего сто семьдесят человек. И четырехсоттысячный город не в состоянии их обеспечить? Как же так?» Тучный мостостроитель, захмелев, грохнул по столешнице кулачищем: «И я думаю: это ...й знает что! Сто семьдесят человек обеспечить не можем... – Эскулапу: – Ты-то какого хрена молчал?!»

Но и на другой год попечительский совет сработал не лучше.

Еще интереснее было встречать и выслушивать тех, кто выбился было, влез на «олимп», но разорился (или разорили) и вновь перешел в разряд простых смертных. Эти кляли всех и вся: Ельцина и Кириенко, ментов и налоговиков, зловредных конкурентов и собственных бухгалтеров, сдавших «боссов» с потрохами в подходящий момент.

Одним из таких «бывших» был Дмитрий Рогов, одnogруппник Вадима по институту. Рогов, хоть и считался в юности недотепой, как технарь, подавал большие надежды: вуз окончил с красным дипломом, имел изобретения; в двадцать восемь лет защитил кандидатскую. Но в начале девяностых впал в эйфорию – умыслил создать «высокоинтеллектуальное производство». Для этого собрал под свое начало нескольких перспективных конструкторов и технологов. Нашлись инвесторы, очам которых Рогов представил красивые бизнес-планы. Они за копейки выкупили кусок обанкроченного лихими людьми завода – цех с оборудованием и бытовками, склады и гараж. Под заказы сторонних организаций, в том числе нефтяных, спецы принялись делать все, что потребно на злобу дня. Технические идеи роились в роговской голове, и он помышлял об изготовлении сложных, уникальных изделий. Но дефолт и жульничество партнеров подорвали производство Рогова. Инженеры стали искать «запасные аэродромы», а техники и рабочие понесли за забор все, что могли. Наконец, зачинатель безнадежного дела был уличен в неуплате налогов, схлопотал условный срок по суду. Пришлось переквалифицироваться в изготовители ключей, потому как с судимос-

тью путь в вуз был заказан. Недвижимость интеллектуалов захватили чужие загребушие руки. Новый хозяин продал станки и оснастку и установил в цехе германскую линию по производству соков из порошка. «Знаешь, что теперь наши «успешные» мне советуют? – поведал как-то Вадиму за кружкой пива бывший заводчик. – Учиться! Работать, мол, учишь, зарабатывать. А зарабатывать на их языке – знаешь что? Подчиненным зарплату зажить, компаньонов кинуть, друзей подставить, а если надо – отца с матерью пустить по миру. Это они могут! Тут они всегда на коне! Мне что, при них конюхом быть? Благодарю покорно!» Такие индивидуумы, как Рогов, вспоминали свое пролетарское происхождение, выражали готовность влиться в ряды коммунистов, лимоновцев, русских националистов, чтобы посчитаться с плутократами, мошенниками и мздоимцами.

И вообще, подмечал Вадим, люди, которые лишились всего, беспринципны и потому весьма опасны. Еще вчера преуспевающий специалист, цветущий мужчина горделиво выпячивал грудь: «У меня-то как? Все на мази! Занят новым проектом... Жена, ребятёнки? Все в норме! Вот, в Таиланд недавно сгоняли на пару». Сегодня он материт бывших компаньонов, «жалится» на судьбу. Просит работу. Просит взаймы. Но принимать в свою фирму такого человека нельзя: он не остановится ни перед чем, чтобы по костям влезть наверх, вернуть утраченное. Эти «битые» неразборчивы в средствах и готовы пойти на все. Вину за прошлые беды и неудачи они возлагают на кого угодно, кроме себя. Таковы были и многие беженцы, переселенцы из бывших советских республик: на новом месте они прокладывали дорогу локтями.

Смотрел Вадим на женщин – и тоже диву давался. Почти все, включая шестнадцатилетних, первым делом интересовались, какова «финансовая упаковка» «мэна», клиента: какой он имеет материальный статус, как намерен ей, очаровательной и свободной, содействовать в решении насущных проблем. И прежде чем от современной дамы добьешься чего-то, взгляд ее не раз немом спросит: что дашь? «Теперь у нас как в Европе, – смеялся Кожин, – все они продаются, только за разную цену. Зато наши – самые дешевые и самые красивые! Помнишь, Вадик, как мы с тобой в Париже пытались хоть одну смазливую француженку углядеть? И что же? Чего нет, того нет. Без макияжа все они –

крокодилы!»

Все просто и понятно было лишь с проститутками. В начале «бума» на них Вадим вызывал к себе на квартиру целые «бригады» – осматривал, отбирал приглянувшихся. Контингент «жриц любви» был самый разнообразный: от матерей-одиночек до студенток университета. По возрасту преобладали семнадцатидвадцатилетние. Ремеслом своим девушки занимались старательно, «с душой». Им нравился сам процесс: едут на вызов целой «бригадой», заходят в чьи-то бани, квартиры, коттеджи. Незнакомые возбужденные мужчины отбирают тех из них, кто в их вкусе. Занятно: куда повезут? Кто из клиентов «положит глаз»?

Вадиму тоже нравился процесс: по прибытии девушек, как главоверх, обходил строй, вникал в достоинства и недостатки «товарца». Бывало, куражился: браковал одну, другую, требовал «заменить контингент». Его желания исполнялись беспрекословно, и на ночь он имел ту, какую хотел. Расценки на «товарец» для Ярска были весьма приемлемы – десять долларов за час.

Многие девушки – студентки вузов, учащиеся колледжей – вовсе не считали себя проститутками: «Чем занимаемся в свободное время? Так, подрабатываем...» «Слушай, Снежана, – спросил как-то Вадим у одного хорошенького, но падшего создания, – а что если во время вызова ты на знакомого или, скажем, на брата нарвешься? Город у нас небольшой». – «А, фигня! – небрежно отмахнулась Снежана. – Это со мной уже было!.. Что они со мной сделали? А ничего! Жить-то надо...»

Созерцая доселе невиданное, Вадим вздыхал и качал головой. Лет десять назад мужчина его возраста (стукнуло тридцать девять) вряд ли мог рассчитывать на благосклонность таких вот семнадцатилетних девчонок: это было немыслимо, по крайней мере, здесь, в Ярске. Весь контингент «зауральских гетер» состоял из дюжины шальных бабенок – разведенки и вдов, – которые, обычно попарно, шатались по кабакам. Их знали не только в лицо, и они, сознавая свою уникальную миссию, позволяли «снимать» себя военным, командировочным и известным спортсменам. А основная часть женского «айсберга» с молодых ногтей готовилась к главному делу жизни – замужеству, и поколебать эту решимость тогдашних девиц могли разве что обстоятельства чрезвычайные. Ради штампа в «краснокожей паспортине» по-

ступали в ВУЗы («выйти удачно замуж» – так говорили в народе), занимались спортом, туризмом – это расширяло круги знакомств. Ради замужества проявляли недюжинную изобретательность, дабы «влюбить» в себя курсантов военных училищ, а затем в гарнизонах стойко преодолевали неустроенность быта, трудности и тревоги... «Оболтать» замужнюю даже для искушенного «перехватчика» было делом хлопотным и нелегким.

С немалым удивлением Вадим воспринял рассуждения молоденьких проституток о том, что они, обслуживающие индивидуально и «бригадным методом» многих жаждущих «отдыха» мужиков, – и они, оказывается, страстно мечтают о замужестве, о будущих детях! Но в этой жестокой жизни без средств семьи не склотишь, и вот эти заботливые создания, подобно «Интердевочке», создают соответствующую материальную базу. «Вот те эмансипация, вот те и свобода, – с сардонической усмешкой дивился Вадим, – мы о многом когда-то мечтали, но чтобы такое... Ай-яй!»

Как-то в один из мартовских вечеров глазам Вадима предстала «мамка» одной из «веселых бригад». Приглядевшись, Вадим хлопнул себя по коленям: «Ба! Ты ли это, Светлана?»

Подруга «дней суровых» бросилась на шею с радостным визгом. Светлана пополнела. Лицо округлилось, что, вкупе с короткою стрижкой, придавало ей вид веселой шинкарки. Оказалось, «мамкой» она стала уже давненько, склотила на этом деле внушительный капиталец. «Персонал» набирала в техникуме, где у нее было «все схвачено». «Могу, Вадик, организовать «ледей» за полцены, – заявила с гордостью. И тут же попросила: – Как бы «газельку нашу» на твоём заводике подремонтовать...» – «Значит, у тебя все о,кей?» – «Иес!» – «А пошто под глазом фингал?» – «О, это после вчерашнего боя». – «Какого боя?» – «Да, вчера какой-то козёл вызвал одну из наших... к себе на хату. Ну, для начала за час заплатил. Через час туда приезжаю – трое зондриков, все в наколках, мою Ксюшу хором трахают! Я ну орать на них, они мне – в пятак. Вызываю наших ребят, берем штурмом квартиру. Нам опять – по рогам, девочка бесплатно работает до утра...» – «Да уж, работенка у тебя – одно беспокойство».

Под занавес Светлана поведала, что скопила достаточно денег, чтобы открыть модельное агентство на паях с неким «зна-

ющим человеком». «Приходи, Вадик, – на полном серьезе предложила бандерша, – модель себе выберешь, какую захочешь – хоть с ногами из ушей, хоть с ушами из ног».

Кое-как отделившись от наглой назойливой «мамки» Светланы, Вадим с грустью подумал: вот, дожил до поры, когда можно стало действительно всё. Но о такой ли свободе мечтал он, Вадим Лоскутников, в юности? Что ж это за жизнь, когда продаются и покупаются деловая надежность, дружба, любовь? Неинтересно, ей Богу!

Эти размышления подвигли Вадима к новой работе. По центру большого (полтора на метр с четвертью) полотна был изображен темный силуэт женщины со скрещенными на груди руками и склоненною головой. Под силуэтом помещались плачущие, что-то кричащие детские лица. Над головами детей виден был свод подземелья: по своду и стенам набегали полчища крыс. Другие крысы бежали прочь коридором, в конце которого некое чудовище разверзло свою огромную черную пасть. В самом верху картины торчали бездымные заводские трубы; вокруг них кружило многочисленное воронье. В левой части картины из пасти чудовища выходили фигурки людей без лиц, в веселеньких масках и колпаках, костюмах Коломбины, Арлекина, Пьеро. Их, а также пасть монстра, заключал в себе черный квадрат, похожий на рамку телеэкрана.

Показывая свое творение знакомым искусствоведам, Вадим с горечью говорил: «Вот так я представляю нашу жизнь в этом веке, в этой стране». Знакомые относились к творчеству Вадима по-разному. Некоторые предлагали ему попробовать себя в поп-арте.

Наблюдение жизни, «зарубки» памяти, заметы нового времени – все побуждало Вадима к действию, к попыткам «хоть что-то менять». Враждебность его к «завоеваниям демократии» зиждлась на ненависти к местному «фюреру демократов» – Лыскову. Лысков, некогда упекший приятеля-друга в психушку, олицетворял в глазах Вадима всех «дерьмократов-ельциноидов» с «главноупивающимся» предводителем во главе. С того времени, как Лысков и Ольга взяли за организацию областного отделения Союза правых сил, для Вадима так же стали отвратительны Немцов с Хакамадой. «Не люди – уроды, – презрительно отзывался о «правых» Вадим. – Подстилки гомика Клинтон! При

Борьке-алконавте рулили, куда хотели, мозги народу компости- ровали. И теперь к власти мечтают примазаться? Не выйдет!»

В день старта избирательной кампании Вера услышала от Вадима:

– Одно плохо: ты несколько лет в компартии пробыла.

– Это почему? – спросила Вера.

– А потому! Все эти «правые», «левые», серо-буро-малино- вые – сплошь бывшая партноменклатура. Оттуда ноги растут! Что, народ этого не понимает? Избиратели ждут новых идей и новых людей. Новых! А у тебя в листовке – состояла в Вэ Ка Пэ Бэ...

– Разве дело в названии? Ельцин и коммунист был липовый, и демократ – никакой. – Принялась было возражать Вера. Но Вадим не слушал ее.

Этот разговор закончился ничем, потому что когда Вадимом владели эмоции, спорить с ним было все равно что заливать пожар девяностошестиградусным спиртом.

Глава седьмая

ЛЫСКОВ

В отрочестве Александр Лысков имел свои увлечения. Как любитель хоккея, он был приверженцем ЦСКА, в футболе болел за киевское «Динамо». Саша отлично помнил результаты всех чемпионатов и решающих матчей, пытался предугадывать исход игр, коллекционировал портреты спортсменов, майки, значки и прочую атрибутику. Но на школьные и дворовые соревнова- ния путь ему был заказан: коротконогий увалень не выказывал успехов в игре, а однажды срезал в свои ворота тихо катившийся в штрафной мяч. Позднее Саша увлекся собиранием записей «Rolling Stones», «Машины времени», – он знал о кумирах все, что дано знать любителю. Однако юный меломан тщетно подвизался возле самодеятельных коллективов и групп: тексты его были отвергнуты, а сам он, как оказалось, был начисто лишен слуха.

Уже тогда Лысков взял за правило не давать спуску обидчи- кам. Прознав, что один из знакомцев молодых музыкантов – внештатный инспектор КГБ, или попросту стукач, Лысков сумел влезть в компанию, где тот «расслаблялся». Во время гулянки

Саша, как бы одурев от «ерша», «невзначай проболтался» о диссидентской подкладке местных кумиров, – такова была месть отверженного.

Прийти в себя от ударов судьбы помогло знакомство с публикациями популярных психологов и сексологов. «Проглотив» их статьи и книжки, Лысков внутренне возликовал: «Вот это – моё!» Обретя диплом психиатра, он больше всего ценил власть как над больными, так и над персоналом «больнички»: административная деятельность влекла год от года все больше. И став политиком, Лысков сохранял отношение к обществу, как к огромной психушке. «Все, все сплошь и рядом – больные на голову, – втолковывал он приятелям. – Страна, понимаешь, такая... Главное – знать подноготную каждого. Тогда ты со щитом, тогда ты – на коне Боливаре!»

Победа «большевика» Андропова на губернаторских выборах девяносто шестого года породила в «правых» чувство вселенской обиды. Еще бы: а Горках-9 еще сидел «отец рассеянской демократии», аки зверь рыкающий на «тоталитарное прошлое» (хотя в том прошлом он тоже был зверем, только помельче), а тут, в отдельно взятой губернии, «комиссары в пыльных шлемах» создают себе «рай»!

Что делать? «Валить быдло! – витийствовал Лысков. – Калифа совкового через прессу всмятку размажем!» Соратники-демократы вяло возражали: на прессу-де нужны средства, и немалые. «Получим не только на прессу, – Лысков надувался важностью, – но и на выборы своих депутатов. Областная дума должна быть наша!»

Лысков не блефовал: деньги на прессу и финансовую «подпитку» «ручных» депутатов он действительно получал. В пределах области и вне ее кучковалось немало обиженных при разделе бывшей госсобственности. Кое-кого потеснили, кое-кто (из не успевших «спрятать концы») попал «под колпак». Эти кинулись за депутатским иммунитетом, а у Лыскова – столичные связи, «команда», «наработанные предвыборные технологии». Что ж, ему и карты в руки.

В политике Лысков ощущал себя как осёл в ухоженном стойле. Говорил присным: «Надувательство – тоже искусство, и надуть надо так, чтоб лох не осознал свой прокол до подхода к избирательной урне. Политика – дело грязное, но дерьмо можно

разгрести и чужими руками».

Лысков и Ольга, хоть жили врозь, продолжали считаться супругами. Детей у них не было. По чьей вине, родным и знакомым приходилось только гадать. Ольга редко покидала свой любимый коттедж, Лысков – городскую квартиру. В прихожей и домашнем кабинете он повесил портреты «премного уважаемых» – Анатолия Собчака, Геннадия Бурбулиса, Егора Гайдара. Над письменным столом помещался большой портрет Чубайса, написанный маслом. Коллекционируя лики «великих», Лысков не дурил, не «прикалывался». Благоговение свое перед скандально известными деятелями он объяснял так: «Да, да! Для быдла эти имена – как красная тряпка быку. А я, может, их за то уважаю, что рыла неумытые они «строили» как положено, спуску им не давали. Пускай сиволапые стонут, реформы ругают: ах, приватизаторы ограбили, обездолили... Так вас, сукины дети, в бараний рог! Распустились при совдепии – до не могу. Раньше я, врач, интеллигент, перед каждым пролетарием занюханым должен был шляпу снимать. А теперь, хвала Горби, пришло наше времечко. Теперь можно хамло приструнить: «Как стоишь, скотина?» – и по сопатке!»

Налюбовавшись на портреты кумиров, Лысков принимался разглядывать себя в зеркале. Толстое узкоглазое лицо, залысины, желтая кожа... Не красавец. Но «гиганты» и «отцы» демократии нешто краше? Стало быть, не в «фейсе» дело – в хитроумии, праве умного перед глупым, безмозглым лузером. Многого, ох, многого через хитроумие можно достичь...

Ольга охотно подыгрывала тщеславию «мелкого залупана» («ярлык» Вадима). Как особа авантюрного склада, она обожала разного рода презентации, выставки, ярмарки, фуршеты – тусовки «новых нерусских». «Политика – двигатель капитала, – повторяла она. – Только в России деньги делаются на политике. Тут-то и надо блистать!» И Ольга «блистала»: для этого, кроме вечерних туалетов и «брюликов» потребовались омолаживающие диеты, операция на бедрах, подтяжка лица. Но эффекта женственности, каким обладала Вера, увядающая кокетка достичь не могла. Поэтому на людях бывшие подруги никогда не встречались.

Осень двухтысячного года стала для Лыскова не золотою, а хмурой. Известие о выдвижении Веры прозвучало как гром бо-

евой колесницы. До того все было куда как просто: «варяг» – кандидат в губернаторы, ставленник финансовых магнатов «столицы Урала», выдвигается на передовой рубеж борьбы с Андроновым. Суммы на это отпускались изрядные (отработает сторичей, когда займет «кресло»); в столице также «нажимались пружины». Для полной надежности «правые» готовили еще одного кандидата – из местных. В его задачу входило поносить Андронova «без дна», а в нужный момент уступить голоса кандидату-«кореннику». В сентябре, за восемь недель до выборов, отмечалось, что рейтинг Андронova невысок... И вдруг новоявленный «кандидат в юбке» спутал все карты.

– Черт бы побрал эту пассионарию! – негодовал Лысков. – Вот уж кто замутил воду! Ей место не в политике – в нашей больничке.

Ольга видела, что Лысков впал в ипохондрию – рушился слепленный по накатанным схемам план, от патронируемых кандидатов зазвучали «вопросы на засыпку»: какие есть слабые стороны программы Вороновой, где на нее «крючки», компромат? Над штабом «правых» витало уныние. В позициях Веры не находилось изъянов. Опросы электората подтверждали ее высокий рейтинг...

– Что же делать? – со страхом спрашивал Ольгу Лысков.

– Не суетись, не пыли, – утешила Ольга. – Я знаю, что делать.

Глава восьмая

ТАЙМ-АУТ

Предвыборная гонка измотала Веру. Помощники тоже то и дело «спотыкались на ровном месте». На два выходных дня решено было взять тайм-аут. Валентин, Вера и сыновья выехали в деревню.

От ночного морозца подстыла грязь на дорогах, лужи, канавы сковало ледком. Дорога убегала в степь, туда, где горизонт смыкался с хмурым, обложенным снежными тучами небом. Но снега почти не было. «Опять вымерзнет все к чертовой бабушке! – озирая серость придорожного пейзажа, ворчал Валентин. – В конце года зимы не дождешься, а в начале – весна никакая». Слушая его, Вера смешливо морщилась: с течением времени муж становился как «ворчливый дедунюшка». В дороге она то и

дело задремывала, пригревшись у печки. Диковинный сон при-
виделся ей.

Будто она – старшеклассница в коричневом школьном платье и белом фартуке – идет по аллее горсада в окружении юных подруг. На повороте аллеи подруги отстали, пропали из вида. Тщетно Вера непослушным голосом кличет их. Вместо одно-
классниц на садовой дорожке появляются молодые девчонки в джинсах и шортах. Они заступают Вере путь, злобно крича: «Старуха! Старуха!» Голопупые, смуглые как мулатки, с татуировками, пирсингом в ноздрях и губах, бесноватые существа скачут, кружатся в дикой пляске подобно выводку обезьян. За мелькающими головами мучительниц Вера видит крест и купол православного храма. Разбрасывая встречных и поперечных, она что есть силы рвется к нему. Вот ограда и церковная па-
перть... Оглянулась: прочь от нее бегут уже не девчонки, а иссохшие сморщенные старухи в драных замызганных джинсах. Взойдя на крыльцо, Вера с трепетом заглядывает внутрь храма – из дверей церкви, слепя, вырывается невиданно яркий, будто солнечный свет...

Деревенские дом и двор встретили мычанием коровы, кудахтаньем спующих туда-сюда кур, радостным повизгиванием собаки, запахом яблок и только что испеченного хлеба. Тетя Люда и баба Уля были особенно рады приезду «ребятков» – Димы и Вали. «Ребятки» с колес навалились на горячие калачи с молоком, а затем отправились к речке, прихватив немецкую овчарку Полкана.

– Хочу на Полкашу верхом, – требовал пятилетний скуластый Валя.

– Собака что тебе – конь? Нельзя! – Убеждал ломким баском младшего брата Дима.

– Я немножко покатаюсь, – канючил малыш, – чтобы ребятишки на улице видели.

– Он укусит, – страшал Дима. – И ты бы укусил, если бы я тебе на спину прыгнул!

Но Валя упрямо лез к Полкану, хватал пса за шерстистый загривок: его впечатлили иллюстрации к сказке «Иван царевич и серый волк».

– Волчок не кусался, и Полкаша не укусит.

– Волк добрый, а Полкан – волкопёс. Он сегодня злой. – Не

моргнув глазом, фантазировал Дима. – Ночью в лес бегал, кабанчиков разгонял.

– Почему Полкаша на хрюков злой? – Валя явно был озадачен. – А в лесу кабанчики какие живут? Что ли они со двора в лес убегают?

Валентин надел старенький рабочий бушлат, вышел на двор – управляться. Он наколот дров, натаскал из колодца воды, затопил баню. Потом, дымя сигаретой, сидел у пристенка, чинил старую рыбацкую сеть, исподволь наблюдал за возней сыновей. Вера вынесла ведра с картошкой, морковью. Поместилась рядом с мужем, принялась чистить овощи.

– Никак, балдеешь от деревенского воздуха? – с усмешкой спросил Валентин.

Вера – не поднимая головы:

– Нет, от другого. От тишины. Оттого, что нет суеты.

– Эх, хорошо, – Валентин вытянул ноги, навалился спиной на стену, поднял глаза к небу. – Здесь и жизнь другая. Без мельтешения. Если б я тут жил, то не четыре книги – накопал бы не меньше десятка. Слушай, мы так и сделаем! Купим здесь дом. Я буду книги писать, ты – «разгружаться». В деревне что? Работай, пиши: и голова свежее, и зрение лучше.

– Отсюда все лучше видно, – согласилась Вера.

– Отсюда все и вся видно, как сверху. Будто над жизнью поднялся, паришь в вышине...

– Икар! – усмехнулась Вера. – Нет, Орфей.

– А ты с людьми здесь поговори, – Валентин резким движением затушил о каблук сигарету. – Выслушай их. И будешь как Эвридика.

– Кого слушать-то? – с ноткой иронии спросила Вера. Пошла было к калитке выплеснуть из ведра грязную воду – и столкнулась с вошедшими на двор соседями: двумя пожилыми женщинами и румяным осанистым стариком.

Поздоровались. Одна из женщин, в цветастой шали, подошла к Вере почти вплотную, заговорила громко и возбужденно:

– Вера Васильевна! Только приехала, уж управляешься... Ма-тушка наша! Знала бы ты, как у нас за тебя сердце болит.

По всему, нежданная гостя умилилась свойским видом кандидата в губернаторы – резиновые сапоги, ведро с картофельными очистками в красных озябших руках.

– Вы проходите в дом, – полагая, что эти трое пришли к тетке Людмиле, предложила Вера.

– Нет, нет! – женщины заголошно замахали руками. – Мы на минуточку.

Вера вернулась к прерванному занятию. Сельчане обступили её, заговорщицки переглянулись.

– Ведь мы, Вера Васильевна, в деревне живем, – вкрадчиво заговорила вторая, низкорослая грузная женщина. – Ничегошеньки не знаем: что есть, что будет? Ни радио, ни телефона нету в деревне-то. Клуба нет, медпункта нет. Случись что – ниоткуда помощи ждать не приходится. Один телевизор, язви его... Да еще слухи... За тебя скоро голосовать пойдем – правда, что ли?

По пристальным, настороженным взглядам сельчан Вера поняла, что с ней не лукавят и в этом Богом забытом углу «голоса» людей не нужны даже политиканам.

– Выборы будут, – сдержанно, с расстановкой сказала Вера. – А за кого голосовать, вы сами решите.

– Во-от, понятно! – женщины радостно закивали. – Всей деревне расскажем, за кого в бюллетене «галочку» ставить.

– По правде сказать, выборы эти надоели, – заговорил доселе молчавший старик. – Ведь мы тут как в потемках... Не народ, не население даже – электорат!

– Ну и пусть за буржуев ихний, буржуйский, электорат голосует! – подхватила женщина в цветастой шали. – Вы-то, Вера Васильевна, уж помогите деревне нашей.

– Да погоди, Галина! – оборвал соседку старик. – Без деревни, конечно, России не жить. Худо, что начальству нашему не только на деревню – на всю Россию плевать. Ельцин Россию на «пузырь» променял, а Горбачев за медальку нобелевскую сдал весь соцлагерь! Мы, мужики деревенские, по сю пору дивимся: как можно царство целое поменять на премию да на кликуху поганую – «лучший фашист»? Кузнец здешний мне как-то сказал: «Я бы, Степаныч, Мише Меченому какую хошь медаль отковал. Хоть пудовую! Владей, носи на здоровье, только державу не рушь, не ломай!» Ведь Горбач не только Союз, он, иуда, судьбы наших детей загубил! – Старик плюнул под ноги, уставил на Веру выцветшие стальные глаза. Спросил с болью: – Разве можно допустить, Вера Васильевна, чтобы последыши Горбачева и Ельцина продолжали Россию мучить?

Не опуская глаз, Вера поднялась с завалинки, отряхнула мокрые руки.

– Нет, нельзя допустить.

– Во-от, это главное. Выберут вас – гоните от себя иуд-демократов. В шею! Тогда, может, и народ вольнее вздохнет. Пора уж и о народе подумать. Ведь и железо когда-то ломается. В рынок вписаться – не губами причмокивать, как Гайдар. Это надо нам из механизаторов и полеводов оборотиться опять в кулачье, бедноту. Реформами этими уже доконали... Эх! Ну, пошли, бабы! Кажись, все обсудили...

Все трое исчезли так же неожиданно, как появились.

– Что скажешь? – спросил жену Валентин.

– Что сказать? – голос Веры звучал глухо, с дрожью. – После детей больше всех люблю стариков, ты знаешь... – Усмехнулась через силу. – Только ради них затеяла последнее дело. Благодаря простым людям я стала тем, что я есть. Получила все, о чем может мечтать женщина... Когда выдвигали, выбирали меня, одну из тысяч, многие надеялись: Вера Воронова, простая рабочая девчонка, не забудет на вершине власти о нуждах обездоленных и бесправных. Будто Бог каждодневно напоминает: не забывай, кто ты есть! Знаешь, что снится мне? Я – за станком, в рабочем халате. Детали по желобам ползут – их много, все больше и больше... Надо их скорее прогнать, закончить смену. А у меня ничего не выходит. Руки – не те...

Валентин покачал головой.

– Эдак тебя надолго не хватит. Так нельзя. Сразу тебе говорю! Ежели на войне генерал из-за раны каждого солдата будет сердце свое крушить...

– А ты? – с укором спросила Вера. – Сам вспомни, каким из Чечни-то приехал...

– Я – другое дело. Я солдат. А тебе не от бед людских убиваться – о подборе команды пора бы подумать. Крепко подумать пора... Что, думала? Ну-ну. А старикам не пайки нужны, не сопереживание твое. Им как воздух вера нужна! Пока правители не испытают стыд за то, как народ наш живет, толку не будет.

– Не только правители – весь образованный слой.

– Придет время – Горбача-иудушку с Борькой-бражником анафеме предадут. А нас спросят: вы-то как это все допустили? Что нам, детям вашим, после себя оставляете? Худо, если ска-

зять будет нечего... У каждого поколения своя судьба. На нашу долю досталось злое, жестокое время. Мне ветераны-деды не раз говорили: только б дожить до твердой власти, только б узнать, что страна в надежных руках. Управлять боярами в России может только зверь!

– Ты, кажется, использовал этот эпизод в одном из рассказов?

– Да. Слава Богу, сдал книгу в набор. Измучила она меня совершенно. На днях поправил последний рассказ – о том, как казаки в Чечне село брали. В девяносто шестом году дело было... Брал батальон у «чехов» село, бой был жестокий. Два раза наши в атаку ходили. А бабаи заняли соседнюю высоту, как бык пред убоем рогом уперлись. Лупят из минометов! Наши бойцы пали духом: ребятишки, им всего-то по девятнадцать – «зеленые»... Сам видел, которые плакали – от усталости, от бессилия. Комбат матерится – охрип, не знает, что делать. В третий раз батальон не поднять! «Чехи» ликуют, глумятся в эфире над нами... Тут глядим – подходит к нам с тыла сотня казачья. Казаки матерые, бородатые. «Что, сынки, подсобить?» – «Да надо бы, отцы, – отвечаем. – Вишь, как поганцы кусаются». – «Ну, коли так, тогда вперед!» Как пошли на слом – любо-дорого поглядеть: будто в прошлом веке, на Кавказской войне. Бросили абреки и высоту, и село. После боя комбат мне сказал: «Пацанов необстрелянных из-под палки на войну гоним, а тут «деды» в бой так рвутся, что – ну. Не птенцы – орлы должны воевать!»

Валентин помолчал, собирая свеженаколотые березовые поленья. Выбрав полдюжины и идя к предбаннику, сказал:

– Теперь хочу большую вещь написать – повесть листов на десять-двенадцать. Сюжет есть.

– О чем?

– Да хоть бы о нас. О тебе, обо мне... И мы стобой видали виды! Пора уже...

* * *

Утром Валентин повел мальчишек в лес – на сбор последнего слоя опят. Октябрьское солнце чуть грело им спины и головы, сырой воздух был холодноватым, бодрящим. Осины и березы еще кое-где стояли в багряно-червонном уборе. Легкий ветер ласкал макушки высоких сосен. Грибные места были безбожно истоптаны и изрыты приезжими грибниками, но Валентин вел

свою команду иным, лишь ему известным маршрутом.

Темп ходьбы был таким, что ребята быстро разгорячились и едва поспевали. Замыкая полуторакилометровую петлю, миновали там и сям торчащие пни, поваленные стволы и крутой скат к ручью – почти везде обнаруживались семейства рослых, ядерных опят. Аккуратно срезая их ножичком, Валентин рассказывал ребятам про жизнь грибов, их хитрости и секреты. «Как ни хоронилось грибное войско, – пояснял бывалый грибник, – как ни маскировалось, все одно мы его – под нож! Потому как места эти загодя разведали-разыскали». Набрал ведерко опят, уже не спеша двинулись в обратный путь.

Дома маленький Валя, едва разувшись, влез на диван. Минуту спустя он уже крепко спал.

– Измаял ребенка, – ворчала Вера. – Рвать гужи, по лесу гонять – чего ради?

– Чтоб не мамкиными сынами – казаками росли, – весело щурясь, возразил муж. – Ноги, Верочка – это второе сердце. Хочешь быть на высоте – выбирай крутую дорогу!

Баню Валентин протопил на славу и первым пошел париться – «снимать первый жар». В предбаннике висели с лета заготовленные веники, пучки сушеных трав (мята, донник, чебрец), стояла пятилитровая банка с квасом. Лежанка была устлана кошмами. Валентин парился долго, нещадно хлестался большим березовым веником. Ему не мешали: выдержать жар накаленной бани не было никакой возможности. Орудя веником, Валентин вполголоса напевал любимые куплеты из оперетт, дважды обливался студеной водой, выходил в прохладный предбанник. Обычно, раскочегарив каменку, он кидался из бани вон – валяться в снегу. Но на сей раз зима запаздывала и снегом еще не пахло.

За Валентином в баню пошли женщины, напоследок – «ребятки». Эти всегда парились-мылись вдвоем, хлестали друг друга вениками, причем маленький Валя имел собственные варежки, шапочку, а веник ему выдавали по соразмерности.

Потом сидели за самоваром, пили чай с душицей. «Ребятки» налегали на творожные ватрушки, на пирожки с капустой, луком, яйцом. Вера и Валентин предпочитали варенье из лесной смородины, Дима и Валя – вишневое, земляничное. В стареньком проигрывателе крутился диск Высоцкого.

*Если, путь прорубая отцовским мечом,
ты соленые слезы на ус намотал,
если в жарком бою испытал, что почем, –
значит, нужные книги ты в детстве читал!*

После чая братья затеяли «войнушку»: в углу горницы расставили пластмассовые войска – конницу, артиллерию и пехоту. Стрельбу вели пластмассовыми шариками из игрушечных пистолетов. Заряжая «ствол», Валя упрямо повторял:

– У меня казаки, у Димки – враги. Я их победю!

Но рослый Дима раз за разом сноровисто истреблял отряды противника. Валя негодовал, гневно уличал брата в нарушении правил. Когда он в сердцах швырнул в Диму коробку с пластилином, в конфликт вмешалась мать.

– Дима, ты же взрослый. Уступи ему.

Неспортивный демарш супруги заставил Валентина поморщиться. Он встал над схваткой как заправский арбитр.

– Скажи, Дмитрий, сколько лет Вале?

– Пять с половиной, – не без удивления ответил сын.

– А тебе?

– Четырнадцать.

– То-то. Почти в три раза больше! Понял?

– Что?

– А то. Ежели ты в три раза старше соперника, стало быть, боеприпасов у тебя должно быть в три раза меньше. Справедливо?.. Заряжай десять шариков! А мы с тобой, Валя, тридцать пуль отсчитаем.

С большим азартом заиграли все трое. Несмотря на яростное сопротивление, Дима потерпел первую неудачу, а счастливый «атаман» Валя так бурно радовался победе, что до полночи не давал всем уснуть.

* * *

Вера исподволь заглядывала в рукописи и дневник Валентина. Муж-писатель многое носил в себе, поэтому то и дело записывал на ходу и в поездках, часто вставал среди ночи, включал настольную лампу. Торопливо набрасывал что-то в блокноте, на клочках бумаги. Шел на балкон или на кухню: курил, обдумывая характеры и поступки вымышленных и реальных героев. Читая бумаги мужа, Вера будто разговаривала с его душой.

И в деревне по вечерам Валентин часто присаживался с тетрадями с краю стола. Однажды он так и заснул, уронив голову возле рукописи. Перед тем, как выключить лампу, Вера прочла на развороте листа:

«Все остается в прошлом. Настанет конец и нынешней российской смуте. Народ наш, благодаря непобедимому долготерпению своему, вынес неслыханные бедствия и издевательства. Выдержал разорение, разруху и, главное, попрание всех идеалов. Сколь ни тужились западные мудрецы и наши коллаборационисты, ничего у них не выходит: стоит Россия! Уже махнули на нас рукой: дескать, разорили, растлили мы русских, теперь они вымрут сами собой. А мы живем, учимся, создаем и воюем. То, что для других тяготы смертные – для нас плевое дело, ей Богу. Своим безмолвным, пассивным сопротивлением разрушителям народ наш спасает Россию. Что дальше?»

Политик должен понимать свою цель. Что, ежели Петр Первый стал приверженцем конституционной монархии – добился бы чего-нибудь путного? Или представить Сталина сторонником Коминтерна... Проводя реформы, и Петр, и Сталин хорошо понимали, чего хотят. А Горбачев – что он понимал? Лавировать, лгать, пускать пыль в глаза – все, чему научился.

Нынче бояре сделали вид, что вспомнили государственное мышление и патриотизм. Как же: «транши» с Запада им больше не светят, а богатства России – только для русских вельмож. Ждут, небось, когда преставится экс-самодержец, подписант беловежский, капитулянт хасавьюртовский. Отойдет «первый из рассеян» в мир иной – и объявят: вот оно, чудовище! Ату, ату! Ему за все отвечать.

Что остается? Помнить о вечном. Молиться за убитых, замученных, не родившихся. Они – жертвы нынешней смуты.

Часто спрашивают: отчего народ молчит, будто воды в рот набрал? Многие, очень многие поверили в сказочные перспективы. Но мода на преуспевающих буржуа пройдет, а на «неуловимых мстителей» – возродится.

Все остается в прошлом. Останется в памяти людей наше грозное время! Его будут сравнивать с годами Великой Отечественной: 1991 – с 1941-м, 1993 – с 1942-м, 2017 – быть может, с 1943-м...»

Глава девятая

ФЕРМОПИЛЫ

В детстве Вера любила не классики и скакалку, а мальчишеские забавы – казаков-разбойников, лапту, чику, чижа. Играть «на улку» выходила со сверстниками из соседних домов. Правда, на игры «в войнушку», кроме «Зарницы», Веру не брали, – за исключением одного случая, который особенно врезался в память.

На их Горьковской улице тянули новую теплотрассу. Экскаватор вырыл глубокий ров, навалив рядом большие кучи суглинки. После дождей поверхность куч схватилась и затвердела. Самую высокую и крутую горку мальчишки называли «высотой Безымянной» и решили за обладание ею «устроить зарубу». В оборону сели трое подростков, а пятеро мальчишек десяти-одиннадцати лет взялись сбросить их с высоты. К осаждавшим примкнула и Вера.

Понятно, старшие ребята легко, как пух, низвергали идущих на приступ противников. Они зубоскалили, насмехаясь над слабосилием малолеток; а те после третьей атаки выбивались из сил, чуть не плача, кусали губы.

Гарнизон высоты пополнил четвертый боец – тринадцатилетний Юрка-пижон в цветастой, завязанной узлом у пупа рубашке, клешах с цепями и папиросой в зубах. Юрка и его «мушкетеры» жили в элитной четырехэтажке, их отцы были начальниками разного ранга, а матери – «дамами». Все четверо слыли любителями «побалдеть» и получить «острые ощущения». Против них вышли мальчишки из рабочих семей, которые жили в старых домах без полного набора удобств. Их увлечения состояли в посещении разнообразных секций и кружков, участии в спортивных играх, соревнованиях. Эти ребята не очень вкусно и калорийно питались, силенок накопили не так уж много, но боевого азарта и спортивной выносливости им было не занимать.

Юрка эффектным щелчком отшвырнул окурок, матерно облобил «пузатую шелупень». Сжав зубы, мальчишки двинулись на четвертый, решительный штурм.

Четверо сцепились с неприятелями, обхватив их длинные ноги. Вера и самый младший ее соратник Гришка тоже взбежали

на гору; они хватали горстями песок, кидали дылдам «в шары». Двое поединщиков, катаясь по куче, сверзились в яму. Гришке разбили нос. На его истошный крик прибежал старший брат, тринадцатилетний Леха по кличке Амбал, и принял команду над отчаянной детворой. С криком «ура!» войско «приблатненного» Юрки забросали камнями, – подростки, матерясь, ретировались в свой ухоженный двор.

С того дня Вера начала понимать, как силу плоти может сломить сила духа.

... На очередном заседании избирательного штаба перед Верой положили экземпляры распространяемых конкурентами листовок.

На одной из них Вера была изображена в длинном платье с глубоким вырезом спереди – как у танцовщицы из канкана. Сзади к «хвосту» огромным комсомольским значком пришпилен был красный бант. На груди висел наперстный крест, на ногах красовались ботфорты со шпорами. Героиня в одной руке сжимала серп и молот, другая, призывно поднятая над головой, держала чековую книжку. Каблуки сапог попирали очерченный линией административной границы силуэт Ярской области. В чертах лица не было намек на шарж, но передние зубы торчали как клыки у вампира. Надписью служила строка из коммунистической песни: «Будет людям счастье, счастье на века!» Содержание листовки подводило к мысли о том, что «кандидат в юбке» очень коварна и неразборчива в средствах.

– Что скажете? – указав глазами на листовку, спросила помощников Вера.

Посыпались возмущенные возгласы, сарказмы. В основном сходились на том, что на карикатуру надо ответить карикатурой. Предлагались наброски рисунка и текст... Говорили, что листовку распространила «команда» Быкова – «владельца заводов, газет, пароходов», лица, близкого и к столичным властным кругам, и к криминальным группировкам «столицы Урала». Выдвижение Быкова означало попытку богатых соседей окончательно привязать Ярскую область с ее хлебом, мясом и молоком к своей бричке, несущейся в «рыночный рай». Эмиссары Быкова развернули бешеную агитацию в городах и районах, особенно – по деревням. Действовали нахраписто, цинично, пытались запугивать конкурентов. Сулили фантастические блага, раздавали «гу-

манитарную помощь», а то и просто наличные. Денег не жалели.

– Быков обвинил меня в конформизме, – перебив спорящих помощников, колочу заговорила Вера, – а сам-то он что – дуже правильный, неподкупный? – Достала из ящика стола газетную вырезку, нашла помеченный красным карандашом абзац. – Читаю: «Мы хотели бы, чтобы Ельцин снова стал президентом. Для этого у него есть все: доброе сердце и крепкая воля, богатый государственный опыт, талант организатора и мужество русского человека, сильный характер и любовь к Отечеству». Это слова Быкова. Изрек он их в девяносто шестом, когда «всенародноизбранного» в Кремль вторично вносили. Но мы-то знаем, как у нас здесь Ельцина «любят»... Короче, нужна обстоятельная статья о том, кто такой Быков. Ведь он бывший комсомольский функционер! А ныне – ставленник «малиновых пиджаков». Затем выпускаем листовку с «выжимкой» из статьи – факты, цифры и эта цитата. Вор призывал голосовать за вора на троне!

Статья о Быкове вышла в одной из местных газет через день, листовку выпустили через три. На ней Быков предстал как Петрушка из балагана: в майке с профилем Ельцина, хилыми ножками, маленькой головой. Огромными были руки, тянувшиеся из коротких рукавов к лесам и хлебным полям Зауралья, его фермам и элеваторам, трубам заводов и фабрик. Левая рука заканчивалась волосатой пятерней с блатною наколкой и многочисленными перстнями; запястье другой, с костлявыми пальцами, украшал великолепный манжет с изумрудною запонкой, какие носят финансовые воротилы. На манжете виднелась метка в виде золотого тельца... В отношении «крыши» данного претендента у избирателя не должно было остаться иллюзий.

Предвыборная борьба многочисленных кандидатов обрела все большее ожесточение. По улицам городов маневрировали моторизованные группы поддержки. У проходных предприятий, на рынках кричали в мегафоны, раздавали листовки, газеты. Салоны автобусов, троллейбусов и маршруток увешивались агитлистками. Телевидение запускало многочисленные ролики сомнительного содержания. Теледебаты перерастали в брань, поношение оппонентов. Журналисты сбились с ног на раздаче подарков, норовя обслужить наиболее «крутые», денежные группировки.

Но глубокое людское море так и не было взбаламучено. На

собрания, митинги ходили не как некогда сотни и тысячи избирателей – в лучшем случае три-четыре десятка наиболее злых и дотошных. Большинство склонялось к пассивному восприятию: смотреть телевизор, ругать всех... Собирались прийти, опустить бюллетень. Но читать программы кандидатов, смаковать взаимные их нападки уже не было сил. Причину этого объяснял Вере знакомый политолог, немолодой выдавший виды мужчина:

– Народ устал. Выборы надоели. Есть еще желание голосовать «за царя», но за прочую мелочь – не желаем, увольте. Пущай он вас назначает, да сам с вас и спрашивает. Почему Ивана Грозного, Петра Первого, Сталина не могут забыть? Потому что не только простого Васю – они и начальство жаловали «по заслугам». Дал маху по службе – и загредел с кайлом в руках на стройки империи, а гламурная женушка – в киргиз-кайсацкую степь. Сие – извечная мечта о «твердой руке». А вот когда сам избиратель ошибся, проголосовал не за того кандидата – это, знаете ли, пробуждает в нем комплекс вины... Объективный процесс! Что вы хотите?

* * *

– Вера Васильевна! К вам господин Лысков.

Референт топтался в дверях, ждал указаний. Вера в сердцах сломала линейку. Лысков явился без приглашения, без звонка. Все помощники Веры по выборам были в разъезде... Все так некстати.

Но, подумала Вера, разговора не избежать. Зачем оттягивать решительную минуту? Громко распорядилась:

– Проси!

Лысков пришел не один. С ним был молодой человек в дорогом черном костюме – коротко стриженный, с руками громилы. Маленький узел галстука нелепо смотрелся на его бычьей шее.

– Это – Игорь Леонидович, доверенное лицо Андрея Антоновича Быкова, – разваливаясь в мягком кожаном кресле, представил спутника Лысков. Он был в легком хмельном кураже.

«Доверенное лицо» тоже уселся в кресло, рядом с Лысковым. Таким образом, оба заняли уголок отдыха возле входных дверей в кабинет. Вера находилась в противоположном углу комнаты за письменным столом. Не отрывая глаз от бумаг, спросила сухо:

– Чем обязана?

– Многим, многим обязана, многоуважаемая Вера Васильевна, – назидательно и с издевкой заговорил Лысков. – Мы, понимаешь, вас не трогаем, статус-кво соблюдаем. А вы Андрея Антоновича Быкова порочите, в статейках, в листовках имя треплете. Обижаете, Вера Васильевна.

– Так не мы это начали, – с деланным равнодушием возразила Вера. – Вот эту листовочку ты, Александр Владимирович, внимательно изучал?

Она достала из папки пресловутую листовку с карикатурой, бросила на приставной стол. Лысков не двинулся с места. Его спутник, позевывая, чистил пилочкой ногти.

– Что же в листовочке нашей плохого? – Лысков, не меняя тона, продолжал гнуть свое. – Изображена ты там во всей своей красе, еще и счастье всем людям сулишь.

– Ну, так и в наших прокламациях Быков во всей красе изображен, – в тон Лыскову заметила Вера. – Что, правда-то глаза колет?

– Плохо, что ты так ставишь вопрос, – Лысков, как бы сокрушаясь, помотал головой (обрюзгшие щеки студенисто дрожали). – Ладно. Прекратим этот бесполезный спор. Есть ценное предложение. Слушай сюда! Снимаешь свою кандидатуру. Побеждает Андрей Антонович... Андропова сомнем, можешь не сомневаться! Тогда ты – вице-губернатор. На все четыре года. – Откинулся на спинку кресла, блеснул щелчками жадных глаз. – Если хочешь, можем дать на это любые гарантии.

Вера тихо засмеялась. Ее сместили попытки «психа» Лыскова выглядеть всемогущим, крутым.

– Передай своему олигарху: он зря старается. Шансов у него – ноль. Ему не только нас – Андропова не обойти. Вы хоть и принимаете народ за быдло, но у людей хватит здравого смысла, чтобы на свою шею не выбрать «варяга».

Лысков подобрался, зыркнул исподлобья недобро. Теребя повязанный на манер Жириновского галстук, проскрежетал:

– Все не так, Вера Васильевна. Подумай, на кого уповаешь. На толпу, которую купит любой, кто с деньгами? Или на маразматики из «Народовластия»? Эх, Вера Васильевна! Времена щас другие. Брось ты дамский свой популизм, больше заработаешь. Дети, внуки спасибо скажут. Мы ведь люди не бедные. И толпу накормим, и себя не обидим. Подумай.

– Вы накормите! – голос Веры гневно звенел. – Благодетели... Ваши Гайдар да Чубайс посулами здорово накормили! Народу аж по миллиону в год вымирает... Ваших рук дело, лакеи американские! – Она поднялась с кресла, давая понять, что разговор окончен. – Всё. Пусть лучше Быков свою кандидатуру снимает.

Визитеры встали как по команде, подошли почти вплотную к Вериному столу, причем «доверенное лицо» держался поближе к телефонным розеткам. В его глазах читалось явное желание схватить Веру за горло.

– За языком следи, да? – спутник Лыскова указательным пальцем повел туда-сюда перед собою, засопел сломанным носом. – А то базар здесь гнилой, на Андрея наехала – это чё?

– Пошли вон! – четко разделяя слова, проговорила Вера.

– Это чё? – «доверенное лицо» повернулся к Лыскову, сощурился тяжело. – Поучить?

Лысков испытывал громадное удовольствие: на такой «сцене» он мог самоутвердиться без опасения получить сдачи.

– Ай-яй-яй, Верочка. А ведь Игорь Леонидович прав. Ты нас не уважаешь – и мы с тобой жестко поговорим. – Лысков взял из пластмассового стаканчика цветной карандаш, переломил, смаху швырнул на стол перед Верой. – Вот так поговорим! – Схватил второй карандаш – снова сломал.

Взгляд Веры был устремлен поверх головы Лыскова: за спиной «психа» стоял Валентин. (Как всегда, вошел в кабинет жены без доклада; появился тихо, без стука и стал свидетелем конца разговора.) Лысков, почуяв неладное, повернулся было назад, но Валентин ухватил его за уши, рывком потащил к двери.

– Ты какое право имеешь?.. А-а! – Успел крикнуть Лысков, и тут Валентин ударом под зад вышиб его в приемную.

Спустя мгновение Валентин уже надвигался на «доверенное лицо». Дитина, хоть и был выше Валентина на полголовы, проявил недюжинное проворство и, увернувшись, пятился задом к двери. В глазах его противника читалась неукротимая ярость. У Игоря Леонидовича задрожали поджилки. Валентин, наступая, пнул дитину в колено. Тот охнул, повернулся боком, чтобы поскорее удрать – и, провожаемый звучным пинком, вылетел вслед за Лысковым.

Прекратить борьбу, бросить все... Разве ей больше всех надо? Без ее жертв жизнь остановится, что ли? Времена Жанны д, Арк давно миновали.

Валентин, остыв от гнева, уехал домой. А Вера сидела за чашкой остывшего кофе, обхватив голову, беззвучно шевелила губами – ругала себя. Было за что: влезла в игру без правил. Это не шутка! Тут и мужикам, небось, страшновато. Занималась бы лучше детьми...

Включила телевизор – и тут же погрузилась в дебри рекламы. Тщетно давила кнопки на пульте: реклама шла одновременно на всех каналах. Здесь девицы доходчиво убеждали друг друга в преимуществах «тампакс», там учили в процессе жевания ощущать «поистине зимнюю свежесть»... Возникла бегущая строка: «Куплю корочки ВУЗа»; «Работа в офисе для девушек. Отдам в хорошие руки». Вера усмехнулась. Да, Валентин прав: только непобедимое русское терпение может сносить агрессию оборзевших телемагнатов.

Сердце сжималось и ныло – так вдруг захотелось покончить с мучительным ожиданием, разрубить запутанный узел проблем. Но как? Очень просто: в избирком пишется заявление о снятии кандидатуры – и свободна! Взяла было авторучку, бумагу...

В дверь постучали. Показалась голова Риммы: подруга улыбалась несмело и будто бы виновато.

– Ты чего? – отрывисто спросила Вера.

– Вот, – Римма поставила на стол тяжелую сумку, принялась доставать оттуда: небольшой торт, конфеты, лимон, – пришла тебя развеселять. Ставь чайник!

– По какому случаю? – Вера неохотно поднялась, добавила в чайник воды из графина, повернула переключатель.

– А по случаю того, Верочка, – Римма весело подмигнула, – что мы живы-здоровы! И мы, и детки наши. По нынешним временам это о-ё-ёй как важно.

Вера, улыбаясь, расставила чашки.

– Ну, присаживайся, развеселяй.

Римма замаялась:

– Еще надо две чашки.

Оказалось, пришла она не одна, а с подругами по бывшей комсомольско-молодежной бригаде – Зиной и Ритой. «Девич-

ник» задумывался ими давно, ждали только полочки.

Заварили крепкий душистый чай. Достали альбом с фотографиями. Вспоминали былое: производственные авралы, субботники, первомайские демонстрации... С потрепанных фотографий смотрели лица людей, навсегда оставшихся за роковой чертой, в той жизни, такой простой и понятной. Вспоминая об умерших, всплакнули. «За политику» никто и не заикался.

Расспрашивали друг друга о детях. Надежд, с ними связанных, было немало, вопросов, проблем – куда больше. Время летело незаметно. За окнами чернел поздний вечер, северный ветер швырял в стекла снежной крупой. Неугомонная Римма «сварганила грог» – плеснула в горячий чай коньячку, добавила меду, лимон. Ломая разговор, взяла Верину руку, сказала:

– Не грусти, подруга. Мы тебе верим. Ты – наша. Ты – женщина. Чем сейчас люди живут, ой, как хорошо видишь. Видишь и понимаешь! Это у мужиков zenки бесстыжие жиром заплыли. А нам сейчас не посулы, не бряцанье «бабок» – край-конец совесть нужна. Старики, дети маются. Доброго, светлого ждут...

Вера пристально вглядывалась в полное, наскоро припудренное лицо Риммы, морщинки в уголках ласково прищуренных глаз. Дорогостоящая поддержка старинной подруги. Тем паче, и жизнь Риммы – не мед: одна, без мужской опоры, поднимает детей (супруг ее, Пашка, преставился три года назад от сердечного приступа). Почувствовала такую легкость – из сердца будто вынули гвоздь. На душе сделалось светло, хорошо. Тихо, одними губами, сказала:

– Да, ради детей, стариков. Все ради них... Если женщины наши перестанут детей рожать, а старики внучат пестовать, погибла Россия!

Повисло молчание. Видя душевное состояние Веры, женщины неловко передвигали посуду, переглядывались.

– Уже поздно, домой пора, – несмело проговорила худощавая близорукая Рита.

– Сиди! – властно отрезала Римма. – Не все тебе у плиты закопачивать. – Оглядела подруг, весело плеснула в ладоши. – Жизнь продолжается! Нам ли быть в печали? Споем, девчонки!

Помощник Веры Виталий, сидя в тот вечер в приемной, дивился. Из кабинета шефа лилась песня, которую он слышал неправдоподобно давно, в пору раннего детства:

*И снег, и ветер, и звезд ночной полет
Меня, мое сердце в тревожную даль зовет...*

Виталий размышлял: неужели эти слова мог распевать не только мифический Павка Корчагин, но и Вера Васильевна – такая современная, молодая?

Глава десятая

БРЕМЯ ВЛАСТИ

Со стороны аэропорта мчались губернаторский «мерседес» и две машины сопровождения. Завидев издали кортеж с «мигалками», простые смертные спешно выкатывали свои авто к обочине. Машины кортежа то и дело притормаживали, крутились среди кочек и ям: городские дороги были мало оборудованы для скорой езды.

Андронов только что прилетел из Москвы. В салоне «мерседеса» он немедленно вынул «мобильник». Косясь на окно, за которым проносились обшарпанные фасады домов и замусоренные тротуары, набрал номер.

– Заседание штаба начнем в семнадцать ноль-ноль! – голос губернатора звучал хрипло и возбужденно.

Причиной дурного настроения Андропова была усталость. Минувшая ночь прошла на подмосковной даче бурно, сопровождалась обильными возлияниями. Сегодня болел затылок, мучила жажда.

Прикрыв лицо ладонью, Андронов длинно зевнул. С московским бомондом невозможно ничего решить без спиртного. Некогда малопьющий, он, став губернатором, стал «употреблять» куда чаще, дабы не выглядеть среди других «белой вороной».

Да, в последние годы многим пришлось пожертвовать, от многого отказаться. То, что вчера казалось простым и доступным, сегодня воспринимается подобно превысоким горам. Что остается? Только делать вид, что сии вершины губернатор Андронов давно покорил и грозный, неприступный их вид ему не в диковинку. Отрыв от действительности пугал с годами все меньше, значение якобы взятых вершин в анналах придворных писцов беззастенчиво завывалось.

Члены избирательного штаба собрались в кабинете Андропова. Все, кто здесь был, знали, чего хотят. Благополучие каждого напрямую зависело от исхода будущих выборов. Зависел от этих людей и Андронов – зависел настолько, что уже боялся себе в этом признаться.

Упершись большим затылком в холодную кожу спинки массивного кресла, губернатор со все возрастающим раздражением слушал доклады соратников. Слов лилось много, но, если выделить дельное, результаты работы штаба были ни к черту. Андронову вспомнились старые добрые советские времена, и он с тоской подумал: насколько же раньше было все проще... Проще и основательнее. Одним телефонным звонком решались такие вопросы, которые нынче не решишь всем «хуралом». Но тогда все эти люди не посмели бы даже приблизиться к олимпу областной власти!

Вот сидит по левую руку пресс-секретарь губернатора, нервный коротко постриженный молодой человек. Прячет глаза за очками, непрерывно строчит в блокноте. О чем думает? Что строчит? До назначения пресс-секретарем не написал ни одной статьи, на должность свою влез по великому благу.

Вот советник губернатора – личный телохранитель. Несмотря на могучие габариты и самоуверенный вид, стрелять вряд ли умеет. А если губернатора-благодетеля начнут убивать, сделает все, чтобы спасти свою шкуру. Зато предупредителен, услужлив неимоверно. Злоязыкое окружение величает его горшокосцем.

Здесь и начальник избирательного штаба Сапожков... Ох, о нем лучше не думать! От вида этого человека в душе губернатора ныло так, будто саднила заноза. Сапожков – протезе крупных банкиров, а перед «денежными мешками» и красный губернатор в кадровой политике несвободен. Они-то, банкиры, и дали деньги на избирательную кампанию.

Слушая складную речь столичного политтехнолога, Андронов встал на затекшие ноги, взял с письменного стола сигареты. Затылок продолжал болеть: в мозг будто впивались острые гвозди. Андронов молча прошел в заднюю комнату, поискал таблетки в шкафу. Не найдя, налил полчашки коньяку, быстрым движением обрушил спиртное в рот. Вернулся в кабинет. Тяжело ступая, принялся ходить взад-вперед. Политтехнолог продолжал

говорить. Губернатор слушал его с нескрываемым недовольством. Спросил хмуро:

– Так какие слабые стороны Вороновой как кандидата в губернаторы вы акцентируете в последней листовке?

Докладчик раскрыл папку, полистал бумаги.

– Воронова не имеет опыта руководства муниципальными образованиями, тем более – областью.

– Чушь! – взорвался Андронов. – Избиратели о таких «опыта не имеющих», можно сказать, грезят. «Области нужен крепкий хозяйственник, долой аппаратчиков!» – вот их чаяния. Что, я не прав?

Столичный фанфарон не смутился.

– Это вопрос спорный. Часть электората действительно так настроена. Но у нас есть еще один стопроцентно выигрышный аргумент: пол кандидата. Женщина-губернатор – это несерьезно.

– Умники! – почти не разжимая сведенных нервной судорогой скул, процедил Андронов. – О чем вы говорите? Наше бабье толпами поперет за Веру голосовать из одного только чувства противоречия. В России все губернаторы мужики. Как же так? Неравноправие! Надо, дескать, ломать эту порочную практику. И тут вы со своей листовкой...

Лицо советчика вытянулось, приняло подобострастное выражение. Андронов закурил. Жадно затягиваясь, в полминуты выкурил сигарету. Сказал жестко:

– Надо знать факты! Производственные показатели за время директорства Вороновой. Инвестиции: кто и сколько вкладывал. Реализация продукции. Масштабы сокращений персонала. Где факты, хотелось бы знать.

Политтехнолог замялся.

– Показатели завода удовлетворительные. Рост производства в течение последних двух лет. Инвестиции значительные. Процент сокращенных работников наименьший среди крупных предприятий области.

– Ну вот, – лицо Андропова коверкала злая усмешка. Сказал с горьким сарказмом: – Довоевались!.. Уж и не знаю, что вам присоветовать.

* * *

Вечер того же дня губернатор провел на своей загородной даче. Прошелся по обсаженной молодыми кленами аллее. Затем надел старый овчинный полушубок, вооружился деревянной лопатой. Принялся сгребать недавно выпавший снег к зябнущим на морозе яблоням, сливам. Снега было немного, и Андронову пришлось оголить до земли немалых размеров площадку. Работал он с ожесточением, почти бегом. Охранник у ворот с удивлением наблюдал трудовой пыл хозяина.

Притомившись, Андронов уселся на веранде в кресло-качалку. Пил чай, понемногу – армянский коньяк, смотрел в холодное звездное небо. Физическая усталость притупила нервное напряжение. В полудреме Андронов расслабленно бормотал:

– Дело швах. Игра без козырей. Вера по всем статьям нас обставит. Надо договариваться. Дело швах!

По «мобильнику» позвонил пресс-секретарю на квартиру.

– Слушай, Эдик. Ты завтра поедешь к Вороновой. Передашь от меня: надо, мол, встретиться... Когда? Завтра скажу! Жди команды.

Раскачиваясь в кресле, Андронов продолжал размышлять. Да, шансы Веры на выборах велики. Но ведь она не может не понимать, что в случае победы ополчит против себя «всю аппаратную рать», втянется в изнурительный бой без правил... Надо предложить ей должность заместителя губернатора – «кинуть кость». Но что если Вера отвергнет переговоры? Чем пугнуть ее, чем прижать? Отобрать завод? Это значит – ополчить против себя новые тысячи недовольных...

Так ничего не решив, Андронов заснул. Среди ночи не раз просыпался, дико тарасился на черное небо и ветки разлапистой ели, что росла подле веранды. Во сне скрежетал зубами, стонал.

... На другой день пресс секретарь тщетно ждал указаний губернатора относительно визита к Вере. Андронов так и не вызвал его.

Глава одиннадцатая

БИЗНЕС-ЛЕДИ

Рядовой визит к косметологу стал для Ольги счастливым открытием. В гардеробе коммерческой клиники, рядом с кадками для цветов принимала куртки и шубы пожилая женщина. Несмотря на солидный возраст (далеко за шестьдесят), она была со вкусом одета, губы подкрашены. В гардеробщице Ольга без труда узнала бывшую заводскую львицу, начальника бюро технического контроля и члена парткома завода Семенцову. Подавая ей свою шикарную «норку», проговорила ей: «Здравствуйте, Галина Андреевна!» Семенцова глянула прямо и цепко, сдержанно поздоровалась. По-видимому, Ольгу она не узнала.

Как же! Кем была Ольга в золотые годы Галины Андреевны? Простой советской радиомонтажницей, все права которой оказывались втуне сразу за проходной. А Семенцова на своем участке верховодила под стать столбовой дворянке. Она хорошо понимала, что главные принципы социализма суть учет и контроль. Ее делом был контроль, поэтому ее боялись, ей благоговейно внимали. И вот времена изменились. Семенцова как прислуга торчит за гардеробной стойкой, а Ольга – при делах, блистает в завидном «прикиде». Каково?

После приема Ольга попросила знакомого пластического хирурга ее проводить, и молодой импозантный мужчина в холле, отделанном под хай-тек, пособил ей облачиться в тяжелую шубу. Мало того, в трескучий мороз врач в одном халате сопровождал Ольгу к авто. Она млела от удовольствия. Ради того, чтобы вот так подмять «бывших», поменяться с ними ролями, следовало поиграть в активность. А новая роль Ольгу вполне устраивала.

... Ольга знала, для какого разговора направились к Вере Лысков и один из подручных Быкова Игорь. Знала и ждала – с чем вернуться?

Она любила, оставшись одна, ходить по залам и комнатам своего роскошно отделанного коттеджа, дотрагиваться до витражей, лепнины, статуэток, картин – и не спеша размышлять. Медленные мысли в тиши не раз давали ей ту верную нить, которая выводила из лабиринта проблем к правильному решению.

На сей раз мысли путались, сердце трепетало от страха и злобы. Еще бы! Можно сказать, вся будущность Ольги зависела от успеха Быкова на губернаторских выборах. Уже поделена была «шкура жертвенного животного» – ключевые посты управления областью. Уже где надо договорились, как будут банкротить и «прихватизировать» еще не поделенные заводы, фабрики, элеваторы, и тут Ольге был обещан заманчивый жирный кус... Она прикидывала, как распорядится новой собственностью, как поднимется еще выше – над людишками, которые бесцельно копят этот мир. Да-с, Быков – это тебе не Андронов. Какой размах, какие масштабы! Как верно она, Ольга, рассчитала – на кого сделать ставку. Не учла одного: честолюбия бывшей подружки.

Ольга зашла в спальню. Здесь пол устилали леопардовая и тигровая шкуры, а все четыре стены и потолок были зеркальными. Постояла, разглядывая свое отражение: шея дряблая, на веках нездоровая желтизна, ресницы редкие, глаза – пустые. Вышла вон, хлопнув дверью. Летит времечко... Этак скоро золотую арматуру придется вживлять в «морду лица», как сделала Катрин Денев. (От смертной обиды, как от изжоги, горько стало во рту.) И почитание подчиненных, и заискивание обслуги – все внешнее, напускное. Взять тех же врачей: рассыпают комплименты, улыбаются медово. А за глаза (она как-то подслушала) ёрничают как сатиры: «Гляди-ка, ножки у ней – французские». – «Ага, ножки французские, а окорочка – американские». Что остается? В ночных клубах подобно перезрелым матронам мальчикам-стриптизерам в трусы купюры совать? (Выругалась вполголоса матерно.) У Верки, небось, таких проблем нет. Дважды рожала, а всё поджарая, как пионерка – будто ее законсервировали еще с совковых времен. Она, видите ли, считает, что лицо есть портрет души человека, а зависть старит быстрее всего. Сука! Жаль, в девяносто третьем году шею ей не свернули...

Но ничего, это можно поправить. Быковские ребята шутить не любят: могут достать кое-что и Верочке показать. Что она тогда делать будет? Не такая уж и бесстрашная.

Внизу громко стукнула дверь. Ольга вышла из гостиной. Увидела: по лестнице тяжело поднимается Лысков – с тоской на лице, уши распухшие, красные. У Ольги сделалось пусто в голове. Кое-как ворочая языком, спросила:

– Ну как?

Лысков, косолапо ступая, прошел в столовую. Полез в сервант, роняя посуду; налил себе виски. С фужером в руке тяжело опустился на стул.

– Да никак.

Выпил, отдулся. Понюхал маринованный помидор, бережно потрогал драные уши – и начал рассказывать о разговоре с Верой, неожиданном появлении Валентина и происшедшей вслед за этим конфузии.

Слушая его, Ольга все больше мрачнела. Нервно крутила золотой браслет на запястье. Спросила нетерпеливо:

– Где Игорь?

– На улице. Ковыряется в «джипе».

– Позови!

Лысков сходил во двор, вернулся в компании «доверенного лица». Игорь был хмур, поминутно терзал свой «сотик» – пытался с кем-то связаться.

– Папе Быкову звонишь? – спросила его Ольга.

– Ему.

– Погоди докладывать! Прежде надо поговорить.

Игорь послушно поплелся в гостиную. Женский деспотизм Ольги имел загадочную власть над его сознанием. Он ее слушался, уважал.

– Выпей мадеры! – Ольга наполнила два высоких стеклянных стакана. – Разлив испанский.

Ражий во хмелю, Игорь избегал употреблять крепкие спиртные напитки, но мадера была не из их числа. Хотя вино имело такое же отношение к Испании, как Игорь к вузу, диплом которого он недавно купил, подельники быстро опорожнили бутылку. Как только Игорь начал хмелеть, Ольга со значением проговорила:

– Это дело нельзя так оставить. (Игорь качнул щетинистым подбородком – соглашался.) Когда произошла потасовка, другие свидетели были? В приемной уши грел кто-нибудь?

– Н-нет, свидетелей не было, – тяжело ворочая языком, с запинкой ответил Игорь. – Был мужик, типа секретарь, да ушел.

– Так это же классно! – Ольга оставила в покое свой браслет; прижав руки к груди, туда-сюда заходила по длинной, сумрачной комнате. – Это упрощает дело. – Подошла к Игорю почти

вплотную, хищно посмотрела в глаза. – Раз нет свидетелей, нет и конфликта. Теперь с Веркой что ни случись – мы не причем. Так! Между нами всегда были деловые, взаимоприемлемые отношения. – С усмешкой: – С кем она могла не поладить, мы знать не знаем. На пост губернатора баллотируются еще шесть кандидатов!.. Ты меня понял?

Игорь засопел, ухмыльнулся:

– Я тебя понял.

– Хорошо. Надо еще понимать, что у Верки очень высокий рейтинг. Но если ее фамилии в бюллетенях не будет, наша победа обеспечена!

Выставив «трубу» мобильного как пистолет, Игорь побежал к своему «джипу».

В столовой Лысков уплетал отварной говяжий язык с горошком, намазывая большие куски тертым хреном с горчицей. Ольга знала: после нервных нагрузок и стрессов на благоверного неизбежно нападает «дикий жор».

– Ну что? – нетерпеливо и подобострастно спросил Лысков. – Что решили?

– Что решили?.. – мечтательно-отрешенный взгляд Ольги устремлен был в окно, за которым ветер раскачивал верхушки сосен, сгущались сумерки – кончался короткий ноябрьский день. – Тебе не кажется, что зима уже надоела? Поехали лучше на Кипр! – И, предвидя новый вопрос Лыскова, сказала, притворно зевнув: – Как говорил Геббельс, машина запущена. За неделю без нас ничего особенного не случится. Или случится... Хорошо, что без нас.

Не вытирая губ, умиротворенный Лысков пошел звонить в турагентство. Этот странный день удивил еще раз: Ольга никогда не брала его с собой «на юга». Хотя он пятнадцатый год состоял ее законным супругом...

Глава двенадцатая

ИСХОД

Истекал ноябрь. До дня выборов оставалась неделя.

Дни настали короткие, утра хмурые и морозные. Город выглядел серым и скучным, подобно зевающему пенсионеру. «Не

люблю это время, – жаловалась Вера. – Пасмурно, темно, будто в царстве теней. День убывает, кругом все застыло... Душа тоскует».

В воскресный день Валентин, Вера и ребятишки собирались за город, на дачу: накануне подвалило снега, наступала пора встать на лыжи. В предвкушении этого Дима и Валя проснулись рано и принялись ходить, стучать, спорить – готовились к долгожданной лыжной прогулке. Их возня раньше времени разбудила родителей. С закрытыми глазами Вера накинула теплый халат, потащилась в ванную. Дача, лыжи, конечно, дело хорошее. Но на одиннадцатый час в кинотеатре намечена встреча с избирателями. Через «не могу» надо собраться, быть в форме. Ох, скорей бы конец всему этому...

Под утро привиделся Вере странный какой-то сон. Будто бы проснулась она в сумраке спальни, встала с постели. Подошла к окну, оглянулась. Со стороны увидела себя и Валентина лежащими на кровати. Вот Валентин поднялся, поцеловал ее, спящую, и ушел – через раздвинувшуюся стену к белокаменному златолавному дому, что виднелся поодаль.

... Валентин пригнал со стоянки машину. Быстро соорудил яичницу с салом, салат. Ребятишки позавтракали. Вера приняла душ; сидела на диване, потирая виски – пыталась привести себя в волевое состояние.

Удалось ей это лишь к десяти. Поспешно принялась одеваться, причесываться, попутно тормоша Валентина и сыновей. Сложила в папку нужные бумаги, проверила зимнюю экипировку Димы и Вали, на ходу успела кое-куда позвонить. Вместо еды выпила стакан соку, проглотила таблетку янтарной кислоты.

Настроение не улучшилось: разозлил своим упрямством супруг. Ребятишки суетились в прихожей, прея в теплых куртках и шапках: просились с мамой на собрание, – Валентин уперся как челдон-старовер. «Вас заберу на обратном пути, – объявил жестко, – мы с мамой вернемся переодеться для дачи. А на собрании шпанцам делать нечего! В зале, поди, не топлено, будете потом сопли жевать». Вера не стала с ним спорить – не тот был настрой. Провожаемые слезными протестами Вали, страстно любившего всякие автопрогулки, супруги поспешили оставить квартиру. Почти всю дорогу до кинотеатра Вера молчала, с трудом подавляя досаду.

Валентин тоже казался сосредоточенно-хмурым. Глаза у него ввалились, лицо обветрело, похудело. Обычно собранный, предусмотрительный за рулем, Валентин вел авто невнимательно, то и дело пристально взглядывал на жену. Припарковав машину, снял шапку, утер влажный от пота лоб:

– Давай посидим перед делом. Время есть.

– Ты чего сегодня... такой? – роясь в сумочке, рассеянно спросила она.

– Что-то, Вера, душа болит у меня, – Валентин достал было из «бардачка» сигареты, зажигалку, но не зажег, не затянулся, – забыл. – Будто нечистая сила стоит за спиной! Такое предчувствие... В первую чеченскую сержанта раненого из боя мы выносили. Молодой парнишка, еще бритвой не обзавелся. Все твердил: «Вот, убили, а мама-то как без меня?» Вынесли его в тыл, машина для раненых – вот она, шагах в двадцати. Я его взвалил на плечо, чтоб подбодрить, говорю: «Ничего, браток, вышли. Не журишь! Еще на свадьбе твоей погудим!» Тут меня сзади будто кто палкой толкнул. Подбегаю к машине, перевернул парня, а он – мертвый, с осколком в затылке... А я перед тем всю ночь глаз не сомкнул, вот так же, как сейчас мне сердце щемило... Понимаешь, какое дело: ведь тот осколок-то – мой!

Вера громко защелкнула сумочку. Она по-своему поняла сказанное Валентином.

– К чему такие картины? Здесь не война. Ну, не выиграем эти выборы – фиг с ними! Зато книга твоя скоро выходит. Отметим!

Валентин положил руку ей на обшлаг.

– Порой мне кажется, Вера: мы с тобой всегда будем вместе. Что бы там ни случилось, даже если сердца биться не будут... Ведь кроме сердца душа еще есть!

Он произнес это с грустной и нежной улыбкой, не сводя с нее своих серых, по-доброму прищуренных глаз.

За лобовым стеклом Вера увидела подъехавший к кинотеатру микроавтобус с членами ее штаба, «джип» со столичными знаменитостями, специально прибывшими ее поддержать.

– Ну, пошли, муж! – она легко выскочила из «девятки». – На даче договорим. Там обстановка более подходящая.

... – И, наконец, о наших мечтаниях жить как на «цивилизованном Западе». На чем они зижделись? Демократы наши рассчитывали, что западный дядя вознаградит их «заслуги» за предательство российских государственных интересов. Но вспомните: чем наградили Иуду Искарриота за выдачу его учителя Иисуса? Тридцать сребренников – вот цена предательства всех времен! Чем кончил Иуда? Всем известно. Господа демократы не могут, не хотят понять, что нужны западным хозяевам лишь до тех пор, пока жива и стоит Россия.

А что же российский народ? В массе своей он полагал, что западные спецы научат нас, как надо жить и хозяйствовать при «ихнем рынке», что стоит только «учредить рынок» в России и будем все как сыр в масле кататься. Многие думали, что государственный строй будет прежним, советским, но при этом «рынок» все же «введут». Что из этого вышло, также известно. Другое дело, можем ли мы в принципе интегрироваться в западный рынок – такой, каков он есть?

Задумаемся, каковы наши климатические условия. Где мы добываем электроэнергию, нефть, газ, руду? На каких широтах сеем хлеб, садим картошку? Это вам не Европа и Калифорния, даже не Филадельфия и Канада! Здесь, у нас, щитовыми домиками и летними марками топлива не обойдешься. Во что, в какие величины складывается себестоимость производимой в России продукции? На каком таком рынке с подобными товарами нас, русских, ждут? Думали об этом доморощенные монетаристы – господа Гайдар, Ясин, Чубайс? Где там! Для них все было предельно просто: мол, дважды два – пять. Ведь «пять» – это милее для Запада.

Известно: русский человек задним умом крепок. Дважды на одни и те же грабли не встанет. Мы можем производить конкурентоспособную продукцию и поставлять ее на мировой рынок. Пора торговать переработанной нефтью, а не сырой, стандартизованными пиломатериалами, а не сырой древесиной. Заработанные на этом средства можно вложить в станкостроение, обновить станочные парки заводов. После этого будет чем поднимать промышленность и сельское хозяйство страны. Это – наш путь развития. У России он свой и постулаты приверженцев западной модели нам не указ. Мы тщетно ждали таких мер от Горбачева.

Теперь эти же ожидания связываем с наступлением нового века.

А что наша область? Каковы ее перспективы? Еще десять лет назад я заявляла и повторяю еще раз: хорошие перспективы у области есть. Производимое нами зерно мы можем продавать без посредников. Надо расширять производство муки, круп, масла растительного. До Октябрьской революции край наш был покрыт сетью масло- и сырзаводов, спиртзаводов, лесопилок и мельниц. Наше зауральское сливочное масло предпочитали английские короли. На ярмарки сюда съезжались купцы, промышленники со всей Сибири, Урала. Где все это теперь? Зачем нам советы западных мудрецов, когда деды и прадеды своей жизнью показали – что делать? В недрах нашего края лежат запасы нефти, урана, железной руды. Их мы должны передать в наследство нашим детям и внукам. Здесь, на нашем собрании, присутствуют столичные гости – депутаты Госдумы, крупные ученые-экономисты. Им близки жизненные интересы нашего региона. В разгаре разработка проекта экономического развития области. Для успешного окончания этой работы нужны фактические данные показателей развития по предприятиям, по районам. Но чиновники ныне действующей администрации, у которых есть эти данные, не желают подключаться к работе. Бог им судья. Я же, в случае моего избрания на пост губернатора, обещаю довести до конца это дело.

Уважаемые земляки! Не один год мне, дочери рабочего, приходилось представлять ваши интересы в высших органах власти Союза и России. Немало сил было затрачено, немало вопросов рассмотрено. Немало проблем удалось решить. Но все последние годы на сердце, на душе лежит тяжкий груз, а во взглядах людей читаю: как ты и товарищи твои могли допустить, чтобы простые русские люди, создававшие несметные богатства и державную силу России, оказались лишены веры в счастливое завтра страны, надежды на счастливое будущее детей, внуков? Как получилось, что ведущая индустриальная держава мира попала в разряд развивающихся государств? Как случилось, что наша страна, обладающая почти половиной мировых природных запасов, живет подачками со стола бесстыжих соседей? Кому из простых людей лучше от того, что в их селе закрыли детский садик, зато у Березовского – новая яхта? Наверное, стоит так изменить общество, чтобы в нем граждане соревнова-

лись не в воровстве и обмане, а в трудовых достижениях.

Я вижу, как вы, мои земляки, в нечеловеческих условиях сеете хлеб, учите детей, строите дома и машины. Я низко кланяюсь вам и хочу верить: вместе нам удастся сделать много больших, добрых дел, за которые, быть может, скажут спасибо те, кто придет вслед за нами...

Тысячестный зал кинотеатра был полон. Вслед за выступлением Веры собравшимся были представлены еще два кандидата в губернаторы. Но их слушали плохо. По окончании собрания в фойе и на улице люди подходили к Вере и ее спутникам с пожеланиями и расспросами. Седовласая женщина в пальто с обтрепанным лисьим воротником, стараясь перекричать обступивших Веру мужчин, громко сказала:

– Вера Васильевна, я ветеран труда. В войну девчонкой железнодорожные шпалы укладывала. Знаю вас. Верю! Пойдите там за нас, стариков, всеми брошенных. Приступите начальство-то наше! Я тоже в пояс вам поклонюсь... А это внуки мои...

– Женщина решительно раздвинула мужские тела, позвала: – Надя, Люба! Идите сюда!

– Подбежали две статные светловолосые девушки, одетые не по сезону легко – в демисезонные кутки и джинсы. Две пары больших голубых глаз светились веселым любопытством, щеки на морозе алели.

– Вот, Вера Васильевна, – строго оглядев внучек, торжественно проговорила женщина, – и я, и они будем голосовать только за вас! Может, увидим еще хорошую жизнь... Вы уж не подведите.

– Чем занимаетесь, Надя и Люба? – сделав шаг навстречу девушкам, спросила Вера.

– Студентки машиностроительного факультета! – хлопая руками по бедрам, чтобы согреться, задорно ответила та, что постарше. – Я на пятом курсе, Люба – на третьем.

– Ира, иди к нам! – повернувшись к толпе, позвала Люба.

Подошла третья девушка, пониже ростом. Ее лицо показалось Вере знакомым.

– Вас зовут Ирина?

– Ирина Колотыгина.

– Дочь Риммы?! – с радостным изумлением Вера вглядывалась в улыбочное, темноглазое лицо девушки. – Ведь вы – дочь моей старинной подруги?

– Да. Мама мне много о вас рассказывала.

– Какая ты взрослая! Я помню тебя первоклассницей... Ты тоже студентка?

– Да, учусь. В одной группе с Любой.

Вот она, наша смена, подумала Вера. Этим не на что покупать дипломы – добывают их потом, трудами великими. И работать будут как положено, не за страх, а за совесть. На таких, небогатых и работающих, Россия держится. За ними, а не избалованными отпрысками богатеев будет последнее слово. Сияя улыбкой, сказала:

Учитесь, заканчивайте вуз поскорее. Ждем вас к себе на практику. И на работу возьмем!

– Придем, – пообещала серьезная Люба. – И еще у нас к вам будут вопросы. Тесно живем! Университетскую библиотеку расширить пора.

– Ладно, – Вера подала девушкам свою визитную карточку, – завтра поговорим.

Переговариваясь с московскими гостями, Вера спустилась с площадки перед кинотеатром на мостовую. Подошел Валентин. Долго и терпеливо ждал окончания разговора. Стараясь поскорее завершить дела, Вера громко сказала ему:

– Сейчас поедем! – И, обращаясь к окружающим, представила: – Это мой муж, Валентин Медведев. Писатель и журналист.

Но этот маневр отвлек настырных москвичей ненадолго. Вновь заговорили о предстоящей на завтра пресс-конференции, роли теледебатов в «перетягивании» электората... Валентин тронул жену за рукав, сказал:

– Пойду, машину прогрею.

Вера кивнула. Валентин отошел, завернул за угол, коря себя за зря потерянные минуты: завести мотор следовало пораньше.

Утомленная затянувшимся разговором, Вера стала прощаться со спутниками. Зябко поежилась: задувал северный ветер. Натянула перчатки, осторожно ступая, пошла по обледенелому тротуару... Совсем рядом, за углом, громыхнул взрыв.

Пораженная испугом, Вера встала, как вкопанная. Прямо на нее бежал человек с белым лицом, без шапки. Он запыленно кричал:

– Машину взорвали!

Вслед за ним из-за угла выкатилась объятая пламенем «девят-

ка», вернее, остов машины: взрывом выбило стекла и дверь, сорвало капот. К месту взрыва отовсюду бежали люди. Они, как глухие, кричали возбужденно и зло:

– Бензин, что ли, взорвался?

– Какой бензин?! Парень машину завел, только тронулся – как рванет!.. Бомба!

– О, Господи!..

Люди, толкая друг друга, бестолково суетились возле горящих обломков. Сознание Веры уплывало, руки-ноги не повиновались. Она медленно оседала на снег... Черная смертная пелена заволочла взор, полуослепшие глаза не видели ни земли, ни неба, ни солнца.

Глава тринадцатая

ВСЕ ОСТАЕТСЯ В ПРОШЛОМ

Время не остановилось. Напустив лихие морозы-метели, по завьюженным просторам неспешно прошагала зима. Весна на солнечной колеснице летела за ней по пятам... Прошло полгода.

* * *

– Я здесь, любимая. Слышишь шелест листьев, шум ветра, дождя? В шуме жизни услышишь мой голос. Что из того, что не видишь лица? Лишь только закроешь глаза – я с тобой...

... Погожим апрельским днем Вера вышла из храма. Постояла на паперти, любуясь сиянием золотых куполов. Прошла по зазеленевшей молодой листвою аллее, нашла скамью между двух больших тополей.

Здесь семь лет назад – в незапамятные времена – сживали они с Валентином: она в свадебном уборе, он в парадном мундире... Ждали машину (шофер отлучился куда-то), любовались чистым высоким небом, серебряно блестящей в лучах щедрого солнца листвою. Любовались друг другом – улыбались радостно и светло.

– Что еще нужно? Я счастлив. – Валентин говорил нежно, ликующе. – Поди-ка, найди человека, который вправду скажет: я люблю! Не так-то просто, если без трепя, правдиво. А ведь мы

с тобой, Вера, лет десять знакомы! Десять лет идти навстречу друг другу... Целые десять лет.

– Что нужно мне? – спрашивал Валентин, когда они с Верой прогуливались по аллее. – Все-таки, человек должен жить для других. Если смогу достойно своей стране послужить, если удастся рассказать о моих чувствах пером – значит, рожден не напрасно. И чтобы еще, – улыбнулся мечтательно, – сыну передать наследье мое... Знаешь, все остается в прошлом. Кроме бессмертной души.

Что изменилось? Так же светило весеннее солнце, шелестели деревья, порхали и пели беззаботные птицы. То же место – и они двое: так же ведут разговор.

– Ты прав. Завидовать некому. Хорошо, что так много успел. Оставил сына. Оставил книги. А мне еще детей растить – сколько-то весен и зим?..

Вере вновь вспомнилась последняя запись в дневнике Валентина: «Нашему поколению выпало встречать весну своей юности, когда страну охватила нежданная злая осень. Теперь во мне живет надежда, что на осень моей жизни придется долгожданная весна моей любимой страны. Надо ли говорить, что для нас и детей наших это может стать лучшей наградой?»

От храма по аллее к Вере шли сыновья. Они растут, крепнут. Будут еще расти и мужать – от весны к весне.

Вера поднялась, пошла им навстречу. На полдороге оглянулась в последний раз на то место – заветную скамейку и тополя...

Весна торопила время.

Весну торопила жизнь.

1984-1986, 1997-1998, 2000-2001, 2011.